

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 4 (54)

2017

Москва 2017

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Буховец, В. Голдман, Н.Т. Ерегина, В.П. Зиновьев,
В.Г. Корнелюк, А.В. Костров, Н.Г. Кулинич, А.М. Пашков,
А.А. Симонов, В.Л. Успенский, Д. Фильцер, В.Ж. Цветков, Л. Чех**

Ответственный секретарь **М.Ю. Черниченко**
Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторелла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2017
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2017
© Издательство Ипполитова, 2017

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer, W. Goldman,
V. Karnialiuk, A. Kostrov, N. Kulinich, A. Pashkov,
A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Executive Secretary **M. Chernichenko**
Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2017
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2017
© Ippolitov Publishing House, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Мауль В.Я.* Избиение «изменников» и очищение от «дьявола»: Восстание москвичей в 1648 году.....6
- Немашкалов П.Г.* Приходское духовенство Северного Кавказа во времена становления Кавказской епархии (конец XVIII – середина XIX веков).....28
- Бадмаева Е.Н.* Налоговая дискриминация буддийского духовенства в Калмыкии (1923 – 1931 годы).....45
- Очилов У.Б.* Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941 – 1942 годах: трудности и итоги.....55
- Некрасов В.Л.* Экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: Авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество.....71
- Волков Е.В., Сибиряков И.В.* «Красный лейтенант»: Историческая политика и мемориальный культ П.П. Шмидта (1905 – 2005 годы).....92

Россия и мир

- Тепкеев В.Т.* «Пребывает ли во здравии Великий Белый хан?»: История самого раннего письма калмыцкого владетеля русскому царю (1642 год).....111
- Липкин М.А.* «Мировой кооператив народов»: Совет Экономической Взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев.....121

Антибольшевистская Россия

- Марковчин В.В.* Дважды засекреченная: Брошюра японских разведчиков о русской эмиграции в Европе и на Дальнем Востоке.....145

События и судьбы

- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Валеев Р.М.* Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин (1840 – 1850 годы).....153

CONTENTS

Russian Statehood

- Maul V.* Massacring “Traitors” and Exorcising “The Devil”: The Muscovite Uprising of 1648.....6
- Nemashkalov P.* The Parish Clergy of the North Caucasus during the Formation of the Caucasian Eparchy (end of the 18th – middle of the 19th Centuries).....28
- Badmaeva E.* Tax Discrimination against the Buddhist Clergy in Kalmykia (1923 – 1931).....45
- Ochirov U.* The Formation of the 110th and 111th Kalmyk Cavalry Divisions in 1941 – 1942: Difficulties and Results.....55
- Nekrasov V.* Soviet Economic Reformism of the Khrushchev Era: The Authoritarian Reformer, the Party-State System, and the Academic Community71
- Volkov E., Sibiryakov I.* The “Red Lieutenant”: The Politics of the Past and the Memorial Cult of Pyotr Schmidt (1905 – 2005).....92

Russia and the World

- Tepekeev V.* “Is the Great White Khan in Good Health?»: The History of the Earliest Known Letter from the Kalmyk Ruler and Overlord to the Russian Tsar (1642).....111
- Lipkin M.* The “Global Cooperative of Peoples”: The Council for Mutual Economic Assistance that Nikita Khrushchev Tried to Build.....121

Anti-Bolshevik Russia

- Markovchin V.* Twice Classified: A Japanese Intelligence Brochure on Russian Emigration in Europe and the Far East.....145

Landmarks in Human History

- Martynov D., Martynova Yu., Valeev R.* Master of Philosophy, Vasilii Vasilyev, and his Mission to Beijing (1840 – 1850).....153

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ Russian Statehood

В.Я. Мауль

ИЗБИЕНИЕ «ИЗМЕННИКОВ» И ОЧИЩЕНИЕ ОТ «ДЬЯВОЛА»: ВОССТАНИЕ МОСКВИЧЕЙ В 1648 ГОДУ

V. Maul

Massacring “Traitors” and Exorcising “The Devil”: The Muscovite Uprising of 1648

Московское восстание 1648 г., известное под названием «Соляной бунт», не может «пожаловаться» на недостаток внимания со стороны историков. Практически каждый исследователь отечественной истории XVII в. в той или иной степени касался его в своих обобщающих либо специальных трудах. Однако при всем историографическом изобилии и разнообразии подходов ученые почти не обращались к анализу социокультурной природы массовых беспорядков, чем существенно ограничивали полноценность понимания яркого фрагмента российского прошлого. Очевидно, что без учета особенностей традиционной «картины мира» невозможно понять реальный смысл событий, каким он представлялся их участникам и современникам, эмоционально переживавшим различные проявления социально-экономического и политического кризиса в стране.

Стремление выяснить аксиологические стимулы и мотивы посадских низов, служилых людей, сельской бедноты и прочих бунтовщиков побуждает прислушаться к их собственным «голосам», «довериться своим “собеседникам”... а потому взять за основу их критерии» и оценки окружающей действительности¹.

Затруднение заключается в том, что в распоряжении историков, по сути дела, нет источников, вышедших непосредственно из-под пера восставших. Едва ли не единственной в своем роде можно считать челобитную на имя царя Алексея Михайловича «от всяких чинов людей и всего простого народа» от 2/10 июня 1648 г., дошедшую до нас в двух не всегда совпадающих вариантах. Причем, первый из них – в обратном переводе со шведского языка на русский. Несмотря на сложность источниковедческого анализа этой челобитной, полагаем, что она в качестве продукта своей эпохи может быть использована для выявления представлений и настроений ее составителей.

Главным же образом сохранившиеся документы исходят из лагеря их противников или иностранцев. Поэтому культурный багаж, который содержался в публичных акциях российских мятежников, мог ускользнуть от взгляда авторов, быть им чуждым и непонятным. В этой связи особую ценность для историков приобретают различные косвенные ссылки, не до конца прозрачные намеки и многочисленные смысловые контексты этих сообщений. Помочь в раскрытии культурной семантики ненамеренных свидетельств источников могут теоретические модели и междисциплинарные методологии, разработанные и апробированные на материалах славянского традиционного мира. Взятые нами на вооружение познавательные подходы славяноведов, позволяют выявить категории и механизмы культуры, воплощенные в текстах источников, что, в свою очередь, может стать герменевтическим индикатором протестной активности участников московского восстания 1648 г., являвшихся носителями традиционного сознания.

С этой точки зрения более важным будет не то, что бунтовщики делали, а их осмысление происшедшего в рамках бинарных (двоичных) оппозиций (противопоставлений) традиционной культуры: жизнь–смерть, добро–зло, свой–чужой, хороший–плохой, верх–низ, перед–зад, близкий–далекий, огонь–вода, белый–черный, мужской–женский, сакральный–мирской и т.п. Именно они определяли пространственные, временные, социальные и иные характеристики мира, свойственные той эпохе.

Только при таком исследовательском ракурсе есть шанс уловить скрытое от потомков глубинное содержание, заложенное ими в свои действия, и ту информацию, которую они хотели донести до современников. Тем более что накопленный историографический опыт позволяет воздержаться от очередного пересказа хорошо известной событийной канвы восстания. Достаточно напомнить, что оно сопровождалось «грабежом домов, поземельных и других документов, пожаром и наконец убийством трех ненавистных народу лиц – думного дьяка Посольскаго приказа Назарья Чистаго, Леонтия Степановича Плещеева и окольного Петра Тихоновича Траханиотова»².

В силу видимой необычности той далекой от нас грозовой ситуации в Москве, вслед за В.Н. Топоровым, попытаемся «живо почувствовать и “плоть”, и “дух” эпохи и города» середины XVII в. и порассуждать «о тайном нерве тогдашней жизни»³.

* * *

Признавая несомненное влияние комплекса объективных факторов на положение и настроение различных кругов столичного простонародья, полагаем, что они формировали тот необходимый эмоциональный фон, без которого последующие события не могли произойти. Однако самих по себе их было явно недостаточно для того,

чтобы потенциальные бунтовщики не просто поднялись на борьбу, но при этом осознавали все свои действия в качестве законных и богоугодных. Именно так обстояло дело во время июньского восстания 1648 г., участники которого продемонстрировали полную лояльность царю Алексею Михайловичу. Причем это была не протокольная вежливость официальных документов, а самая что ни на есть откровенная приязнь, неоднократно засвидетельствованная словами и поступками мятежного люда, искренне утверждавшего, что «они очень довольны его царским величеством»⁴.

Действительно, в первые годы правления легитимность нового государя не вызывала сомнений у подданных, о чем, в том числе, говорит отсутствие до середины 1660-х гг. самозванцев, провозглашавших себя «истинными» царями в противовес правящему монарху. Исключением был «русский авантюрист» Тимофей Анкудинов («сын» Василия Шуйского). Но несмотря на предъявленные «аргументы» и красочный антураж, которым была обставлена самозванческая интрига, он не получил поддержки в пределах Московского государства. В основном же разносимые народной молвой по городам и весям упреки сводились к неопытности венценосца, в силу которой реальными делами заправляло его ближайшее окружение: «государь де молодой глуп, а глядит де все изо рта у бояр у Бориса Ивановича Морозова да у Ильи Даниловича Милославского, они де всем владеют, и сам де он государь то все ведает и знает да молчит». В этой связи еще «в мае 1648 г. в Москве распространялись слухи о том, что Б.И. Морозов у своего воспитанника “царство отнял”». Но эти претензии, как можно заметить, своим острием были направлены не столько против легитимности Алексея Михайловича, сколько в адрес корыстных «узурпаторов» его воли. «И от того де промыслу ходить нам по колени в крови», – делали низы тревожный прогноз⁵.

На такой почве могли, конечно, возражать более основательные обиды («нынешний де г[осударь] к нам немилостив»), но они не приобрели характер эпидемического явления. Самое же серьезное обвинение в те годы, как ни странно, родилось в непосредственной близости от царя. По крайней мере, некий подьячий Сытенного дворца Иван Протопопов будто бы слышал «про государя непригожее слово от боярина от Бориса Ивановича Морозова», который «говорил так, что не прямой государь». Впрочем, по мнению историков, это была всего лишь неудачная попытка врагов высокопоставленного вельможи «скомпрометировать Бориса Ивановича в глазах царя»⁶.

Как не раз случалось прежде и будет позже, в такой аффективно наэлектризованной атмосфере народный покой тревожили серьезные опасения «Божьей казни», а потому актуализировались разного рода мистические пророчества. В рассматриваемое время велись оживленные разговоры о некоем чудодейственном свитке, обладавшем сверхъестественной силой: кто его «станет носить при себе, и на суд пойдет, и того человека кривым судом не осудят; да в том же

письме написано: кто с тем письмом умрет, и тот человек избавлен будет муки вечная». К таковым баловням судьбы, в принципе, мог бы причислить себя тюремный сиделец Федор Поподья, которому магическое «письмо» случайно досталось от знакомого солдата. Но испугавшись сакрального таинства, он не стал проверять его эффективность на самом себе, вместе с сокамерниками решили, «что то письмо негодно держать никому», а потому его «изодрал намелко и покинул и в землю втоптали»⁷.

Судя по всему, здесь мы сталкиваемся с переосмыслением в кратком виде апокрифических легенд о 12-ти иерусалимских свитках, изъятых ангелами Божьими «из заточения и небытия», а затем врученных истинно верующим людям. Они переписывались и веками передавались из поколения в поколение. Согласно преданию, иерусалимские свитки наделены особой энергетикой, могуществом и служат для человека действенным оберегом в жизни. Свитки чудесным образом всегда и везде защищали их обладателей от любых бед, невзгод и злоключений⁸.

Подобные истории в те годы носили не единичный характер, но имели едва ли не повсеместное распространение. Например, в приграничных с Речью Посполитой областях широкое хождение получила другая, аналогичная по смыслу грамота, которой так же присваивали магические свойства: «хто имеет тот лист у себя держать, тово ни огонь, ни мечь, ни пушка, ни кол не имеет. А которая баба при себе имеет лист тот, и та баба не услышит болезни рождения дитя своего»⁹.

Помимо этого среди простолудинов, как не раз прежде и позже, распространялись слухи о существовании «милостивых» царских указов, облегчающих их жизнь, которые регулярно утаиваются боярами-«изменниками». Причем не всегда подобные представления возникали на пустом месте. Именно так, например, была осмыслена царская грамота, предъявленная жителям Курска в том же 1648 г. В силу своего содержания (мол, «Костентину Теглеву впредь до вас дела нет») она вызвала сомнения местной администрации, прежде всего, самого К. Теглева – тамошнего стрелецкого головы, который «выслушав государеву грамоту, называл воровскою и протопопу говорил, что он тое государеву грамоту, положи протопопу на голову, разобьет. И протопоп де ему говорил: мы де за государеву грамоту станем миром на Костентина, что он ее лживил»¹⁰.

Симптомами народных смятений и страхов служили клишированные истории, подобные той, что случилась в Устюге Великом, где церковный дьячок «Игнашка Яхлаков... носил бумагу согнута, а говорил во весь мир, что де пришла государева грамота с Москвы, а велено де на Устюге по той государеве грамоте 17 дворов грабить». В Воронеже свидетель и, возможно, участник московского «гиля» полковой казак Герасим Кривушин так же «клялся, что привез от царя указ, по которому воронежцы должны прогнать воеводу Гряз-

ного и группу его сторонников». После чего загадочно добавил, что тот «указ не далече до русского лесу, (а) весь де указ за русским лесом». Да и во время волнений в Курске, согласно показаниям крестьянина Василия Крашенинника, «кричали де мужики, что прислана государева грамота, а велена Костентина убить», что и было тотчас же исполнено¹¹.

С готовностью реагируя на давно ожидаемые слова, рядовые жители названных и иных городов и острогов, как правило, переходили к открытому насилию против власть предержащих ненавистников. При этом пребывали в искреннем убеждении в царской поддержке, не сомневаясь, что уничтожение «злодеев» и их имущества зеркально компенсирует причиненную ими несправедливость, после чего общественная гармония магическим образом восстановится сама собой. Многочисленные факты подобного рода убедили Е.В. Чистякову, что в середине XVII в. простые люди повсеместно «хотели верить какому-то новому “указу” царя, который бы облегчил их жизнь», и это обстоятельство наглядно характеризует народную веру «в возможность “добрых” постановлений со стороны царской власти»¹².

Соответствующая уверенность питала решимость участников бунта и в столице, среди которых немалую часть составляли приезжие провинциалы. В контексте традиционной ментальности иначе не могло и быть, ибо считалось аксиоматичным, что монарх разделяет настроения народа. Однако ажиотированные страхи, реанимируя воспоминания о Смуте, все равно рождали тревожные опасения, «что наказание Божьяго гнева, которое в прежния времена за такое беззаконие разразилось над Московским государством, ныне снова нас постигнуть должно». И это происходит от того, что молодой царь не всегда на высоте своего положения оплота социальной справедливости в православном царстве, так что даже «вся народное множество... твоему царскому человеколюбию и долготерпению удивляютца». Этим охотно пользовались «властолюбивые нарушители крестного целования, простого народа мучители и кровопийцы и наши губители», они «нас всеми способами мучат, насилья и неправды чинят». Как справедливо заметил Д.А. Ляпин, «подразумевалось, что члены правительства Б.И. Морозова и сам боярин нарушают клятву верности царю», что в народном сознании «означало лишение их власти легитимности. Служащий, нарушивший клятву, присягу, данную царю, являлся преступником, изменником, заслуживающим сурового наказания». Именно об этом восставшие напомнили Алексею Михайловичу в своей челобитной: «тебе меч злым на казнь, а добрым на милость был вручен, чем тогда всякая неправда была исправлена»¹³.

Главных царевых и народных «изменников», которые великому государю «изменяют и ево, государево, царство разоряют», россияне знали наперечет. Среди них не было случайных лиц, и ненависть

они заслужили не только административными мерами, взяточничеством или волокитой. Все эти неблагоприятные дела воспринимались всего лишь как воплощение заведомого злоумышления и тянули за собой целый шлейф воображаемых подозрений¹⁴.

Первым в виртуальном списке стоял боярин Морозов – воспитатель, родственник и любимец царя. Он интересовался западной культурой и казался подозрительным тем, что «держит отца духовного для прилики людской, а еретичество де знает и держит». Репутация судьбы Земского приказа Плещеева уже за несколько лет до того была изрядно подмочена ссылкой в Нарымский острог «за его многое воровство и за ведовство и за порчу и за волшебныя письма». Сильное озлобление у служилых людей по прибору и духовенства, но по другим причинам, вызывал начальник Пушкарского приказа Траханиотов. По оценке И.Л. Андреева, он представлял «редкий для XVII столетия случай, “не корыстовался” и не мздоимствовал», зато «был бескомпромиссен и никому спуску не давал», за что его «буквально возненавидели». Компанию «изменников» органично дополняли продажный думный дьяк Чистой и не уступавшие ему второстепенные фигуры из морозовской партии, которые «с легкой руки Бориса Ивановича, устроили такую вакханалию мздоимства, вымогательства и прочих черных делишек, что население буквально взвыло»¹⁵.

М. Перри в специальной статье на материалах XVII в. пришла к выводу, что народные низы под боярской «изменой» подразумевали: 1) злоупотребления «сильных» людей», состоявшие во «вредительстве» интересам народа и царя; 2) подозрения в покушениях на жизнь царя или членов царской семьи; 3) обвинения в незаконном присвоении символов царской власти, что считалось узурпацией царских прерогатив; 4) обвинения во внешней измене, то есть в предательских сношениях с иностранными врагами России¹⁶.

Кое-что из перечисленного, в самом деле, характерно для кануна и времени московского восстания. Однако в предложенной систематизации отсутствует, на наш взгляд, принципиальный социокультурный маркер. Поскольку «живший в сфере религиозного сознания человек мерил свои помышления и труды мерою христианской нравственности» и ответственности, есть основания полагать, что в перечне обвинений в адрес конкретных бояр ключевым идентификатором была «неправедность», которая как раз и определяла суть их «измены». В контексте культурных оппозиций становилось понятно: если они служат не Правде, значит, – стоят за Кривду, искоренение которой является прямой обязанностью праведного государя. По мысли Топорова, «признание факта попрания правды, разъединения с нею было, кажется, страшнее всех жизненных тягот, которые и были следствием того, что Нонечь Кривда Правду приобидела». Дело в том, что актуальные для народной традиции образы Правды и Кривды являлись «выражением главного духовного противоречия,

столкновения противоположных начал – Божественного и сатанинского, доброго и злого, света и тьмы»¹⁷.

В рамках эмоциональных образов эпохи не вызывало сомнений, что «если возникает на земле неправда, то виноват в этом не царь, а его слуги, которые “царю застыят, народ напастят”. Устраивая свои темные дела, они утаивают от царя реальное положение вещей и чинят беззакония: “Царь гладит, а бояре скребют”, “Жалует царь, да не жалует псарь”». При этом царский суд праведен, ибо «“Царь судит, как Бог на сердце ему положит”. Суд царя расценивается как суд Божий: “Дела Божьи, суд царев”, “Карать да миловать – Богу и царю”. Царь – само воплощение Правды от Бога: “Где царь, тут и правда”»¹⁸.

Допускалось, что Алексей Михайлович, мыслившийся «отстраненным» от власти временщиками, мог не догадываться о масштабах бедствия, нависшего над его святой державой. Именно «сироты государевы» с помощью челобитных должны были донести до него тревогу о торжествующих в мире «лихве и неправде». Они и пытались неоднократно, но безуспешно сигнализировать об этом еще до начала погромных действий. Примечательно, что в унисон с московским плебсом оценивали обстановку некоторые иностранные современники: «Так как его царское величество не сам читал эти прошения, но ему лишь кое-что из оных докладывалось, – писал А. Олеарий, – то нужды угнетенного населения ему не становились как следует известны и никакого по этому поводу решения и не происходило». Укорененные в народном сознании убеждения в неосведомленности царя о «неправедных» грехах бояр, в ходе восстания получили подтверждение из первых рук, когда «Его царское величество» в речи перед собравшимися «выразил сильное сожаление, что народ, без его ведома, испытал такие бедствия». После чего заверил, будто теперь он «во всем будет, как отец отечества, в царской своей милости благосклонен к народу». «И тем, – по признанию другого современника, – стечение народа... было утишино»¹⁹.

Поскольку подача челобитья считалась неотъемлемым правом и даже обязанностью низов, они искали максимально благоприятную возможность для легального выражения своего коллективного мнения. Резонно посчитав возвращение царя с ежегодного богомолья в Троице-Сергиев монастырь вполне подходящим поводом для информирования венценосца о назревшей общей опасности, посадский люд 1 июня 1648 г. «по местному обычаю вышел навстречу из города на некоторое расстояние с хлебом и солью, с пожеланием всякого благополучия, просил принять это и бил челом о Плещееве». Надежды челобитчиков на положительный исход ходатайства не были беспочвенными, так как подобные церемониальные процессии монарха, как правило, подразумевали демонстрацию царской милости. Но в этот раз и на следующий день общественным чаяниям не суждено было сбыться. Более того, челобитчиков по-

стигло необычайно жестокое разочарование. Не допуская толпу до царя, те самые бояре, и без того числившиеся в «черном списке», «заполучив в свои руки челобитные, не только разорвали их в клочки, но и швырнули эти клочки в лицо (подателям) и ругали народ язвительными словами; да и некоторых велели... немилосердно побить; а иных заточить в темницу»²⁰.

Не стоит удивляться безудержной ярости, охватившей собравшихся москвичей, которые в ответ с ненавистью «начали бросать камни и попали во многих знатных бояр». Прозвучали и откровенные угрозы в том, что «будет междуусобная брань и кровь большая з бояры и со всяких чинов людьми у них у всяких людей и у всей черни и у всего народу». Точка невозврата, когда ситуацию еще можно было купировать, оказалась пройденной. Издевательское высокомерие к нуждам «черных людей» доказывало обоснованность их подозрений и потому стало детонатором вспыхнувшего мятежа. Очень кстати оказалась поддержка московских стрельцов, прямо заявивших, что «сражаться за бояр против простого народа они не хотят, но [готовы] вместе с ним избавить себя от их [бояр] насилий и неправд»²¹.

Впрочем, разнородную массу недовольных объединили не консолидированные межсословные цели, а персонификация общего врага, борьба с которым могла иметь шансы на успех лишь при совместных усилиях. Иначе говоря, с самого начала это был протест не «за», а «против», когда конечным результатом победы виделась ликвидация «изменников» и автоматическое торжество социальной Правды. Витавшие в воздухе отчаяние и злоба актуализировали в архетипической памяти мятежников четкую социальную дифференциацию – Бог и государь однозначно причислялись на сторону «своих». Им вместе взятым противостояла «мошенническая шайка» придворных во главе с Морозовым. Те же стрельцы, например, изъявляли готовность «угождать и служить его царскому величеству и охранять его, – но признавались, – что они не хотят из-за изменника и тирана Плещеева стать во враждебные отношения с толпой»²².

В глазах общественных низов, слуги вселенского зла и творцы неправедных дел отныне и навсегда лишались права не только на земное, но и небесное заступничество. Среди них сам царь не зря назвал имена «безбожных Плещеева и Тихоновича»²³.

О том же рассуждал монастырский келарь Симон Азарьин, что «некий велможа» (Траханиотов) «корысти желатель бяше». Он «мало имьи в себе страха Божия», и потому даже преподобный Сергий отказал ему в своей защите: «трикраты и возбранен бысть неким промыслом Божиим: ово очною болезнию удержан бысть, ово ж от Сергиева образа свеща свалися и попали ему браду; третицею ж на Украиную службу повеление прием от самодержца. И не ускори путем поехать, зане суди ему Бог вскоре на уготованном месте мзду дела его восприяти»²⁴.

Не смог устоять перед лукавым соблазном и другой честолюбец – Морозов. По сообщению «Хронографа с летописными записями», после женитьбы на царицыной сестре «вознесесь боярин той Борис Иванович Морозов и сотвори себе ризу багряну, подобну царстей багряницы, токмо различие учини от царския багряницы: на оплечии своем у тоя ризы, яко на стихаре дьяконьством, учини четвероуголно, высажено жемчугом и камением драгим, яко оплечие стихаря диаконского, кругом же тоя ризы по полам и по подолу жемчугом же высажено. И восхоте быти, яко же Иосиф во Египте, и не бысть, но народного ради волнения»²⁵.

Высмеивание властных амбиций и осуждающее уподобление Морозова известному библейскому персонажу акцентировали в восприятии современников кощунство несправедливых помыслов и решений как квинтэссенции политики тогдашнего правительства. Неслучайно, в источниках нередко встречаются семантически насыщенные коннотации: «адская злоба», «научение дьявольское», «чорт», намекается, что страшные бедствия происходят «по действию дьяволу». И далеко не всегда эти эмоционально сильные эпитеты обращены лишь к восставшим. Потому-то, ополчаясь против «плохих» бояр, простолюдины могли ощущать себя орудиями не только мирского приговора или царского земного правосудия, но даже и Высшего небесного суда. Чувство собственного избранничества придавало их действиям решительности и особое смыслополагание. Погубившие свои души государевы «изменники» самим этим фактом были обречены на физическую смерть. Их идентификация через служение inferнальным силам, по сути дела, уготовила им роль и участь «заложных» покойников. К числу таковых в традиционной культуре относили тех, «кто умер неестественной, насильственной и преждевременной смертью», «кто при жизни общался с нечистой силой», «кто грешил и нарушал моральные нормы», «кто нарушил профессиональную честь» и т.д.²⁶

Не сомневаясь в поддержке и одобрении монарха, москвичи сразу же приступили к расправам, но еще более энергичными их действия стали после «получения» царской санкции, за какую была принята реплика Алексея Михайловича: «если слуги Морозова позволили себе слишком многое, то отомстите им за себя! – После этих слов вся толпа вместе со стрельцами... бросились к дому Морозова и принялись его штурмовать», между делом «умертвив трех его [Морозова] важнейших слуг», в том числе, управителя Мосея, о котором, заметим, «шла молва, будто он был большой волшебник»²⁷.

Как считает О.Г. Усенко, «вряд ли царь говорил именно эти слова, но нет сомнения, что смысл его речи в источнике передан верно и что в царских словах восставшие усмотрели прямое указание расправиться с “изменниками”»²⁸.

Каждый акт разыгравшейся на московских «подмостках» исторической драмы был исполнен глубочайшего символизма. Поэтому

будет неверным в ледящих подробностях убийств и погромов видеть исключительно мотив мести, который, несомненно, играл катализирующую роль, или только изуверскую жестокость и зверство «обезумевшей» «черни». Смысловую доминанту ее поведенческой активности следует искать в системе традиционных ценностей, органично присущих той эпохе. Именно традиция писала сценарий московского восстания, задавала ритм и логику действий его участников.

Поскольку речь шла о «заложных» мертвецах, они могли стать для людей источником повышенной опасности даже после смерти. На этот случай народная магия предусматривала превентивные охранительные меры. Для обезвреживания колдовских чар требовалось бить антагониста «наотмашь левой рукой, тележной осью, осиновою или вязовой палкой; бить до первой крови». Иной раз у «нечистого» покойника «отрезали голову», чтобы предотвратить его посмертные «хождения». Действенным средством вообще считалось нарушение физической целостности тела, «поэтому старались покалечить труп: протыкали тело (живот, сердце) или только ноги (стопы, пятки) острыми кольями, иглами, гвоздями, ножом, нарезали кожу на шее, под коленями, на животе» и т.п. И, наоборот, «к признакам достойной, человеческой, смерти причислялись обязательные ритуалы обмывания покойника, обряжения его в смертную одежду, отпевание, церковная служба и ряд других, т.е. соблюдение обязательных похоронных ритуалов считалось необходимым условием, чтобы смерть была признана “хорошей”»²⁹. Совершению таких «правильных» церемоний с убитыми «изменниками» восставшие, затеявая свое кровавое представление, принципиально старались помешать.

Первой крупной жертвой «восстания масс» стал посольский думный дьяк Чистой. Причем на трагический жизненный финал «начальник над всеми иноземцами», казалось, был обречен самим роком. Сообщают, что «за два дня перед тем», «когда он собрался домой», ему «повстречалась бешеная корова, которая испугала его лошадь, так что он упал и полумертвый был унесен домой». Анонимному голландскому автору данный вроде бы курьез представлялся «верным предвестником предстоящего великого падения» «великого канцлера». Его вытащили «из потайной дыры или кладовой», где он прятался, «и тотчас же, без всякой жалости и милосердия, убили ударами дубины, причем так его изувечили, что его нельзя было узнать; затем раздели его до нага, бросили во дворе на навозную кучу и оставили его совсем голого и непокрытого на весь день и ночь». Не менее ритуальный характер имела коллективная расправа с московским «бургомистром» Плещеевым. Он «был дубинками забит до смерти; голова его была превращена в кашу, так что мозг брызгал в лицо [бьющим]. Одежду его разорвали, а голое тело протащили по площади в грязи... Потом труп бросали в грязь и наступали на

него ногами. Наконец, пришел монах и отрубил остатки головы от туловища»³⁰.

Кровавая мистерия на улицах столицы завершилась только после того, как по настоянию бунтовщиков царь распорядился о казни «начальника над артиллерией» Траханиотова. «Палач целый час водил несчастного по базару с деревянной колодой на шее; а затем отрубил ему голову», которая «лежала целый день на его груди для зрелища»³¹.

Веским аргументом в пользу того, что убийства не были бессмысленным буйством кровожадной черни, свидетельствует, помимо прочего, судьба жены Морозова – царской свояченицы. Хотя восставшие и застали ее дома, но не стали причинять «никакого телесного вреда, а сказали лишь: “Не будь ты сестра великой княгини, мы бы изрубили тебя на мелкие куски”»³².

Родство с Алексеем Михайловичем спасло жизнь и самому Морозову. Об ее сохранении со слезами на глазах умолял лично благоверный государь, обещавший «отослать его так далеко, чтобы он никогда не возвращался и не допускался ни к каким правительственным делам». В ответ восставшие «на государской милости били челом всем народом всяких чинов люди и пошли из города ис Кремля вон». Однако, как верно подметил Андреев, «спасение старого боярина было куплено не только царским челобитьем к народу, а и жизнью окольного Траханиотова»³³.

Из приведенных описаний видно, что протестующее население в июньской Москве 1648 г. буквально в деталях воспроизводило архетипические модели традиционной магии, скорректированные с учетом конкретной специфики момента. Показательно, что в первых двух случаях тела жертв уродовались до неузнаваемости, после чего полностью оголенными выставлялись на всеобщее обозрение. В подобном символически значимом поведении проявлялся заданный культурной традицией алгоритм, о чем свидетельствуют примеры из более ранней истории народных волнений. Так, лет за сто до того (в 1547 г.) «черные люди града Москвы» в соответствующей ситуации поступали похожим образом. В поисках виновников своих тогдашних бедствий они «убиша камением царева великаго князя боярина князя Юрья Василюевича Глинскаго», чей труп «извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед Торгом, идеже казнят». Несмотря на отсутствие прямых указаний в письменных текстах, скорее всего, тело убитого вельможи тоже было обнажено и истерзанно разъяренной толпой. Такое предположение согласуется с анализом рисунков лицевых миниатюр «Царственной книги» о сценах убийства сановной жертвы, на которых изображено «издевательство над трупом». В центре композиции находится «труп полуобнаженного длиннородого человека – Ю.В. Глинского», которого «волочат веревками за руки и за ноги». При чем «волочат, стаскивая с него одежды, “за город”, т.е. за Кремлев-

скую стену»³⁴.

Вспомним другой известный казус, как в 1606 г. заговорщики поступили с Лжедмитрием I. Во время убийства «один ударил его по голове спереди, другой, наоборот, сзади опять по тому же месту, так что у него выпал из головы кусок шириною в три пальца и остался висеть на одной только коже, третий рубанул ему по руке, четвертый по ноге, пятый проткнул ему насквозь живот». А затем «связали ему ноги веревкою и поволокли его нагого, как собаку, из Кремля, и бросили его на ближайшей площади»³⁵.

Универсальность оберегающих ритуалов становится еще более заметной при сравнении поведенческих практик московских мятежников и бунтующих толп в Европе на исходе Старого порядка. Так, во Франции в 1670 г., ворвавшись в один из домов, они забили до смерти «ударами прикладов и камней» ненавистного им сеньора де ла Сеня, после чего его труп «раздели догола и протащили по улице до приходской церкви». Одновременно «другая толпа» расправилась с сьером д’Ованьяком, чье «тело выбросили во двор и там оставили совершенно голым». Да и позже подобные истории приключались неоднократно. Например, в 1722 г. именно так был убит пратисьен Монклю, которого выволокли «из дома в поле, где до смерти забили его дубинами и палками», а затем оставили «голое тело на месте».

Предложенная нами интерпретация подтверждается мнением З.А. Чеканцевой, вполне иллюстративным и для московских событий 1648 г. Она считает, что манипуляции, «которые толпа производила с трупами, свидетельствуют о том, что смерть врага не была главной целью бунтовщиков. Они стремились к очищению. И лишь жертва, жертвоприношение могло убедить людей в том, что эта цель достигнута». Иными словами, «публичная десакрализация этого тела... была в сознании современников актом предельного презрения к провинившемуся. Он лишался не только жизни земной, но и какого бы то ни было права на покаяние, на существование потустороннее»³⁶.

Помимо громких знаковых убийств добродетельных жителей столицы, судя по источникам, изрядно ошеломил и напугал размах начавшихся в Москве погромов, в ходе которых «черные люди» «пограбиша многие боярские и окольных и ближних и думных и дьячих и гостиные дворы». Если отечественные документы в основном сообщают имена и примерное количество пострадавших собственников, то иностранные сочинения пестрят красочными подробностями «экспроприации экспроприаторов». При этом надо понимать, что принудительное изъятие имущества всегда и во все времена привлекало нечистый на руку сброд и мародеров всех мастей, жаждущих наживы и придающих происходящему криминальную окраску. Не стали исключением и июньские погромы в столице. Однако не стоит сводить их только к банальной уголовщине – во многом они носили организованный характер и выражали совершенно четкую

позицию участников. От внимательного взора некоторых современников не ускользнул принципиальный момент, что чаще всего речь шла не столько о присвоении, сколько об уничтожении чужого добра, особенно, принадлежавшего вышеназванным «изменникам». Так, «драгоценные вещи» в доме Морозова бунтовщики «порубили в куски топорами и саблями: все золотые и серебряные изделия расплющили, драгоценный жемчуг и другие камни истолкли в порошок, потоптали ногами, пошвыряли за окно, не позволяя никому что-либо унести с собою». Считая это богатство нажитым несправедливым путем, под призывный клич – «То наша кровь», – мстители усердствовали до такой степени, «что даже ни одного гвоздя не осталось в стене». Да и во дворах других главных ненавистников, сокрушая все, они «не оставили в целости и малейшей безделицы». Можно не сомневаться, что видимое бескорыстие восставших, как и остальные их протестные «жесты», было социокультурно обусловлено. В частности, такую мысль подсказывает их отказ от денег, ценой которых отдельные жертвы пытались купить себе жизнь, а также громкие крики, что «все должно быть наше», и «не так влечет их добыча, как мщение врагу»³⁷.

Но простой агрессивностью отмщения смысловая начинка погромных акций не ограничивалась. Исследуя историю французских бунтов, Чеканцева обнаружила, что и в Европе «агрессия по отношению к вещам была предельно методичной, и в разных ситуациях всякий раз повторялось одно и то же», когда «уничтожению подвергалось не все, что попадало под руки, но именно то, что обозначало так или иначе статус воображаемого врага... – дорогая мебель, одежда, дома, кареты». Подробности московских событий в принципе позволяют согласиться с таким суждением. Но его нужно усилить рядом важных истолкований, восходящих к традициям народной культуры и позволяющих глубже понять значение целенаправленных действий московских мятежников. Уже говорилось, что постигшие страну тяжелые бедствия участники восстания воспринимали сквозь иррациональную логику традиционных представлений, как результат вредоносного чародейства, творимого сатанинской стихией, но руками земных «изменников». «К разного рода колдовству в XVII в. относились очень серьезно», – отмечают историки. Во всех таких случаях народная традиция допускала возможность нейтрализации его негативных последствий, помешав колдуну «пользоваться магической атрибутикой». Как раз с этой целью требовалось уничтожить «предметы, обладающие сверхъестественными свойствами», что не без успеха проделывали протестующие московские низы³⁸.

Выяснить, почему разгром имущества не ограничился отдельными вредоносными вещами, а принял тотальный характер, позволяют особенности работы традиционного сознания, в соответствии с которыми, «когда через некий символический признак выражается

определенная мифологическая идея, данный признак приписывается всему, что по своему функционально-семантическому облику с этой идеей связано». В этом случае «вещественные объекты – природные или рукотворные... – становятся “материальными выражениями” своих символических свойств». Иначе говоря, путем мысленной экстраполяции отныне вредоносным признавался весь скарб «изменников»³⁹.

Не следует забывать, что в ряде случаев (Чистой, Плещеев, Траханиотов) уничтожалось имущество «заложных» мертвецов, предметы, «с которыми входил в контакт покойник». В народной культуре им «приписывалась особая магическая сила», из-за которой они считались «опасными для живых». Не случайно с покойничьими предметами были связаны специальные «очистительные ритуалы и магические действия», в том числе, их «сжигали либо выносили за пределы жилого пространства»⁴⁰. Точь-в-точь все происходило на улицах Москвы в те несколько июньских дней 1648 г.

Казалось бы, первоначальная ярость мятежников могла быть утолена разгромом, произведенным в первый день, и с наступлением темноты «разбой несколько поутих». К этому моменту символически насыщенными акциями повстанцы успели выразить свою оценку ситуации и ее виновников. Тем не менее, погромы не прекратились, поскольку внезапно отыскивались конкретные доказательства и без того предполагавшейся боярской «измены». Так, в доме Траханиотова нашли «печать его царского величества и два монетных штемпеля, с помощью которых он устраивал много обмана и плутовства», и, согласно народной молве, «в этих мошенничествах с ним сошелся тайно Морозов и, вероятно, был с ним заодно». По другой версии, пропавшая в Посольском приказе печать оказалась «в подголовке в ящике» у Чистого⁴¹.

Но, как известно, деньги и печать «представляли собой символы царской власти», и незаконное их присвоение «бесчестило самого царя, являясь узурпацией его прерогатив». И хотя, по словам Перри, не ясно, «имели ли эти обвинения какое-нибудь основание», главное, что они укрепляли самих восставших в их подозрениях и «служили полезным предлогом для народной расправы против “изменников-бояр”»⁴².

При таком нагнетании страстей понятно, что «ни огонь, ни смерть не могли успокоить» бунтовщиков, продолживших на утро с завидной настойчивостью восстанавливать поправленную справедливость в православном царстве-государстве. Однако осознание высокой миссии служило ментальным барьером для безудержных погромов. Насколько за этим можно было уследить, старались громить дворы «изменников», но не касаться собственности верноподданных горожан. Например, когда повстанцы принялись было «сокрушать дом Морозова, и вознамерились разнести его до основания», вмешался государь, который «повелел сказать им “то мой дом”. И по сему сло-

ву они тотчас же разошлись»⁴³.

Нарисованной картине восстания полностью соответствуют известия о внезапно начавшемся в разных местах грандиозном пожаре, «который за тринадцать или четырнадцать часов опустошил половину Москвы, обратив ее в груды пепла». Можно согласиться с Андреевым, что едва ли историки когда-нибудь «получат возможность со всей определенностью утверждать, что в июне 1648 года Москву специально запалили или, напротив, Москва загорелась случайно. Но зато в этой неопределенности всегда присутствует вполне определенная позиция москвичей: сгорая от грошовой свечи, они предпочитали видеть в пожаре злой умысел и конкретного виновника – того, кого не любили, а лучше всего – кого ненавидели»⁴⁴.

Именно так обстояли дела, допустим, летом 1547 г., когда во вспыхнувшем большом пожаре москвичи заподозрили колдовские происки бабки царя, а потому дружно «глаголати, яко княгини Анна Глинская з своими детми и с людьми влхвовала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела»⁴⁵.

Нечто подобное очевидцы могли предполагать и в 1648 г., когда «изменнические» дела Морозова и его клеветников напрямую связались с внезапно запылавшим городом. Признания пойманных поджигателей лишь подтвердили подозрения, что именно «Борис Морозов и Петр Траханиотов научением дьявольским разослали людей своих по всей Москве, велели всю Москву выжечь». Ненавистному Плещееву в довесок припоминали, что и лет за десять до того он «поджег город Москву, побуждаемый жаждой добычи». Неудивительно, что помощь в борьбе с огненной стихией искали в привычных магических рецептах. В частности, известно о некоем «черном монахе», который уверял, что «страшный пожар прекратится не раньше, как будет брошено в огонь и сгорит проклятое тело безбожного Плещеева», что и было незамедлительно проделано при поддержке нескольких «взрослых юношей». Причем, по признанию сторонних свидетелей, «как только этот труп начал сгорать, тотчас же стало уменьшаться и пламя и погасло на глазах у наблюдавших это удивительное зрелище [немцев]». В том, что желаемый эффект действительно был достигнут, убеждают и другие независимые источники⁴⁶.

При всей кажущейся нам наивности пожаротушения с помощью магических ритуалов, важнее другое: сами носители традиционного сознания не сомневались в такой возможности. Исключая из познавательной процедуры мистический лейтмотив прошлого, мы будем неоправданно упрощать и модернизировать трактовку ситуации. В рамках же народной традиции сжигание трупов «нечистых» покойников при определенных условиях выглядело устойчивой культурной тенденцией. Например, в начале XVII в. тело Лжедмитрия I после неудачной попытки его захоронения, в конце концов, также

было сожжено. Причем до нас дошли разъяснения москвичей, что самозванец, хотя «и мертв, но душа его с помощью дьявола творит чары, поэтому почли за лучшее сжечь его тело», после чего «прах развеяли по ветру, и полагали, что, совершив все это, будут жить без страха и заботы»⁴⁷.

В июньской Москве 1648 г. действия бунтовщиков обуславливались сверхъестественным пониманием ситуации и ее последствий в неменьшей степени, чем в эпоху Смуты, но сжигание тела Плещеева, скорее всего, имело и дополнительный подтекст. Его можно считать ритуализованной формой казни, ибо «перед своей смертью» он все же признался, что совершал «такия неправды», какие приписывала ему народная молва. При этом известно, что в «бунташном» столетии именно сожжением наказывались «отпадение от веры, злоумышление против высшей власти», связанные «с волшебством, с употреблением заговора». По совокупности названных обстоятельств тело Плещеева было буквально «обречено» на то, чтобы сгореть в пламени огня, а его погубленная душа – на вечные муки в геенне огненной. Как и «скверные» души других убитых во время восстания «изменников». Только после физической и символической ликвидации виновников «черных» дел мятежники посчитали свою миссию выполненной. Святое царство было спасено от страшной опасности, а, значит, можно было ожидать, что теперь «Бог Всемогущий нас пощадит и казнь отвратит». К тому же доводы, предъявленные в июне 1648 г., оказались доходчивыми и понятными для тогдашних властителей, включая царя, поскольку прозвучали на хорошо знакомом им символическом «языке» традиционной культуры. Соответствующими были и ответные реакции, заметно снизившие градус напряжения в столичном обществе. В результате протестную активность московских низов удалось сначала нейтрализовать, а затем и погасить⁴⁸.

* * *

В заключение выскажем убеждение, что рассмотрение истории московского восстания 1648 г. в культурном контексте традиционной эпохи позволило увидеть протестные действия населявших ее людей их собственными глазами.

Изучение страхов и предпочтений, составлявших эмоциональную доминанту активности бунтовщиков, позволило приподнять завесу тайны над социокультурным смыслом, который они придавали своим действиям. А потому реконструированный образ «Соляного бунта», формировавшийся совокупностью субъективных переживаний его участников, оказался, по нашему мнению, вполне адекватным и близким своей объективной реальности.

Примечания Notes

¹ *Усенко О.Г.* Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2005. С. 74, 75.

² *Зерцалов А.Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 15.

³ *Топоров В.Н.* Московские люди XVII века (к злобе дня) // Из истории русской культуры. Т. III. М., 1996. С. 349.

⁴ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 238.

⁵ Городские восстания в Московском государстве XVII в.: Сборник документов. М.; Л., 1936. С. 86, 87; *Ляпин Д.А.* Причины восстания в Москве в 1648 г. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 95.

⁶ *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государевы. Т. 1. М., 2004. С. 198; *Зерцалов А.Н.* Указ. соч. С. 194; *Андреев И.Л.* Страсти по д'Артаньяну // Знание—Сила. 1991. № 8. С. 83.

⁷ *Новомбергский Н.Я.* Указ. соч. С. 205; *Зерцалов А.Н.* Указ. соч. С. 230.

⁸ Свитки Иерусалимские: Из собрания Натальи Ивановны Степановой. М., 2013.

⁹ *Опарина Т.А.* «Чужие» письма в русской магии // *Studia Slavica Hungarica*. 2004. Vol. 49/1-2. P. 53.

¹⁰ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 114, 117.

¹¹ *Ляпин Д.А.* Волнения в русских городах в середине XVII в. // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 17; *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века (30 – 40-е годы). Воронеж, 1975. С. 137; Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 121, 143.

¹² *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века (30 – 40-е годы). Воронеж, 1975. С. 137.

¹³ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 46, 48, 49; *Ляпин Д.А.* Причины восстания в Москве в 1648 г. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 96.

¹⁴ Описание московского восстания 1648 г. в Архивском сборнике // Исторический архив. 1957. № 4. С. 229.

¹⁵ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. Париж, 1959. С. 120; *Зерцалов А.Н.* Указ. соч. С. 185, 186; *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2006. С. 98, 99; *Андреев И.Л.* Страсти по д'Артаньяну // Знание—Сила. 1991. № 8. С. 81.

¹⁶ *Перри М.* В чем состояла «измена» жертв народных восстаний XVII века? // Россия XV – XVIII столетий. Волгоград, 2001. С. 210–212.

¹⁷ *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // *Панченко А.М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 11, 12; *Топоров В.Н.* Московские люди XVII века (к злобе дня) // Из истории русской культуры. Т. III. М., 1996. С. 372; *Тихомиров С.А.* Образы Правды и Кривды в славянских текстах и мифологии // Ученые записки

Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 287.

¹⁸ *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город: Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 225.

¹⁹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 235, 240; Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 61.

²⁰ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 53, 59, 60.

²¹ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 35; Описание московского восстания 1648 г. в Архивском сборнике // Исторический архив. 1957. № 4. С. 229.

²² Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 52.

²³ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 240.

²⁴ Книга о чудесах пр. Сергия творение Симона Азарьина. СПб., 1888 (Памятники древней письменности. Т. LXX). С. 123, 124.

²⁵ *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 150.

²⁶ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009. С. 119, 120.

²⁷ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 55, 60.

²⁸ *Усенко О.Г.* Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и царство в русском общественном сознании: Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. М., 1999. С. 74.

²⁹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 533; Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009. С. 114; *Виноградова Л.Н.* Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008. С. 52, 53.

³⁰ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 56, 60, 61; *Олеарий А.* Указ. соч. С. 238, 239.

³¹ *Иловайский Д.И.* История России. Т. 5. М., 1905. С. 13; Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 36.

³² *Олеарий А.* Указ. соч. С. 236.

³³ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 36; *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2006. С. 105.

³⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 455, 456; *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 64, 66, 67.

³⁵ *Буссов К.* Московская хроника: 1584 – 1613. М.; Л., 1961. С. 121; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 139, 140.

³⁶ *Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок: Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. М., 2012. С. 201, 202, 205.

³⁷ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 55, 60, 61, 79.

³⁸ *Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок: Протестующая толпа во

Франции между Фрондой и Революцией. М., 2012. С. 196; Люцидарская А.А. Колдовство и магия в жизни колонистов Сибири XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 125.

³⁹ Неклюдов С.Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 23, 28.

⁴⁰ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009. С. 124.

⁴¹ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 58, 61; Бахрушин С.В. Московское восстание 1648 г. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 79.

⁴² Перри М. В чем состояла «измена» жертв народных восстаний XVII века? // Россия XV – XVIII столетий. Волгоград, 2001. С. 212.

⁴³ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 36, 60.

⁴⁴ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 62; Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2006. С. 104.

⁴⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 456.

⁴⁶ Оларий А. Указ. соч. С. 239, 240; Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 36, 56, 62, 74.

⁴⁷ Масса И. Указ. соч. С. 147.

⁴⁸ Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 36, 50; Елеонская Е.Н. Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях // Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сборник трудов. М., 1994. С. 112.

Автор, аннотация, ключевые слова

Мауль Виктор Яковлевич – докт. ист. наук, профессор Нижневартского филиала Тюменского индустриального университета (Нижневартск Тюменской обл.)

VYMaul@mail.ru

В статье впервые в российской историографии предлагается социокультурный подход к анализу восстания в Москве в июне 1648 г., которое принято называть «Соляным бунтом». Основное внимание уделено восприятию грозных событий самими участниками этого восстания. Показано, что восприятие мятежников опиралось на особенности традиционной «картины мира», носителями которой они являлись. Сквозь призму иррациональных традиционных представлений они осмысливали различные проявления социально-политического и экономического кризиса в стране в начале царствования Алексея Михайловича. Многочисленные тяготы своей жизни восставшие считали результатом боярской измены. Неправедность правящей элиты в лице конкретных ее представителей (Б.И. Морозов, Л.С. Плещеев, П.Т. Траханиотов, Н.И. Чистой) внушала простолюдинам серьезное опасение Божьего гнева, который в любой момент в виде наказания свыше мог обрушиться на православное царство. В рамках сравнительного анализа в статье обосновывается мысль, что

убийства бунтовщиками ненавистных бояр и массовые погромы в столице в первые дни июня 1648 г. могли рассматриваться их современниками как восстановление нарушенной социальной Правды. Изучение страхов и предпочтений, составлявших эмоциональную доминанту активности бунтовщиков, позволило приподнять завесу тайны над тем смыслом, который они придавали своим действиям. А потому реконструированный образ «Соляного бунта», формировавшийся совокупностью субъективных переживаний его участников, оказался, по мнению автора, вполне адекватным своей объективной реальности.

Московское восстание 1648 г., «Соляной бунт», городское восстание, погром, царь Алексей Михайлович, боярство, посадские люди, традиционная культура, православие, экзорцизм, социокультурный анализ.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Andreev I.L. Strasti po d' Artanyanu [A Passion for D' Artagnan.]. *Znanie–Sila*, 1991, no. 8, pp. 80–84. (In Russ.).

2. Lyapin D.A. Prichiny vosstaniya v Moskve v 1648 g. [The Causes of the Moscow Uprising of 1648.]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 1, pp. 90–98. (In Russ.).

3. Lyapin D.A. Volneniya v russkikh gorodakh v seredine XVII v. [Urban Unrest in Mid-17th Century Russia.]. *Voprosy istorii*, 2010, no. 4, pp. 15–28. (In Russ.).

4. Lyutsidarskaya A.A. Koldovstvo i magiya v zhizni kolonistov Sibiri XVII veka [Witchcraft and Magic in the Life of Siberian Colonists in the 17th Century.]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2007, no. 4 (32), pp. 124–130. (In Russ.).

5. Oparina T.A. “Chuzhie” pisma v russkoy magii [“Strange” Letters in Russian Magic.]. *Studia Slavica Hungarica*, 2004, no. 49/1-2, pp. 53–62. (In Russ.).

6. Tikhomirov S.A. Obrazy Pravdy i Krivdy v slavyanskikh tekstakh i mifologii [Images of Truth and Falsehood in Slavic Texts and Mythology.]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2014, no. 1, pp. 287–290. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Bakhrushin S.V. Moskovskoe vosstanie 1648 g. [The Moscow Uprising of 1648.]. *Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy* [Scientific Works.]. Moscow, 1954, vol. 2, pp. 46–91. (In Russ.).

8. Eleonskaya E.N. Zagovor i koldovstvo na Rusi v XVII i XVIII stoletiyakh [Conspiracy and Witchcraft in Russia in the 17th and 18th Centuries.]. *Eleonskaya E.N. Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii: Sbornik trudov* [Tales, Conspiracy, and Witchcraft in Russia: Proceedings.]. Moscow, 1994, pp. 100–112. (In Russ.).

9. Neklyudov S.Yu. Veshchestvennyye obekty i ikh svoystva v folklornoy kartine mira [Physical Objects and their Properties in the Folkloric Picture of the World.]. *Priznakovoe prostranstvo kultury* [Characteristic Space of Culture.]. Moscow, 2002, pp. 21–31. (In Russ.).

10. Panchenko A.M. Russkaya kultura v kanun petrovskikh reform [Russian Culture on the Eve of the Petrine Reforms.]. *Panchenko A.M. Russkaya istoriya i kultura: Raboty raznykh let* [Russian History and Culture: Works from Various Years.]. St. Petersburg, 1999, pp. 7–260. (In Russ.).

11. Perrie, Maureen. V chem sostoyala “izmena” zhertv narodnykh vosstaniy XVII veka? [What Was the “Treachery” of the Victims in the Popular Uprisings of the 17th Century?]. *Rossiya XV–XVIII stoletiy* [15th – 18th Century Russia.]. Volgograd, 2001, pp. 207–220. (In Russ.).

12. Toporov V.N. Moskovskie lyudi XVII veka (k zlobe dnya) [The People of Moscow in the 17th Century (the Topic of the Day).]. *Iz istorii russkoy kultury* [From the History of Russian Culture.]. Moscow, 1996, vol. 3, pp. 346–379. (In Russ.).

13. Usenko O.G. Ob otnoshenii narodnykh mass k tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu [On the Attitude of the Masses toward Tsar Alexei Mikhailovich.]. *Tsar i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii: Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva* [Tsar and Kingdom in Russian Social Consciousness: The Mentality and Consciousness of Russian Society.]. Moscow, 1999, vol. 2, pp. 70–93. (In Russ.).

14. Usenko O.G. Novye dannye o monarkhicheskom samozvanchestve v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka [New Data on Royal Imposture in Russia in the Second Half of the 18th Century.]. *Mininskie chteniya* [Minin Readings.]. Nizhny Novgorod, 2005, pp. 74–97. (In Russ.).

15. Vinogradova L.N. Smert khoroshaya i plokhaya v sisteme tsennostey traditsionnoy kultury [Good and Bad Death in the Value System of Traditional Culture.]. *Kategorii zhizni i smerti v slavyanskoy culture* [Categories of Life and Death in Slavic Culture.]. Moscow, 2008, pp. 48–56. (In Russ.).

(Monographs)

16. Andreev I.L. Aleksey Mikhaylovich [Tsar Alexei Mikhailovich.]. Moscow, 2006, pp. 98, 99, 104, 105. (In Russ.).

17. Chekantseva Z.A. Poryadok i besporyadok: Protestuyushchaya tolpa vo Frantsii mezhdru Frondoy i Revolyutsiey [Order and Disorder: Crowd Protests in France between the Fronde and the Revolution.]. Moscow, 2012, pp. 196, 201, 202, 205. (In Russ.).

18. Chistyakova E.V. Gorodskie vosstaniya v Rossii v pervoy polovine XVII veka (30 – 40-e gody) [Urban Rebellions in Russia in the First Half of the 17th Century (The Decades of the ‘30s and ‘40s).]. Voronezh, 1975, p. 137. (In Russ.).

19. Domnikov S.D. Mat-zemlya i Tsar-gorod: Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo [Mother-Earth and King-City: Russia as a Traditional Society.]. Moscow, 2002, p. 225. (In Russ.).

20. Ilovayskiy D.I. Istoriya Rossii [A History of Russia.]. Moscow, 1905, vol. 5, p. 13. (In Russ.).

21. Kartashev A.V. Ocherki po istorii russkoy tserkvi [Essays on the History of the Russian Church.]. Paris, 1959, vol. 2, p. 120. (In Russ.).

22. Shmidt S.O. U istokov rossiyskogo absolyutizma: Issledovanie sotsialno-politicheskoy istorii vremeni Ivana Groznogo [At the Origins of Russian Absolutism: A Study of Social and Political History during the Time of Ivan the Terrible.]. Moscow, 1996, pp. 64, 66, 67. (In Russ.).

23. Tikhomirov M.N. Kratkie zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyakh Moskvy [Brief Notes on the Historical Chronicles in the Manuscript Collections of Moscow.]. Moscow, 1962, p. 150. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Viktor Ya. Maul – Doctor of History, Professor, Nizhnevartovsk Branch, Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk, Tyumen Region, Russia)
VYMAul@mail.ru

This is the first article in Russian historiography to provide a socio-cultural analysis of the uprising in Moscow in June 1648 known as the “Salt Riot.” Primary attention is devoted to the participants’ own perception of the terrible events of this upheaval. The article demonstrates that the rebels’ perceptions rested on a traditional “world view” of which they themselves were the bearers. They interpreted the various manifestations of the socio-political and economic crisis of the country at the outset of Alexei Mikhailovich’s reign through the prism of their irrational and traditional conceptions. The rebels believed that their misfortunes were attributable to boyar treachery. The perfidy of the ruling elite, particularly of B.I. Morozov, L.S. Pleshcheev, P.T. Trakhaniotov, and N.I. Chistoi, awoke in the common people the fear that, at any moment, God’s wrath might rain down on the Orthodox state. Through comparative analysis, the article substantiates the idea that contemporaries may have seen the rebels’ murder of the detested boyars and the mass pogroms in the capital in early June 1648 as a restoration of the social justice that the boyars had transgressed. Examining the fears and predilections that comprised the emotional dominant of the rebels’ actions lifts the veil of secrecy on the meaning they ascribed to their activity. In consequence, the reconstructed mental image of the “Salt Riot,” which formed the combined subjective experiences of its participants was, in the author’s opinion, completely apposite to its objective reality.

Moscow Uprising of 1648, “Salt Riot”, urban unrest, pogrom, Tsar Alexei Mikhailovich, boyars, townspeople, traditional culture, Orthodoxy, exorcism, socio-cultural analysis.

П.Г. Немашкалов

**ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ВО ВРЕМЕНА СТАНОВЛЕНИЯ КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ
(конец XVIII – середина XIX веков)**

P. Nemashkalov

**The Parish Clergy of the North Caucasus
during the Formation of the Caucasian Eparchy
(end of the 18th – middle of the 19th Centuries)**

Взаимоотношения прихожан и священнослужителей в истории Русской православной церкви всегда имели сложный и противоречивый характер. Для Северного Кавказа период конца XVIII – середины XIX вв. характеризовался процессом активной колонизации на фоне конфликта с коренным населением, и в этой обстановке шло формирование Кавказской епархии. Большое влияние на этот процесс оказывали религиозные практики, выработанные в период отсутствия надлежащего руководства и контроля со стороны духовных властей.

Благодаря своей независимости от государственной власти до начала XVIII в. казаки смогли в новых условиях возродить и развить древнюю, вечевую систему самоуправления, исчезнувшую к этому времени в России. В ментальности местного казачества крепко утвердилась и древняя православная традиция, без которой они себя не представляли. Хорошо известно, что в сознании людей XVII–XIX вв. понятие «русский» было равнозначно понятию «православный»¹. Для первых поселенцев Терека такими равнозначным понятием стало «гребенец» и «старовер», то есть истинно православный.

В современной исторической литературе можно встретить издания, в которых утверждается, что среди Терского и Кубанского казачества раскола не было. Однако, по свидетельству преосвященного Макария, начало раскола на Кавказе было положено еще в 1688 г. иноком Досифеем, а среди Терских или Гребенских казаков начало раскола восходит к 1698 г., когда значительное число раскольников, преследуемых гражданской властью, поселились за рекой Терек. Первые известия относятся к тому времени, когда казаки переселились на левый берег Терека и обжились в устроенных городах и станицах Старогладковской, Новогладковской, Червленской, Каргалинской и других². Здесь ими были построены молитвенные дома. Богослужение совершалось священниками, поставленными Астраханским епископом по просьбам самих казаков и находившимися в подчинении Кизлярского благочиния. Поэтому можно смело говорить, что эти священнослужители не были раскольниками в полном смысле этого слова, по крайней мере в первой половине

XVIII в. Нельзя утверждать, что они подчинялись православному епископу только вследствие строгих мер, которые употреблялись в отношении раскольников, поскольку жили на окраине России и могли не бояться преследований, и сами составляли определенную силу.

В последующие годы религиозная ситуация в обустриваемых казачьих станицах на Северном Кавказе продолжала оставаться сложной. По данным историка Кубанского казачества Ф.А. Щербины, у черноморцев было свое выборное духовенство из казачьего сословия, а у линейцев православного духовенства в станицах практически не было по причине значительного числа сторонников раскола³. Один из современников, описывая переселенческий процесс в Кавказском линейном казачьем войске, отмечал разнообразие людей, селившихся на линии, в числе которых он выделял «старых кавказских сектаторов, персидских выходцев, татар, армян, грузин, малороссиян, донцов и разного люда со всей матушки-России»⁴.

Исследовательница культуры и быта казачьего населения Северного Кавказа Л.Б. Заседателяева отмечает, что у казаков сначала были своеобразные укрепленные временные селения, которые позднее превратились в постоянные казачьи городки⁵. Священниками в новых станицах назначались из-за недостатка подготовленных служителей лучшие казаки станиц, которые не стеснялись своих прихожан требованиями совершения канонического крестного знамения и сами при освящении браков, крещения и других случаев «ходили посолонь», то есть во время совершения обрядов ходили по кругу за ходом солнца, а не против него, как принято в православии. На это отступление от правил православной церкви обратил внимание Кизлярский благочинный и потребовал строгого соблюдения церковных канонов, в частности креститься троеперстием и ходить против солнца. Однако казаки 18 мая 1738 г. обратились к Астраханскому епископу Илариону с просьбой сохранить прежний порядок: «<...> мы в том же стоим, не прибавляем и не убавляем»⁶.

Характеризуют мировоззренческую православную традицию Черноморского казачества и слова священника Кучеровского, который указывал, что «запорожцы были, как известно, грубы и неспокойны, одна религия умягчала их крутые нравы.<...> В понятиях религиозных черноморцы недалеко. По характеру своему черноморец набожен, усерден к религии, но набожность его довольно груба»⁷.

Пытаясь исправить сложившуюся в приходах Северного Кавказа ситуацию, Синод в 1829 г. разделил Воронежскую епархию на две кафедры. В образованную Донскую епархию были включены приходы Северного Кавказа, и по кафедральным городам она стала именоваться Новочеркасской и Георгиевской. В ее состав входили территории Войска Донского, Кавказской области и земли Черноморского казачьего войска⁸. Однако как Астраханский, так и Донской епископы не могли из-за удаленности Кавказского края

и отсутствия хороших и безопасных путей сообщения руководить тамошней церковной жизнью. Поэтому на Северном Кавказе продолжали существовать ее специфические черты, далекие от канонических⁹.

В условиях затяжной Кавказской войны служба священнослужителей в отдаленных станицах была тяжелым испытанием, сопряженным с большим риском для жизни их собственной и членов их семей, которые в условиях кавказской действительности становились «выгодным товаром». Так, священник станицы Чалмышской Стефанов, отъехав от станицы на 10 верст, был вместе с конвоем убит горцами, а его жена попала в плен и была выкуплена только через год за 300 руб. серебром, что по ценам того времени равнялось стоимости хорошего дома с земельным участком и подсобным хозяйством¹⁰.

Если в селах Ставропольской губернии действовал принцип назначения в священники только лиц, имеющих семинарское образование, то в казачьих станицах продолжала существовать традиция выбора священнослужителей. Если кто-то назначался на священническое место, в течение трех месяцев он должен был получить одобрение местного общества. Выдавая свидетельство, жители подтверждали нравственные качества претендента¹¹, а Кавказская духовная консистория утверждала его в должности, если тот не был обременен обязательствами по другому приходу. Отстранить от исполнения обязанностей можно было только за существенные проступки, а при сложившейся нехватке священнослужителей духовной власти приходилось на многое закрывать глаза.

Другим способом занятия священнического места была женитьба на дочери священника и получение места в приходе как приданого. Иногда священники, со своей стороны, желая при жизни найти себе достойного преемника и одновременно устроить брак своей дочери, сами обращались в правление Астраханской духовной семинарии с предложением выдать дочь замуж за кого-то из выпускников. Была также возможность найти жениха из причетников, однако в этом случае претендент мог надеяться только на дьяконский сан¹². Такая практика стала ограничиваться Кавказской духовной консисторией после открытия собственной семинарии, и была окончательно прекращена, как и во всей Российской империи, в 1867 г.¹³

Отсутствие собственной семинарии на Северном Кавказе усугубляло нехватку священнослужителей. Для получения религиозного образования священнослужители отдавали детей в Астраханскую, Новочеркасскую или Воронежскую семинарии, в которых были сформированы свои традиции и ценности, не связанные с особенностями жизни в северокавказском регионе. Только после открытия самостоятельной Кавказской духовной семинарии в городе Ставрополе в 1846 г. началась подготовка священников по программе, учитывающей потребности Кавказской епархии¹⁴.

Острота нехватки образованных священников сказывалась и на противостоянии распространенному на Северном Кавказе раскольниковству. В условиях начавшейся активной гражданской колонизации региона в середине XIX в. раскольников начали планомерно выселять в новые районы за Кубанью. Синод обязывал Кавказскую епархию в такие населенные пункты назначать образованных и высоконравственных священнослужителей, которые проповедью и собственным примером могли бы вернуть «заблудших» в православную веру. Так, в 1843 г. при образовании четырех новых станиц на реке Лабе Синод потребовал от Кавказской епархии назначить таких священников или пригласить их из соседней Воронежской епархии. Стремясь к развитию самостоятельности епархии, Кавказский епископ Иеремия при нехватке таковых прибег к имеющейся практике обращения в священников учителей Ставропольского духовного училища¹⁵.

На почве религиозного рвения прихожан во взаимоотношениях с духовенством прихода нередко возникали курьезные случаи. Не находя понимания своих духовных исканий, прихожане устраивали тайные собрания, на которых занимались не только чтением религиозной литературы, но и церковными распевами и даже водоосвящением¹⁶.

Бедность часто мешала священнослужителям достойно выполнять свои обязанности. В 1765 г. Синод установил предельную плату за исправление мирских треб, которая в 1801 г. удвоилась в связи с повышением стоимости жизни. Так, за молитву родильнице взимали 4 коп., за крещение – 6 коп., за свадьбу – 20 коп., за погребение – 20 коп.¹⁷ Прихожане могли давать и больше, но без принуждения. На Северном Кавказе священнослужители часто нарушали установленные нормы и требовал более высокой платы. Данная практика получила широкое распространение, и суммы за исполнение треб выражались в десятках рублей, что естественно вызывало недовольство прихожан¹⁸.

Помимо обеспечения большой семьи, духовенству нужно было содержать обучающихся детей в духовных семинариях и училищах, чаще самим оплачивать их образование и содержание вдали от дома. Иногда некоторые из них прибегали к материальной помощи от частных лиц, и с возвратом долгов не торопились. Кредиторы могли вернуть деньги через обращение в консисторию или судебным порядком. Некоторые священнослужители находили более простой, но небезопасный способ – церковную сумму прихода. Так, священник Новомалороссийской слободы Прозаровский набрал из церковных сумм 594 руб. долгов, из которых признал только 290 руб., а остальное отказывался отдавать. Общество постановило взыскать долг имеющейся у священника собственностью, тем самым погасило основную часть долгов, а в отношении оставшейся части суммы был подан иск в земский суд. В имуществе священника остался дом,

три головы рогатого скота и одежда многочисленного семейства. Священник запил, и в нетрезвом виде начал устраивать с прихожанами ссоры, неприличные его сану. Консистория постановила отправить его на три месяца в Георгиевский собор на низшую ступень служения причетником для исправления, а после вернуть на прежнее место службы¹⁹.

Священник должен был знать настроения и ожидания прихожан, чему могло способствовать служение в одном месте. В реальности же в поисках более хлебного места священники часто меняли приходы. Иногда они активно вмешивались в дела соседних приходов, чтоб получить поддержку для перехода туда с целью получения одобрения на служение. Поэтому консистория вынуждена была рассматривать каждый такой случай²⁰. Смена прихода требовала обустройства на новом месте, что не способствовало достатку священнослужителей. Некоторые из священнослужителей, стремясь к сиюминутному заработку, брали на себя тайное исполнение отдельных треб в соседних приходах, за что попадали под следствие консистории и наложение епитимии. Только к концу XIX в. в Кавказской епархии установился порядок перемещения, согласно которому прошение на перемещение можно было подавать только после пяти лет службы²¹.

Были и обоснованные просьбы о переводе. К ним можно отнести службу вдалеке от семьи, которую по бедности невозможно было перевезти и содержать на новом месте. Эти священники соглашались на любые трудности пастырского служения, а духовные власти, по мере возможности, старались оказывать им содействие²². До учреждения самостоятельной Кавказской епархии в 1843 г. многие священники могли оставлять приход для решения своих личных и хозяйственных вопросов, что вызывало трудности в отправлении богослужений и исполнения треб. Длительные отлучки от мест службы позволяло себе не только приходское духовенство, но и члены Екатеринодарского и Ставропольского духовных правлений, что вызывало приостановку делопроизводства в рамках отдельной части епархии²³. Бывали случаи, когда некоторые после возвращения ходатайствовали о выплате жалованья за время отлучки²⁴.

Для приобретения более выгодного места некоторые священники прибегали к оговору других священнослужителей. Такие доносы и личные жалобы консистория не принимала, ограничиваясь разбором дела через благочинного, а также требовала подписки от заявителей, чтобы «незаконными делами не утруждали»²⁵. Другая категория недовольных священников настраивала прихожан против священников своего прихода, и добивалась от общества согласия на служение подстрекателей в их приходе. Консистория в первых же указах строго наказывала за такое поведение и требовала возвращать ослушников к их месту службы, а в случае упорства и неповиновения прибегать к помощи земской полиции²⁶.

По общим установленным правилам приходским священникам

от места службы нельзя было удаляться более чем на 15 верст, что повсеместно нарушалось из-за удаленности Астраханской, а после Новочеркасской духовных консисторий. В случае необходимости выезда на большее расстояние нужно было брать письменное разрешение у благочинного, в ведении которого находился приход. При посещении Ставрополя все священники должны были обязательно зарегистрироваться у городского благочинного и пояснить цель приезда, в противном случае они подвергались взысканиям и наказанию²⁷.

Не все было благополучно и во взаимоотношениях в среде священнослужителей друг с другом. Иногда ссоры между ними не ограничивались словесными перепалками и переходили в драки. Так, в 1832 г. дьяк Алексей Богданов, придя в дом священника Бориса Образцова «<...> без всякой причины первоначально произносил сквернословные слова, а потом придирался к невестке <...> схватил ее за волосы и вытащил из комнаты во двор, где бил ее немилосердно кулаками до крови». Подобные случаи в приходах Северного Кавказа чаще всего заканчивались примирением сторон конфликта²⁸ и подпиской виновных никогда не совершать подобное под угрозой зачисления их в солдаты и отправки в действующую армию²⁹.

С другой стороны, Кавказская духовная консистория строго отслеживала ведение дел в государственных учреждениях в отношении священнослужителей и стремилась защищать их интересы вплоть до отмены вынесенных постановлений. Частым явлением была несогласованность действия в приобретении духовенством для церкви необходимых вещей из церковных сумм без согласия прихода. За защитой попираемых интересов сельские общества обращались в земские суды и добивались восстановления церковных сумм посредством конфискации имущества приходских священников, на стороне которых выступала консистория. Так, священники села Круглый лес в 1825 г. потратили на исправление ризницы и церковной утвари деньги, собранные прихожанами на перекрытие крыши церкви железом. На восстановление церковной суммы приход через суд изъял все имущество священнослужителей. Консистория добилась от Кавказского областного правления вернуть изъятое имущество, и обязала их расписками в будущем так не поступать³⁰.

Находясь под такой опекой, некоторые священники позволяли себе нарушать установленные законодательные нормы и игнорировать мнение общественности. Например, направленный в село Медведское в 1824 г. священник Василий Климантов самовольно начал строительство дома рядом с церковью и сельского запасного магазина на месте, которое служило зоной охраны церкви от пожаров и откуда открывался хороший вид. На предписание о запрете строительства он отвечал, что «в этом вопросе никому не повинуется и избирает место там, где ему удобно». Безуспешно строительство попытался остановить волостной староста, но только вмешательство

дворянского заседателя по просьбе сельского общества остановило самоуправство³¹.

Некоторые священники в достижении собственных корыстных целей вступали в конфликт с государственной властью, при этом устраивая заговоры и летя интриги. Так, переведенный из Ставропольской станицы в село Каменобродское в 1818 г. священник Федор Скрынченков решил свести счеты с командиром Хоперского казачьего полка лейб-гвардии ротмистром князем Багратионом за то, что тот представил в консисторию рапорт о его непристойных поступках и нетрезвой жизни. Священник уговорил некоторых казаков подать на князя необоснованные доносы, и как показало следствие, «забыв совесть и страх Божий сочинял оные сам, а некоторые даже и сам переписывал»³².

В любое время государство всегда строго наказывало за воровство, но в отношении духовенства, даже при наличии неопровержимых доказательств, вначале необходимо было лишить виновного установленной телесной неприкосновенности, закрепленной сословной принадлежностью. Например, материалы дела в отношении пономаря станицы Кисляковской С. Зеленского свидетельствуют, что в 1842 г. он украл «у священника: 12 обухов, три шкуры овчины и барана (которого Зеленский зарезал на мясо); казака Негиада: разного сорта и цвета шалей 8 штук, шелковое платье, косынок 2, покрывало, холста 9 аршин и 1 седло». Своей вины пономарь не отрицал, и Пятигорский земский суд приговорил его к наказанию плетью после лишения его через консисторию духовного звания³³. Дьячок села Среднегорлыцкого Иван Матвеев был судим за кражу церковных денег и убийство церковного сторожа. После исключения его из духовного сословия он получил 10 ударов кнута на месте преступления и был сослан на каторгу в Сибирь³⁴.

На протяжении всего XIX в. острой проблемой в приходах Северного Кавказа было пьянство, которое подрывало авторитет духовного сана.

Так, священник Семен Алексеев из села Сергеевки Александровского уезда, состоявший увещателем преступников при земском суде, «обращался всегда в нетрезвости <...> отправляет в непристойном виде богослужение в молитвенном доме <...> производит в пьяном виде с людьми ссоры и драки <...> в увещании преступников о показании истины привлекают только по вытрезвлении наперед – под караулом»³⁵.

Дьячок Е. Дорофеев из ст. Новотроицкой был «за всеми его увещаниями не только не воздержан в употреблении хмельных напитков, но и делает противозаконные поступки в нетрезвом виде, духовному званию неприличные»³⁶.

Соборные священники Гладков и Качев ночью около дома станичного правления, напившись, громко шумели и не могли идти домой. По распоряжению протоиерея М. Александрова сторож по-

пытался задержать их в правлении, чтоб они могли проспаться, но они избили сторожа, «забрали галстук, отобрали шляпу, а по дороге избили однодворца»³⁷.

Консистория из-за острой нехватки священнослужителей вынуждена была относиться к пьянству снисходительно. Пьяниц священников отправляли в монастыри Северного Кавказа для занятия на тяжелых работах. Если виновный по заключению настоятеля монастыря исправлялся и обещал отказаться от употребления алкоголя, то его восстанавливали на прежнее место³⁸.

Бывало, когда, опьянев, священнослужители становились участниками поножовщины, в подобных случаях их перемещали на нижнюю ступень духовного звания – в причетники с запретом поступать на высшие ступени священства³⁹. Наказывали также пьяниц епитимией в соборной церкви при благочинном, во время службы в алтаре назначали им от 50 до 100 земных поклонов с последующим письменным обязательством воздержания⁴⁰.

В Кавказской епархии распространенной формой наказания был перевод в малообеспеченные приходы «для понимания трудолюбия и выработки честности»⁴¹.

Случались и оговоры священнослужителей, преуспевших в распространении православной веры.

Так, в 1834 г. староста села Благодарного Ф. Зубков подал жалобу от имени 28 человек на приходского священника их села И. Герасимова, в которой последний обвинялся в том, что он «обходился с поселянами по строптивому своему характеру непристойно <...> умирают без исповеди и причастия <...> не приступает хоронить, требует великую плату <...> чрез что подвергаются крайнему разорению. При том обращается ежедневно в пьянстве <...>»⁴². Следствие показало, что священник был оговорен представителями раскола в селе. Со своей стороны, Ставропольское духовное правление требовало от Консистории начать законное рассмотрение неосновательного доноса⁴³.

Легко было обвинить священника в непозволительной связи с какой-либо прихожанкой. При наличии одного только подозрения такое обвинение влекло за собой запрещение служения и ношения рясы, отстранение от прихода и последующее определение обвиняемого в монастырь. Но в большинстве случаев священников «оставляли в подозрении», поскольку доказательств не находилось, а некоторые священники после этого оставляли приход и сами просились в монастырь⁴⁴.

* * *

К 1842 г. на территории Области Войска Донского насчитывалось 390 церквей и 627 причтов, Кавказской области – 126 церквей и 180 причтов, Черномории – 66 церквей и 96 причтов⁴⁵. Командующий

войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант П.Х. Граббе неоднократно указывал, что создание самостоятельной епархии послужит распространению христианской веры среди горских народов, сохранявших христианские обычаи «не во всем подавленные властью чуждого верования». Учитывая возникающие сложности и заботясь о единообразии церковного управления, Синод разработал программу по организации самостоятельной епархии⁴⁶.

Епископом образованной в 1843 г. Кавказской епархии был назначен викарий Киевской митрополии епископ Чигиринский Иеремия (Соловьев)⁴⁷, входивший в число выдающихся деятелей РПЦ того времени. Новая епархия была одной из самых малочисленных в Российской империи по числу православного населения, но одной из самых обширных по территории. Она простиралась от степей Астрахани и земли войска Донского до Кавказского хребта, от Каспийского до Черного моря. Среди православных были русские, малороссияне, греки и осетины, которые к середине XIX в. насчитывали около 1 млн из 2,5-миллионного населения Северного Кавказа. С первых дней епископом Иеремией были начаты масштабные преобразования во всех сферах церковной и монастырской жизни, развитию которой им уделялось особое внимание. Однако его руководство кавказской паствой было недолгим, поскольку начатые им масштабные преобразования шли вразрез с политикой Наместника Кавказского генерал-адъютанта князя М.С. Воронцова, ориентированной на скорейшее окончание войны, а не на разрешение вопросов социально-культурного характера.

В 1845 г. приходы станиц Кавказского линейного казачьего войска были переданы в подчинение обер-священника Отдельного Кавказского корпуса, штаб которого располагался в Тифлисе, что сводило на нет начатые Иеремией преобразования и дало расколу расширить свое влияние. Сразу было переподчинено 82 церкви⁴⁸, в последующие годы этот процесс продолжился. В результате к 1849 г. Кавказская епархия состояла всего из 158 церквей: 35 каменных и 123 деревянных⁴⁹.

Но удаленность от духовенства Кавказского линейного казачьего войска и отсутствие надлежащего руководства со стороны обер-священника Кавказского отдельного корпуса Л. Михайловского, находящегося в Тифлисе, привели к упадку духовной жизни. После окончания Кавказской войны в 1867 г., по просьбе епархиального руководства, Синод вернул приходы Кавказского линейного казачьего войска в состав Кавказской епархии. Это стало казачьих вольностей в религиозной сфере, была прекращена практика выборности духовенства и самостоятельного управления.

* * *

С трудом решались вопросы преодоления бедности в среде духовенства. Пытаясь переломить сложившуюся ситуацию в сельских приходах, в 1845 г. Синод ввел новое штатное расписание в 19-ти епархиях, в том числе и в Кавказской⁵⁰. Согласно новым штатам, священнослужителям выплачивалось жалованье, размер которого зависел от количества прихожан и которое достигало 431,64 руб. серебром⁵¹.

Но, жалованье платилось только в части приходов Кавказской епархии, располагавшихся в Ставропольской губернии. На территориях Черноморского и Кавказского линейного казачьего войска сохранялся прежний порядок содержания приходских священников за счет прихожан, что только усиливало соперничество в среде духовенства за «выгодные» места.

Наиболее бедные приходы Кавказской епархии получали вспомогательное пособие от Синода. В 1871 г. Главное присутствие по делам православного духовенства предоставило право Кавказскому епископу Герману, по мере закрытия штатных вакансий в приходах и освобождения присвоенным этим вакансиям казенных окладов жалованья, дополнять за их счет содержание существующих. На такое пособие не имели право священнослужители приходов станичных церквей Северного Кавказа, кроме тех, которым платили жалованье по смете Синода. Епископ Герман, не удовлетворившись такой прибавкой, вступил в переписку с Терским и Кубанским областным казачьим начальством, предложив распределять остатки войскового жалованья после упразднения священнических мест в пределах этих областей, на что вскоре получил разрешение Наместника Кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича. В результате размер вспомогательного пособия только за первую половину 1875 г. составил: священникам – от 6,20 до 60 руб. и причетникам от 2,36 до 17,64 руб. Всего же по Кавказской епархии за это полугодие было распределено 3 311,06 руб. серебром⁵².

Для улучшения материального положения священнослужителей Синод принял решение о наделении их земельным участком размером до 99 дес. из казачьих войсковых земель. Надел включал усадьбу, сенокосную и пахотную землю. Однако по Положениям о Кубанском и Терском казачьим войскам, священник мог иметь только два казачьих пая, то есть 30 дес., дьякон – полтора пая, то есть 22,5 дес., а псаломщик – один пай, то есть 15 дес., в общем – 67,5 дес. Выполнение решения Синода растянулось на длительное время⁵³. В основном священнослужителям была выделена только пахотная земля, и то нескольким причтам, при этом при церквях на нее не было никакого плана и акта передачи⁵⁴, хотя Новочеркасская духовная консистория в своих отчетах указывала, что только за 1842 г. землей на Северном Кавказе были наделены 37 церквей⁵⁵. Большинству священнослужителей приходилось наравне со своими прихожанами пользоваться только войсковой землей⁵⁶.

Добившись разрешения этого вопроса, Кавказская духовная консистория пошла дальше: с 1879 г. она добилась от войсковых правлений выделения земли Ставропольскому епархиальному попечительству о бедных духовного звания для наделения ею вдов и сирот духовенства. Правда, войсковые правления настояли на том, чтобы наделы выдавались только вдовам и сиротам казачьего происхождения⁵⁷. Полученную землю можно было сдавать в аренду, что служило хорошим подспорьем в материальном обеспечении больших семей духовенства, но в условиях Кавказской войны эта практика не получила широкого распространения.

Так или иначе, социальная политика верховной власти, начиная с Павла I, в отношении священнослужителей была направлена на формирование из них нового слоя интеллигенции, посему тяжелый труд хлебороба считался несовместимым с духовным саном. К тому же многие священники состояли преподавателями Закона Божьего в местных учебных заведениях.

Во второй половине XIX в. в епархии за счет фиксированного жалования и натурального содержания от станичного общества быт приходского духовенства стал улучшаться⁵⁸. В некоторых приходах вводился особый порядок сбора добровольных подаяний, для чего общество назначало специального сборщика или вахтера. Каждый двор предоставлял по мере хлеба, который ссыпался в общественный магазин для выдачи приходскому духовенству один раз в год осенью. Это давало возможность священникам не ходить по дворам и одновременно ограничивало случаи вымогательства, а значит, и жалобы прихожан⁵⁹.

Некоторые общества уклонялись от выполнения приговоров о содержании определенных в их приход священников под предлогом отсутствия предписания войскового начальства, другие самостоятельно изменяли условия в свою пользу. В таких случаях Кавказская епархия не назначала нового священника до установления положенного жалования и содержания, а также требовала погашения имевшихся задолженностей⁶⁰. Самоуправство приходов привело к тому, что в 1870 г. начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант М.А. Цакни потребовал строгого исполнения данных обязательств. В случае уклонения от выполнения общественного приговора или замены его другим, без согласия священнослужителей, возникали основания для судебного разбирательства⁶¹.

Перемены священниками приходов в поисках более высоких доходов не только влекли издержки материального характера, но причиняли ущерб распространению православия. Ведь в приходах Северного Кавказа часто православное население составляло среди старообрядцев меньшинство. Те из священнослужителей, кто находил в себе силы нести всю тяжесть своего труда, вознаграждались уважением и любовью своих прихожан. Так, атаман станицы

Старощербиновской Кубанской области, войсковой старшина Прага от имени станичного общества в 1870 г. просил консисторию разрешить отпраздновать 50-летие службы дьякона Трофима Горошко и поднести ему подарок в благодарность за усердную службу⁶².

Казачи станицы Отрадной, Кубанской области, в 1878 г. передали во владение приходского священника Максима Сапежко землю, находящуюся под его усадьбой, за его «благое служение» с самого открытия в селении прихода, и поднесли ему икону св. исповедника Максима⁶³. В селе Разсыпном Ставропольской губернии священнику Василию Дроздову в 1886 г. общество подарило в собственность общественный дом стоимостью 1 000 руб. за «истинное доброе пастырство, кротость, бескорыстие, ласковое обращение с прихожанами и проповедование слова Божия»⁶⁴.

Уникальным случаем можно считать назначение пожизненного пособия протоиерею Гавриилу Орлову, который 48 лет и 5 месяцев ревностно и бескорыстно трудился на пользу Кавказской епархии. У священника не было семьи, он не нажил состояния на обеспечение старости, поскольку все имеющиеся у него средства тратил на помощь нуждающимся. По состоянию здоровья он был вынужден уйти за штат, и до назначения пенсии от Синода был обречен на нищенское существование. Понимая всю сложность ситуации, Кавказский епископ Герман обратился к епархиальному съезду духовенства Кавказской епархии, который постановил «назначить ему пожизненную пенсию из собственных средств духовенства, в количестве одного рубля от каждого причта епархии в год», а после его смерти остаток суммы отдать на благотворительные нужды⁶⁵.

* * *

Таким образом, под влиянием различных факторов, в том числе Кавказской войны, священнослужители Кавказской епархии утрачивали некоторые свои функции и черты, приобретая местные особенности. В центральных губерниях Российской империи к началу XIX в. сложилась система отношений приходского духовенства и прихожан. На Северном Кавказе эта система только устанавливалась, и поэтому конфликты в приходах с участием представителей духовного сословия были распространенным явлением, что не позволяло выстроить взаимоотношения в полном соответствии с принятыми в РПЦ нормами.

Попытки центральных и местных церковных властей разрешить эти проблемы исключительно карательными мерами не имели ожидаемого результата, а в условиях длительной Кавказской войны они не находили поддержки со стороны военных властей.

Казачества Северного Кавказа, осознавая преимущества своего положения как защитников интересов государства, по-своему выстраивало отношения с РПЦ. Казачьи власти проявляли внешнюю

лояльность и уступчивость в вопросах религиозной жизни. Но при этом они успешно оказывали давление на органы государственной власти, которая в конфликтных ситуациях чаще занимала их сторону.

В условиях экономической зависимости от прихожан, нерешенности многих вопросов быта, а также служения, сопряженного с угрозой жизни своей и своей семьи, немногие из кавказского духовенства решались идти на конфликт с собственной паствой. С другой стороны, духовенство одно не в силах было удовлетворить собственные материальные нужды. Синод и Кавказская епархия принимали меры для устранения неблагоприятных условий служения, но для этого требовалось время.

Примечания Notes

¹ *Токарев С.А.* О религии как социальном явлении (мысли этнографа) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 87–105.

² *Макарий (Булгаков), еп.* Истории русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855. С. 186–190.

³ *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913. С. 834.

⁴ *Шпаковский А.* Записки старого казака // Военный сборник. СПб., 1870. Т. 74. № 7-8. С. 189.

⁵ *Заседателева Л.Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI – XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М., 1984. С. 38–64.

⁶ Кавказские епархиальные ведомости (Ставрополь). 1873. 16 мая. № 10. С. 324–337.

⁷ *Недвига Н.Г.* Религия и мораль казачества как способ организации и регуляции человеческой деятельности // Кубань: Проблемы культуры и информатизации. 1998. № 2 (11). С. 8.

⁸ *Кириллов А.* Материалы, относящиеся к открытию Донской епархии // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1901. Вып. 2. С. 115–118.

⁹ Ставропольские епархиальные ведомости. 1897. 1 янв. № 1. С. 6–8.

¹⁰ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–11.

¹¹ ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 206. Л. 3, 13, 13об.

¹² Там же. Л. 1023об., 1024.

¹³ Кавказские епархиальные ведомости. 1875. 2 янв. № 1. С. 2, 3.

¹⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 488.

¹⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 588. Л. 1–50.

¹⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 195. Л. 1–54.

¹⁷ ГАСК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Л. 1, 1об.

¹⁹ ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 416. Л. 9–14.

²⁰ ГАСК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 1об.

²¹ Ставропольские епархиальные ведомости. 1885. 16 нояб. № 22. С. 880, 881.

²² ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 94. Л. 1, 1об.

²³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877. Л. 489.

²⁴ ГАСК. Ф. 90. Д. 509. Л. 1–2.

²⁵ ГАСК. Ф. 90. Д. 301. Л. 1–4.

²⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 867. Л. 2–10.

²⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 51. Л. 81–82.

²⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 858. Л. 12.

²⁹ ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 227. Л. 1–7.

³⁰ ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 551. Л. 1–3.

³¹ ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 488. Л. 1–5.

³² ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–20.

³³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 442. Л. 1–8.

³⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877. Л. 1166об., 1167.

³⁵ ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 435. Л. 1–11об.

³⁶ ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 574. Л. 5.

³⁷ ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 120. Л. 1.

³⁸ ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 574. Л. 5–11.

³⁹ ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 498. Л. 5–6об.

⁴⁰ ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 120. Л. 5–6об.

⁴¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877. Л. 1174об.–1176об.

⁴² ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 501. Л. 1, 1об.

⁴³ Там же. Л. 11.

⁴⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 858. Л. 12.

⁴⁵ ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1548. Л. 1–2.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ставропольские епархиальные ведомости. 1885. 2 янв. № 1. С. 16–21.

⁴⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 388. Л. 16–32об.

⁴⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 736. Л. 43.

⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. Т. XXII. № 21056.

⁵¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 340. Л. 135об.

⁵² Кавказские епархиальные ведомости. 1875. 1 февр. № 3. С. 108, 109.

⁵³ Ставропольские епархиальные ведомости. 1891. 16 апр. № 8. С. 96.

⁵⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 410.

⁵⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877. Л. 1008об., 1009.

⁵⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 340.

⁵⁷ Ставропольские епархиальные ведомости. 1892. 1 апр. № 7. С. 116.

⁵⁸ Кавказские епархиальные ведомости. 1875. 1 июля. № 13. С. 421.

⁵⁹ Ставропольские епархиальные ведомости. 1886. 1 окт. № 19. С. 466, 467.

⁶⁰ Ставропольские епархиальные ведомости. 1886. 16 нояб. № 22. С. 603.

⁶¹ Кавказские епархиальные ведомости. 1875. 16 февр. № 4. С. 122.

⁶² Ставропольские епархиальные ведомости. 1885. 16 янв. № 2. С. 36.

⁶³ Кавказские епархиальные ведомости. 1879. 16 апр. № 8. С. 308.

⁶⁴ Ставропольские епархиальные ведомости. 1886. 1 июня. № 11. С. 147.

⁶⁵ Ставропольские епархиальные ведомости. 1890. 24 апр. № 14. С. 157.

Автор, аннотация, ключевые слова

Немашкалов Павел Григорьевич – канд. ист. наук, доцент Ставропольского государственного педагогического института paul_2@rambler.ru

В статье впервые анализируется сложный процесс создания и становления Кавказской епархии Русской православной церкви в первой половине XIX в. Источниковую базу статьи составили ранее неизвестные документы Государственного архива Ставропольского края и материалы церковной периодической печати. Рассматриваются многообразные факторы, которые осложняли деятельность Русской православной церкви на Северном Кавказе. Наиболее значимыми из этих факторов были: Кавказская война, большое число старообрядцев среди донских и терских казаков, специфические религиозные практики, которые были выработаны в среде донского и терского казачества, традиции казачьего самоуправления, острая нехватка священников, тяжелое материальное положение священнослужителей, постоянная угроза их собственной жизни и свободе, а также членов их семей. Экономические, социальные, политические и военные условия жизни на Северном Кавказе неизбежно порождали сложности и конфликты во взаимоотношениях между священнослужителями Русской православной церкви и казаками, которые являлись их прихожанами. Казачьи власти, осознавая преимущества положения казаков как защитников интересов Российской империи на ее южных рубежах, выстраивали отношения с Русской православной церковью в соответствии со своими собственными традициями и интересами. Когда же в церковной жизни возникали конфликтные ситуации, имперские военные власти обычно поддерживали казачью сторону, и такая их позиция диктовалась условиями затяжной Кавказской войны. Благодаря созданию Кавказской епархии в 1843 г. и активной деятельности ее первого епископа Иеремии (Соловьева) (1799 – 1884), а также всего епархиального управления, удалось преодолеть многие сложности и в целом наладить церковную жизнь в казачьих станицах. Однако казачьи религиозные традиции, выработанные в XVII–XVIII вв., и особенности взаимоотношений между церковными приходами и органами казачьего самоуправления на Северном Кавказе оказались исключительно живучими.

Кубанское казачье войско, Терское казачье войско, Кубанское казачество, Терское казачество, Русская православная церковь, Кавказская епар-

хия, духовенство, приход, старообрядчество, Северный Кавказ, Кавказская война 1817 – 1864 гг.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Nedviga N.G. *Religiya i moral kazachestva kak sposob organizatsii i regulyatsii chelovecheskoy deyatel'nosti* [The Religion and Morals of the Cossacks as a Way of Organizing and Regulating of Human Activities.]. *Kuban: Problemy kultury i informatizatsii*, 1998, no. 2 (11), pp. 8–12. (In Russ.).

2. Tokarev S.A. *O religii kak sotsialnom yavlenii (mysli etnografa)* [On Religion as a Social Phenomenon (An Ethnographer's Thoughts)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1979, no. 3, pp. 87–105. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Zasedateleva L.B. *Kultura i byt russkogo i ukrainskogo naseleniya Severnogo Kavkaza v kontse XVI – XIX v.* [The Culture and Daily Life of the Russian and Ukrainian Populations of the North Caucasus from the end of the 16th to the 19th Centuries.]. *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection.]. Moscow, 1984, vol. 8, pp. 38–64. (In Russ.).

(Monographs)

4. Shcherbina F.A. *Istoriya Kubanskogo kazachego voyska* [The History of the Kuban Cossack Host.]. Ekaterinodar, 1913, vol. 2, p. 834. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Pavel G. Nemashkalov – Candidate of History, Senior Lecturer, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia) paul_2@rambler.ru

The article offers the first analysis of the arduous process of establishment and formation which the Caucasus Eparchy of the Russian Orthodox Church had to go through in the first half of the 19th century. The sources used were previously unknown documents from the State Archive of the Stavropol Krai and clerical periodicals. The author considers various factors which made the activities of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus more complicated. The most significant ones were: the Caucasian war, a high proportion of Old Believers among Terek and Don Cossacks with their specific religious practices, the traditions of Cossack self-government, an acute shortage of priests, their poor living conditions, and constant risks for their and their families' lives and freedom. The economic, social, political, and military situation in the North Caucasus inevitably caused tensions and conflicts in the relationships between the Orthodox clergy and their Cossack congregation. The local

Cossack authorities who recognized the Cossacks as the defenders of interests of the Russian Empire on its southern borders were building relationships with the Russian Orthodox Church according to their own traditions and interests. Whenever conflicts with the Church arose, the imperial military authorities took the Cossacks' side, which was attributable to the long Caucasian War. Thanks to the Caucasus Eparchy which was formed in 1843 and the intense activity of its first Diocesan Bishop Jeremyah (Solovyov) (1799 – 1884) and of the entire Eparchial administration, the numerous problems were overcome and, in general, the religious life in Cossack villages was regulated. However, the Cossack religious traditions dating back to the 17th and 18th centuries, particularly, the relationships between the church parishes and Cossack self-government bodies in the North Caucasus proved extremely tenacious and strong.

Kuban Cossack Host, Terek Cossack Host, Kuban Cossacks, Terek Cossacks, Russian Orthodox Church, Caucasus Eparchy, clergy, parish, Old Belief, North Caucasus, Caucasian War of 1817 – 1864.

E. Badmaeva

**TAX DISCRIMINATION AGAINST THE BUDDHIST
CLERGY IN KALMYKIA
(1923 – 1931)**

Е.Н. Бадмаева

**Налоговая дискриминация буддийского духовенства в
Калмыкии
(1923 – 1931 годы)***

Following the Civil War and the transition to the New Economic Policy (NEP), the Soviet government began to employ tax policy as a weapon against religious organizations and clergymen. This move arose out of the anti-religious policy of the first years of Soviet power, when the state adopted laws that deprived clerics of their economic base.

In national territories such as Kalmykia and Buryatia, where the indigenous population was Buddhist, economic relations between local authorities and religious organizations had been souring since 1923. Local officials in Buryatia, for example, resolved to take decisive action against the Buddhist clergy. In their words, the campaign should “be conducted with all the energy, means, and methods that the Soviet government and the Communist Party possess.” At the same time, they considered it necessary “to approach the struggle against the lamstvo [Buddhist clergy] with particular sensitivity and caution consistent with political tact.”¹

In the Kalmyk Autonomous Oblast (KAO), the government headed by A.Ch. Chapchayev, the first chairman of the Kalmyk Central Executive Committee (Oblispolkom), actively fought against religion “by all means and methods.” Acting on orders issued by the USSR People’s Commissariat of Finances (Narkomfin), the tax apparatus pursued its goals extremely aggressively. According to one Narkomfin instruction, “servitors of religious cults were subject to income and property taxes. Only those who did not derive their means of subsistence from their profession, had no other sources of income, and were fully supported by religious communities, were exempt from taxation.”²

Every year Narkomfin reinforced its demands on the clergy through a regular tax document. In accordance with Narkomfin resolution 102 of September 3, 1923, “On the local taxation of buildings intended for divine services,” the local tax apparatus began assessing houses of worship. Narkomfin set a limit on the all-Union tax of 0.5 percent of a building’s value.³

In Kalmykia, the Oblispolkom Financial Department determined a

* Translated by Ivonna S. Daldinova (Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista).

building's value based on the estimates of the Kalmyk Oblast Department of State Insurance (all state insurance institutions were subordinate to Narkomfin USSR). On December 3, 1924, the annual tax rate was increased to 1.8 percent of the value of a religious building.⁴

For the clergy, this represented a substantial sum of money. They constantly appealed to the central authorities with justifiable claims and complaints concerning excessive taxation. However, officials in Moscow usually referred such appeals to the oblast financial departments. Although Narkomfin issued a decree on January 2, 1924 on the admissibility of granting tax privileges to priests in the form of deferments, installments, and forgiveness of debts and fines, local tax institutions hesitated to apply this order.

On January 17, 1924, the Tax Administration of the Kalmyk Oblispolkom's Financial Department⁵ sent an order to all ulus (uyezd) financial inspectors to intensify tax work in February and March 1924. The Tax Administration also sent to the Kalmyk Oblast Communist Party Committee (Obkom) an appeal concerning the need to increase agitation in all uluses regarding the timely and full payment of taxes.⁶

In August 1924, large religious associations sent an appeal to the All-Union Central Executive Committee of the USSR that characterized the income-property tax as "a hidden form of tax on membership in a cult." In the appeal, the representatives of different faiths requested that the tax pressure on clergymen be eased. Less than a year later, in January 1925, the clergy's request was satisfied in part. On January 2, 1925, Narkomfin issued Order 453, "On taxation of church buildings and clergy," which recognized instances of violations in the tax sphere, especially in the national republics and regions. The order pointed to the need to end incidents of arbitrary taxation of religious buildings and the clergy through all kinds of unauthorized taxes and fees. Narkomfin proposed that local financial institutions use all reasonable means in assessing taxes but, when absolutely necessary, to offer certain dispensations.⁷

Leaders of provincial and regional financial institutions, however, deliberately ignored Narkomfin's instructions, and the KAO was no exception.

A.K. Kekeev, head of the Kalmyk Oblispolkom Financial Department, and Menar, head of the department's Tax Administration, continued the policy of relentless tax persecution of the clergy in order to obtain ever greater tax revenues and to ruin it. In the KAO, all types of direct and indirect taxes, including income-property taxes, were imposed on religious organizations and clergymen. Contrary to Order 453, even clergy who met the necessary qualifications did not receive tax privileges.⁸

As a result, in the KAO Buddhist and Orthodox clergy found themselves in a very difficult financial situation. Unable to pay their taxes in full, they fell deeper into debt. A meeting of the Kalmyk Oblispolkom Financial Department, chaired by Kekeev in August 1925, addressed the issue of state and local tax arrears resulting from insolvency. The per-

petual debtors included Buddhist clergymen (Gelungs) who, due to low income, lack of funds, movable and immovable property, were unable to pay taxes. Excessive taxation caused many clerics to abandon the clergy. In the Northern aimak (volost) of Erketenevsky ulus, 14 Gelungs left the order in 1923 and 1924 alone.⁹

In October 1925, the extraordinary spiritual congress of Erketenevsky ulus noted that "many Gelungs left the clergy because of poverty and lack of funds for the payment of income-property tax." The ulus spiritual council was entrusted by the believers to "initiate a petition on maintaining at their previous religious rank all Gelungs who had converted to the laity."¹⁰

This critical situation regarding tax payments held true in all the uluses of Kalmykia. Nevertheless, the Financial Department displayed no haste in cancelling the Gelungs' uncollected taxes. Relatives were required to provide official information on the deaths of Gelungs and the lower groups of Buddhist clerics (getsuls and mandzhiks) in order to have their debt cancelled. Likewise, cancelling arrears due to resignation and the termination of religious duties required the submission of an inspection report to the ulus executive committee.¹¹

In 1926, the national system of income tax payment underwent changes. Henceforth, income tax would be determined exclusively on the basis of declarations filed by individuals. This change, however, did not work out as the central authorities had intended. During the second half of the 1920's, political factors assumed a greater role in tax assessments as agricultural income and trade taxes fell more on the well-off sections of society like priests and owners of private commercial and industrial enterprises. Local punitive organs took an active part in implementing tax policy.¹²

In Kalmykia, the Financial Department's Tax Administration tightened control over church revenues and sought to prevent tax reductions. Tax Administration employees blamed arrears on deliberate tax evasion by the clergy, their untimely submission of necessary information due to illiteracy or ignorance of the Russian language, and the intentional concealment of their continuing to perform religious duties.¹³

In April 1926, the Central Committee of the All-Union Communist Party adopted the theses "On anti-religious propaganda among the nationalities of the USSR." The Bolshevik leadership, fearing a negative popular reaction in the national territories, carefully formulated its anti-religious work among the peoples of the Soviet East. It sought to take into account their specific economic structure, the predominance of feudal relations in everyday life, and the close interconnection of the population and the clergy. However, despite warnings and instructions from Moscow, KAO party organizations and state institutions eagerly resorted to repressive measures against the clergy. By 1928, the number of khuruls had decreased by thirty to a total of seventy, and the number of clergy had shrunk from 2,485 in 1924 to 1,406, a reduction of 56.6 percent. By

1936, only forty-one Buddhist clergy and fourteen khuruls remained.¹⁴

As industrialization got underway after 1927, I.V. Stalin, who believed that there had been a “slackening in the anti-religious struggle,” called for a new, all-out attack on religion and the clergy. The Kalmyk Obkom, at the direction of the Party Central Committee, stepped up the struggle against the clergy, seeing in it an irreconcilable ideological foe and an enemy of Soviet power. In 1928, the Kalmyk Obkom Anti-Religious Commission undertook a determined struggle against the local clergy, applying various political and economic pressures.

On March 2, 1928, the Anti-Religious Commission approved a special program to survey the khuruls, aimed at studying the religious situation in the KAO.¹⁵ As a result of the survey, all church buildings and, accordingly, church properties were registered. Then, in April 1928, the Kalmyk Obkom formed a special commission to study the economic situation of the khuruls and churches located in the central part of the oblast in Iki-Tskhurovsky and Baga-Tsokhurovsky uluses. The commission developed plans for a number of measures to study the religious situation in the region, which also marked the beginning of a new stage of the anti-religious struggle in Kalmykia.¹⁶

In January 24, 1929, the Party Central Committee issued the resolution, “On measures to strengthen anti-religious work,” which formally declared a cautious approach to the clergy. In the wake of this resolution, party organizations and state institutions in Kalmykia began to give the appearance of loyal relations with the Buddhist clergy, as well the clergy of other faiths. In a letter to Ilishkin, the responsible secretary of the Bagatsokhurovsky ulus party committee, A.Ch. Chapchayev, the Kalmyk Obkom member (since 1928), wrote: “According to accurate information available to us, the clerics of the Bagatsokhurovsky ulus, due to the seizure of their livestock, are furiously agitating among the population... it is necessary to immediately leave for Tsagan-Aman and give an explanation and try to convince the population that this livestock was accumulated by the khurul as a result of deception, injustice, and charlatanism. At the same time, all this should be explained in polite terms in the Kalmyk language, not allowing any insult to the religious feelings of the ignorant individual. In addition, it is necessary to hold a number of meetings in other regions of the ulus to clarify this fact.”¹⁷

V.F. Dalinger, the Deputy Head of the OGPU in Kalmykia, in a secret letter to Chapchayev requested the removal of “a certain irregularity committed by the lower authorities that emerged in the selection of cattle and to return the selected livestock to the khurul so to deprive the clergy of the opportunity to press this fact.”¹⁸

Kalmyk party organizations and state institutions, notwithstanding the decisions of central party leaders to conduct a more flexible policy towards clergymen and religious organizations, continued to take measures to seize khurul buildings. They vehemently opposed the construction of a new khurul building in Maly-Derbet to replace one that had

burned down.¹⁹ In a letter to the Kalm-Bazarinsky Ulus party committee, the Kalmyk Obkom secretary, U. Tserenov, demanded it “intensify anti-religious propaganda and strongly ensure that the believing population refrain from making further donations for the transfer of the khuruls...”²⁰

In 1929, the anti-religious campaign throughout the country intensified. By decision of the highest governmental and administrative organs of the USSR, the property and non-property relations between the state and religious associations were clearly defined. According to this decision, in the KAO buildings belonging to a religious cult – the khuruls – were subject to compulsory fire insurance at the expense of those people who signed the insurance contract.²¹

A secret letter from the Kalmyk Obkom to all ulus party committees, stated: “According to the information received by the oblast committee, it is clear that until now some of the correctly closed khuruls and churches have not been used in full, and are vacant. This situation causes discontent among the population. There are also cases where financial authorities impose taxes on ministers of the cult... In this regard, the Oblast Committee of the VKP(b) categorically suggests that immediate measures be taken to use properly closed khuruls and churches for cultural, educational and other needs. At the same time, where the khuruls and the churches were closed against the will of the population by administrative means, reverse the closure with appropriate explanations. We remind you that closure of the khuruls and churches can be made only after the decision of the oblast executive committee. With regard to tax policy in relation to the clergy, it is necessary to adhere to the relevant regulations and not to allow excesses.”²²

In 1929, Narkomfin published Order 398, “On the procedure for assessing local taxes on buildings intended for liturgical purposes,” and the People’s Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR adopted Resolution 123, “On the use of premises by religious associations.” This decree reinforced the practice of evacuating houses of prayer from living quarters. In addition, prayer rooms were required to comply with sanitary standards; various commissions created by local authorities verified compliance. There followed seizures of religious premises (khuruls) throughout the KAO. The Bagatsokhurovsky Ulus Party Committee adopted a decree on the seizure of three khurul buildings in order to relocate local government institutions in them.²³

On January 5, 1930, Narkomfin issued Directive 195, “On the Taxation of Religious Societies and Prayer Buildings,” which gave full independence to local authorities in the formation of their budgets. On February 8, 1930, in accordance with this directive, the Kalmyk Oblispolkom, headed by A.P. Pyurbeyev, introduced new local taxes. Now every clergyman had to pay fees to the state treasury for buildings, livestock, means of transport (oxen and parade horses belonging to khuruls and churches), a special apartment tax, and fees for the sanitary inspection of cattle and livestock products (wool and leather)²⁴.

The Tax Administration, headed by F. Ya. Ryazantsev, seized for non-payment of the income-property tax in 1930 all the household property of four Gelungs of the Salsky khurul in Maloderbetovsky ulus – Zungra Ilijirinov, Shagdzhii Dorzhiev, Balgir Utnasunov, Samtan Chimgirov – and sold it at auction. After this, the clergymen were forced to leave the priesthood. In addition, Utnasunov and Chimgirov were imprisoned for two years. The village council of Tsagan-Nur seized all property, including bed linen, from Gelung Lekshad Beveev for non-payment of taxes in 1930 and sold it at auction.²⁵

The tax payment increases fell heavily on the shoulders of the clergy. Gelungs who did not leave the priesthood wrote local authorities requesting that they petition higher authorities to alleviate their tax burden. Such letters were also sent to the central spiritual bodies. In February 28, 1931, the Central Spiritual Council elected at the First Congress of the Kalmyk Buddhist Clergy and Believing Laymen (July 19, 1923), called the attention of A.P. Pyurbeyev, Kalmyk Oblispolkom chairman, to the fact that when assessing and levying taxes on clergy the tax authorities demanded immediate payment in full, often forcibly. For non-payment or delay in paying excessive taxes, they had recourse to property seizures and evictions. The taxpayer himself was either brought to trial or sent to serve terms of heavy labor. The Central Spiritual Council asked Pyurbeyev to reduce taxes on Gelungs, Getsuls, and Manjiks.²⁶ Like the requests of the Kalmyk priests themselves, this petition remained unanswered.

Based on the decisions and practical work of the Oblispolkom Financial Department and its Tax Administration in relation to clergymen and religious associations, one can say that arbitrariness and discrimination marked the taxation of this social group. F.Ya. Ryazantsev, head of the Financial Department from 1930 to 1932, explained the toughening tax policy in relation to the clergy in these years as a result of the “sharpening class struggle” in the country. Given Soviet legislation, he did not doubt the legality of the taxes imposed on the Kalmyk clergy. The Financial Department submitted to the KAO Central Executive Committee three-year figures on tax payments from priests. These figures show “the growth in the level of taxes from priests.” In the 1928/29 economic year (October 1 to September 30) the tax payment on an income of 700 rubles came to 76 rubles. In 1929/30 and 1930/31, taxes on the same income climbed to 117 and 364 rubles, respectively. In other words, for those three years taxes on a 700 ruble income increased nearly five-fold (4.8). Taxes on incomes of 1,200 rubles grew 6.4 times: 1928/29 – 147 rubles; 1929/30 – 228 rubles; 1930/31 – 943 rubles.²⁷

From the second half of the 1920s to 1931, the clergy endured taxation at the same rates and for the same reasons as the most well-off strata of the population (e.g. peasants who refused to enter collective farms). At first, the state equated clergymen to practitioners of the free professions, and then to the “non-laboring element.” Ownership by a cleric served as one determinant of a “kulak” farm.²⁸

The local party and Soviet leaders in Kalmykia carried out the “general line” of the Bolshevik Party to eradicate religion from the life of society with great zeal. The authorities convinced the semi-literate Kalmyk population who understood little Russian that religion and clergymen were enemies of socialism who had to be fought mercilessly.

The situation was complicated by the fact that not all central party and state decisions appeared in the Soviet press and, as a result, remained unavailable to local leaders and institutions. Local leaders’ lack of necessary qualifications, regardless of nationality, negatively affected their ability to orient themselves in the complicated political and economic environment.

This complex of reasons led to numerous violations of the tax laws in relation to the clergy, leading eventually to a sharp deterioration in their financial situation, which in turn, resulted in many Buddhist clergymen in Kalmykia abandoning the priesthood and the performance of their religious duties.

Notes

¹ *Цыремпилова И.С.* Региональная власть и религиозные институты на территории Бурятии в 1920 – 30-х гг.: Специфика и трансформация взаимоотношений // *Власть*. 2016. № 12. С. 164–168.

² *Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и церкви на страницах архивных документов*. М., 1999. С. 124.

³ *Отделение церкви от государства в СССР*. М., 1926. С. 200.

⁴ *Ibidem*. С. 202.

⁵ *Бадмаева Е.Н.* Деятельность финансовых органов Калмыцкой автономной области (1920 – 1935 гг.) // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2016. № 1. С. 80.

⁶ National Archive of Republic of Kalmykia (NA RK). F. P-82. Op. 2. D. 17. L. 22.

⁷ *Отделение церкви от государства в СССР*. М., 1926. С. 211.

⁸ NA RK. F. P-3. Op. 2. D. 1375. L. 1.

⁹ NA RK. F. P-3. Op. 1. D. 41. L. 180.

¹⁰ *Церенов В.З.* Эркетени: Земля и люди: Из истории Черноземелья. Элиста, 1997. С. 122.

¹¹ NA RK. F. P-3. Op. 1. D. 41. L. 187.

¹² *Верещагин С.Г.* Политика налогов в СССР в период с 1917 по 1941 гг. // *Право и политика*. 2007. № 7. С. 138.

¹³ NA RK. F. P-3. Op. 1. D. 41. L. 177.

¹⁴ NA RK. F. П-1. Op. 2. D. 150. L. 10; *Синицын Ф.Л.* «Красная буря»: Советское государство и буддизм в 1917 – 1946 гг. СПб., 2013. С. 482.

¹⁵ NA RK. F. П-1. Op. 1. D. 264. L. 35, 40.

¹⁶ NA RK. F. П-1. Op. 1. D. 301. L. 1–3.

¹⁷ NA RK. F. П-1. Op. 1. D. 291. L. 29.

¹⁸ *Ibidem*. L. 33.

¹⁹ Ibidem. L. 33, 87.

²⁰ Ibidem. L. 86.

²¹ *Кашевараев А.Н.* Государственно-церковные отношения в советском обществе 20 – 30-х гг. (новые и мало изученные вопросы). СПб., 1997. С. 27.

²² NA RK. F. П-1. Оп. 1. D. 291. L. 230.

²³ Ibidem. L. 89.

²⁴ NA RK. F. P-3. Оп. 2. D. 1541. L. 1.

²⁵ Ibidem. L. 6.

²⁶ NA RK. F. P-3. Оп. 2. D. 1541. L. 2–7.

²⁷ Ibidem. L. 1.

²⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1929. № 34. Ст. 301.

Author, Abstract, Key words

Ekaterina N. Badmaeva – Doctor of History, Deputy Director, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)

en-badmaeva@yandex.ru

This article is the first to analyze Soviet tax policy in relation to the Buddhist clergy in the Kalmyk Autonomous Region (Oblast). The study covers the period of the New Economic Policy and early stages of industrialization and agricultural collectivization in the USSR. Unpublished documents in the National Archives of the Republic of Kalmykia provide the source base for this research. The author focuses attention on the decision-making and tax-collecting activities of the Kalmyk Regional Financial Department and its Tax Administration. These institutions subjected Buddhist clerics in Kalmykia, whom they considered enemies of socialism, to myriad direct and indirect taxes. Constant tax increases strained the clergy's financial resources to the utmost. According to the author, fiscal policy toward the Buddhist clergy amounted to tax discrimination. Through this discrimination, regional Bolshevik Party and government officials intended first to reduce the number of clergymen and khuruls in Kalmykia, then to eliminate them completely. By the early 1930s, excessive tax pressure led to a sharp deterioration in the financial position of the Buddhist clerics, the departure of many of them from the clergy's ranks, and the closure of most khuruls.

Kalmykia, Kalmyk Autonomous Region (Oblast), Buddhism, Khurul, Buddhist clergy, Gelung, Russian Communist Party (Bolsheviks) (RCP(b)), Soviet State, People's Commissariat of Finance, Tax Administration, tax policy, tax burden, tax discrimination, Arashi Ch. Chapchaev.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Badmaeva E.N. Deyatel'nost' finansovykh organov Kalmytskoy avtonomnoy oblasti (1920 – 1935 gg.) [The Activity of the Financial Organs of the Kalmyk Autonomous Oblast (1920 – 1935)]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2016, no. 1, pp. 71–85. (In Russ.).

2. Tsyrempilova I.S. Regional'naya vlast i religioznye instituty na territorii Buryatii v 1920 – 30-kh gg.: Spetsifika i transformatsiya vzaimootnosheniy [Regional Authority and Religious Institutions in Buryatia, 1920 – 30s: The Specificity and Transformation of Relationships]. *Vlast*, 2016, no. 12, pp. 164–168. (In Russ.).

3. Vereshchagin S.G. Politika nalogov v SSSR v period s 1917 po 1941 gg. [Tax Policy in the USSR, 1917 to 1941]. *Pravo i politika*, 2007, no. 7, pp. 133–143. (In Russ.).

(Monographs)

4. Kashevarov A.N. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v sovetskom obshchestve 20 – 30-kh gg. (novye i malo izuchennyye voprosy) [Church-State Relations in Soviet Society in the 1920s and 1930s (New and Little-Studied Questions)]. St. Petersburg, 1997, p. 27. (In Russ.).

5. Sinitsyn F.L. “Krasnaya burya”: Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917 – 1946 gg. [“Red Storm”: The Soviet State and Buddhism, 1917 – 1946]. St. Petersburg, 2013, p. 482. (In Russ.).

6. Tserenov V.Z. Erketeni: Zemlya i lyudi: Iz istorii Chernozemelya [Erketeni: Land and People: From the History of Chernozemelia]. Elista, 1997, p. 122. (In Russ.).

Автор, аннотация, ключевые слова

Бадмаева Екатерина Николаевна – докт. ист. наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста)

en-badmaeva@yandex.ru

В статье впервые анализируется специфика налоговой политики по отношению к буддийскому духовенству на территории Калмыцкой автономной области. Хронология исследования охватывает период новой экономической политики и начало перехода к индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в СССР. Основу источниковой базы исследования составили неопубликованные документы Национального архива Республики Калмыкия. Главное внимание уделено деятельности Калмыцкого областного финансового отдела и его Налогового управления. Автором впервые в отечественной историографии анализируются ключевые решения этих учреждений в сфере налогообложения буддийского духовенства и их практическая деятельность по сбору налогов. Буддийские священнослужители облагались всеми видами прямых и косвенных налогов. Постоянное увеличение размера налогов сделало

их непосильными для священнослужителей. Деятельность Калмыцкого областного финансового отдела и его Налогового управления по отношению к буддийскому духовенству являлась, по сути, налоговой дискриминацией этой социальной группы. Главная причина налоговой дискриминации заключалась в том, что органы партии большевиков и советские учреждения в Калмыкии считали буддийских священнослужителей врагами социализма. Поэтому главная цель налоговой дискриминации состояла в уменьшении количества священнослужителей и хурулов в Калмыкии, а затем и в полной их ликвидации. К началу 1930-х гг. чрезмерное налоговое давление привело к резкому ухудшению материального положения буддийских священнослужителей, отказу многих из них от духовного звания и закрытию большинства хурулов.

Калмыкия, Калмыцкая автономная область, буддизм, хурул, буддийские священнослужители, гелюнг, Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)), Советское государство, Народный комиссариат финансов, Налоговое управление, налоговая политика, налоговое бремя, налоговая дискриминация, А.Ч. Чапчаев.

У.Б. Очиров

ФОРМИРОВАНИЕ 110-Й И 111-Й КАЛМЫЦКИХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ В 1941 – 1942 ГОДАХ: ТРУДНОСТИ И ИТОГИ

U. Ochirov

The Formation of the 110th and 111th Kalmyk Cavalry Divisions in 1941 – 1942: Difficulties and Results

Осенью 1941 г. на фронтах Великой Отечественной войны сложилась тяжелая ситуация. Немцы вели наступление на Москву, Тихвин, Ростов-на-Дону, осадили Ленинград и Севастополь. Более сотни различных дивизий РККА, большинство из которых погибло в «котлах» вермахта, пришлось расформировать. Государственный комитет обороны (ГКО) и Народный комиссариат обороны спешно формировали сотни новых дивизий, которые волна за волной вступали в бой с врагом в течение 1941 и первой половины 1942 гг. Большинство этих соединений представляли стрелковые дивизии и отдельные бригады. Следующими по количеству были кавалерийские дивизии, которые после расформирования механизированных корпусов и танковых дивизий остались практически единственной силой для совершения глубоких прорывов и рейдов по тылам противника.

Согласно постановлениям ГКО № 23сс (от 4 июля), № 41сс (от 6 июля) и 48с (от 8 июля), № 225сс (от 20 июля), № 459сс (от 11 августа) командование Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) начало формирование 55 кавдивизий, которые можно условно разделить на 4 «военные волны» по времени выхода приказов об их создании¹. Кроме того, параллельно с ними по инициативам с мест и приказам командования Генштаба шло формирование еще 11 кавдивизий (в том числе пяти казачьих народного ополчения, которые можно считать отдельной «военной волной»).

Особой разницы между этими дивизиями не было: они относились к числу так называемых легких (или «истребительных») кавдивизий, которые состояли из трех кавалерийских полков, броневое эскадрона, эскадрона химзащиты и не имели дивизионной артиллерии, тылов, саперов и связистов². По штату такая кавдивизия имела 2 939 человек, 9 пушечных бронеемобилей (в реальности подавляющее большинство дивизий их так и не получили), а также (в составе полковой артиллерии) 12 – 76-мм орудий, 12 – 45-мм противотанковых орудий. Для сравнения: кавдивизия довоенного штата имела в своем составе 9 240 человек, 64 танка БТ, 18 бронеемобилей (в том числе 8 – с 45-мм пушкой), 8 – 122-мм гаубиц, 32 – 76-мм орудия (включая 8 зенитных), 16 – 45-мм противотанковых

орудий (без учета пушек на танках и бронев автомобилях), 12 – 37-мм зенитных орудий, 16 – 82-мм минометов, не говоря уже о полностью моторизованных дивизионных тылах, которые могли доставить половину боекомплекта «боеприпасов на все огневые средства, 3 суточных дачи продовольствия и зерно-фуража на всю дивизию и 2 заправки горюче-смазочных материалов, а также ремонт и восстановление автотранспортного имущества, эвакуацию раненых людей и лошадей»³.

Неудивительно, что боевая устойчивость «легких кавдивизий» оказалась заметно ниже, чем у кадровых кавдивизий, большинство из которых воевали до Победы, став гвардейскими и Краснознаменными. Большинство же «легких кавдивизий» были разгромлены или обращены на доукомплектование других дивизий в первые два года войны. Осознав слабость штата кавдивизий «истребительного типа», командование начало наращивать их штатную численность, огневую мощь, связь и тылы. Уже 9 августа было принято постановление ГКО № 446сс о включении в кавдивизии 18 – 82-мм минометов и 48 – 50-мм минометов, но 11 августа это количество сократили. Согласно новому постановлению ГКО № 459сс численность кавдивизии составляла 3 277 человек, а ее артиллерия (в полковых батареях) состояла из 12 – 76-мм орудий, 12 – 45-мм орудий, 9 – 82-мм минометов, 48 – 50-мм минометов⁴.

13 ноября 1941 г. по инициативе генерал-инспектора кавалерии О.И. Городовикова ГКО принял постановление № 894сс о формировании в ряде союзных и автономных республик Средней Азии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приуралья 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 национальных стрелковых бригад⁵. Согласно этому постановлению, формировались следующие кавдивизии: 97-я и 98-я Туркменские; 99-я, 100-я, 101-я, 102-я и 103-я Узбекские; 104-я Таджикская; 96-я, 105-я и 106-я Казахские; 107-я, 108-я и 109-я Киргизские; 110-я и 111-я Калмыцкие; 112-я и 113-я Башкирские; 114-я Чечено-Ингушская; 115-я Кабардино-Балкарская. Отличие этих национальных дивизий состояло в том, что, хотя набор в них осуществлялся через военкоматы, а формирование, вооружение и обучение шло по штатам и уставам РККА, эти дивизии и бригады до их принятия Наркоматом обороны содержались за счет бюджетов республик и должны были получить «обмундирование, людское и конское снаряжение, седла, продфуражное и прочее довольствие, конский состав, холодное и частично огнестрельное оружие за счет ресурсов союзных и автономных республик»⁶. Ответственность за их формирование возлагалась на партийно-государственное руководство национальных республик.

К национальным дивизиям у командования Красной армии к тому времени уже сложилось скептическое отношение. Значительная часть националов-призывников, особенно из числа ранее не служивших, слабо владела или не владела вовсе русским языком, плохо

понимала команды командиров и лекции политруков. При формировании национальных кавдивизий в ноябре 1941 г. этот фактор был учтен. К их комплектованию предъявлялись жесткие требования: партийно-комсомольская прослойка должна была достигать 25 %, возраст кавалеристов не должен был превышать 40 лет, в строевых подразделениях – 35 лет, при этом разрешалось набирать молодежь призыва 1942 г., а в специальные подразделения (почти четверть штата) – представителей некоренной национальности. При этом предписывалось «отбор личного состава произвести особо тщательно, дивизии комплектовать исключительно проверенными стойкими и преданными Советской власти гражданами»⁷.

Во 2-м пункте постановления особо подчеркивалось: «Начальствующим составом обеспечить по возможности также из местных национальностей, недостающих пополнить русскими»⁸. Очевидно, что командование РККА учло опыт Гражданской войны и межвоенного периода по формированию национальных частей (Кавказская и Калмыцкая кавдивизии, Башкирская, Киргизская, Узбекская кавбригады и т.д.). Этот шаг позволял преодолеть языковой барьер между командным и рядовым составом, что создавало условия для более эффективного управления национальными частями.

В качестве примера приведем список офицеров-калмыков (здесь и далее термин «офицер» используется для обозначения всех лиц старшего и среднего командно-начальствующего состава, включая политработников, врачей и т.д.) в звании от полковника до капитана (и к ним приравненных), которых инспекция кавалерии (под руководством генерал-полковника О. И. Городовикова) собирала по всем фронтам и в тылу для 110-й и 111-й Калмыцких кавдивизий. В списке состояли:

полковник В.А. Хомутников (бывший командир 230-го кавполка 75-й кавдивизии, назначен заместителем командира 110-й кавдивизии),

подполковник Б.Б. Городовиков (бывший командир 71-го кавполка 48-й кавдивизии, намечался командиром кавполка, но поскольку в то время он оказался в окружении и командовал партизанским отрядом в Крыму, разыскать его не удалось),

майор М.Т. Бимбаев (бывший командир 183-го разведывательно-го батальона 156-й стрелковой дивизии, назначен начальником штаба 110-й кавдивизии),

майор М.С. Шарапов (бывший командир 202-го кавполка 74-й кавдивизии, назначен командиром 293-го кавполка 111-й кавдивизии),

капитан И.А. Теврюков (бывший комендант штаба 41-й кавдивизии, назначен начальником разведывательного отделения штаба 110-й кавдивизии),

капитан Л.Ц. Санджиев (назначен командиром 292-го кавполка 110-й кавдивизии),

капитан А.К. Темиров (бывший военком Приютненского районного военкомата Калмыцкой АССР, назначен заместителем командира 274-го кавполка 111-й кавдивизии),

батальонный комиссар С.Н. Гаряев (секретарь партбюро 160-го кавполка 5-й кавдивизии, назначен комиссаром 311-го кавполка 110-й кавдивизии);

военврач 3-го ранга О.В. Мергасов (бывший старший врач 40-го кавполка 43-й кавдивизии, назначен начальником санитарной службы 110-й кавдивизии)⁹.

Офицеров-калмыков в лейтенантских и им приравненных званиях было более полусотни, хотя большинство в обеих дивизиях все же составляли офицеры других национальностей. Помня о необходимости преодоления языкового барьера, командование отобрало сотню калмыков-комсомольцев, освоивших программу средней школы, и направило ее на национальный курс Новочеркасского кавалерийского училища, где из них сформировали три взвода (параллельно на этом курсе обучались чечено-ингушский и кабардино-балкарский взводы). Однако выпустить офицеров в национальные кавдивизии до их вступления в бой так и не удалось. Летом 1942 г. Новочеркасское училище само приняло участие в Битве за Кавказ. Лишь осенью один из трех калмыцких взводов был выпущен офицерами в кавдивизии Северной группы войск Закавказского фронта (в том числе и в 110-ю кавдивизию). Остальные два взвода калмыков-курсантов продолжили обучение, но через месяц, когда училище передислоцировали в Москву, их направили на фронт сержантами¹⁰.

Обе Калмыцкие кавдивизии формировались по штатам отдельной кавдивизии (3,5 тыс. человек), каждая состояла из трех кавполков, бронетанкового эскадрона, эскадрона химзащиты¹¹. Мобилизационных ресурсов в Калмыкии было вполне достаточно для укомплектования обеих дивизий. К 1 октября 1941 г. на учете в Калмыцком военкомате числилось 725 лиц командно-начальствующего состава запаса и 22 526 призывников 1896–1921 гг. рождения, большинство из которых относилось ко 2-й категории (то есть ранее не проходивших срочную службу). Если же говорить конкретно о военнослужащих для формируемых дивизий, возраст которых был ограничен 40 годами, то, по данным на 1 октября 1941 г., на учете в Калмыцком военкомате значились 581 лицо командно-начальствующего состава запаса и 17 495 призывников (в том числе 1-й категории – 347 и 1 902 человека соответственно). Из них 89 лиц командно-начальствующего состава запаса и 8 152 призывника 1901–1921 гг. рождения являлись калмыками. Кроме того, в списках Калмыцкого военкомата значилось 5 207 допризывников 1922–1924 гг. рождения¹².

С учетом того, что специальные подразделения дивизий (почти четверть штата) разрешалось комплектовать из лиц некоренной национальности, указанного количества калмыков (даже без учета молодежи 1922–1924 гг. рождения) было достаточно для укомплектова-

ния даже трех кавдивизий. При этом следует учесть, что, хотя большинство призывников относились ко 2-й категории (ранее не служивших), многие из них прошли допризывную подготовку, согласно постановлению ГКО № 690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17 сентября. Мало того, еще до выхода этого постановления, по предложению О.И. Городовикова от 16 августа, после успешного формирования кавалерийских дивизий «4-й военной волны» в республиках и областях Северо-Кавказского военного округа были сформированы кавалерийские группы для проведения допризывной подготовки. В Калмыкии в составе таких групп (эскадронов) находились более 2 тыс. юношей¹³.

Срок приема кавдивизий был определен в постановлении ГКО «не ранее января». В директиве заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко от 20 ноября 1941 г. дату приема уточнили – 15 января 1942 г.¹⁴. Правда, в приказе временно исполняющего обязанности командующего Северо-Кавказским военным округом № 00494 генерал-лейтенанта В.Н. Сергеева (он, видимо, не был знаком с директивой Е.А. Щаденко) указывалась более «размытая» дата: «Прием дивизий осуществить в январе месяце 1942 года специальными комиссиями по моему указанию»¹⁵.

Однако установленные сроки были совершенно нереальными, не говоря уже о том, что бюрократизм и волокита, проявленные структурными подразделениями Наркомата обороны в эти тяжелые для страны дни, «съели» почти две недели из двухмесячного срока. Неделю постановление ГКО от 13 ноября циркулировало внутри наркомата, пока наконец не было оформлено 20 ноября в виде директивы заместителя наркома обороны – начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии Е.А. Щаденко № орг/1336. Затем, несмотря на наличие телеграфной и телефонной, в том числе и ВЧ (высокочастотной по электрическим проводам), связи, соответствующие документы были направлены спецкурьером – капитаном С.И. Ориночко (будущим командиром 292-го кавполка 110-й кавдивизии), – который, выехав 21 ноября, добрался до Сталинграда утром 24 ноября, сдал там пакет, после чего вылетел в Элисту и вечером того же дня вручил еще один пакет первому секретарю Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьеву и председателю Совнаркома Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряеву¹⁶.

Партийно-государственное руководство Калмыкии, которое ранее никогда не руководило формированием полков и дивизий, отреагировало оперативно: совместное постановление Калмыцкого обкома и Совнаркома Калмыцкой АССР вышло 26 ноября, и почти сразу в улусы стали направляться различные указания, инструкции и т.д. по вопросам комплектования 110-й и 111-й кавдивизий.

Между тем 26 ноября часть территории Северо-Кавказского военного округа была выделена во вновь созданный Сталинградский военный округ, в который вошла и Калмыкия. И хотя приказ о созда-

нии 110-й и 111-й Калмыцких кавдивизий был издан командованием Северо-Кавказского военного округа, их формирование осуществлялось штабом и другими органами Сталинградского военного округа.

В Калмыцкой республике, основой экономики которой являлось пастбищное скотоводство, а большинство населения только недавно перешла к оседлости, было сложно найти крупные поселения, способные принять и содержать такие многочисленные полки и дивизии. Для этой цели руководство Калмыкии выделило два района, находившиеся недалеко от железной дороги и имевшие хоть какую-то материальную базу, дома, запасы фуража. 110-я кавдивизия формировалась в селах Садовое (Сарпинского улуса), Тундутово и Малые Дербеты (Малодербетовского улуса), 111-я – в селах Эсто-Хагинское (ныне Яшалта), Немецко-Хагинское (ныне Ульяновское) и Шёнфельд (ныне Краснополье) Яшалтинского улуса¹⁷. После высылки местных немцев в первой половине ноября 1941 г. последние два села почти обезлюдели. Несомненно, этот фактор был учтен при выборе сел для базирования формируемых частей.

В 110-ю кавдивизию первоначально направлялись призывники из северных и восточных улусов (Сарпинского, Кетченеровского, Малодербетовского, Юстинского, Приволжского, Улан-Хольского, Лаганского), в 111-ю – из западных и центральных (Западного, Яшалтинского, Приютненского, Троицкого, Черноземельского, Долбанского и г. Элисты)¹⁸. В связи с этим вновь формируемые полки согласно совместному постановлению обкома и Совнаркома от 13 февраля 1942 г. получили наименования: в 110-й кавдивизии имени С.М. Буденного – 273-й Сарпинский, 292-й Малодербетовский, 311-й Приволжский кавполки, в 111-й кавдивизии имени О.И. Городовикова – 274-й Элистинский, 293-й Башантинский, 312-й Приморский кавполки¹⁹.

Ввиду отсутствия командного состава, руководству Калмыкии пришлось самому назначить первых командиров обеих дивизий. Например, первым исполняющим обязанности командира 110-й кавдивизии стал управляющий Сельхозбанком Калмыцкой АССР М.А. Онгульдушев, исполняющим обязанности военкома – заместитель председателя Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР и нарком торговли П.И. Кубенков, исполняющим обязанности начальника штаба – инструктор Военного отдела обкома партии А.Д. Жемчуев, исполняющим обязанности интенданта – управляющий конторы Госстраха Э.М. Моголцыков. Первым исполняющим обязанности командира 111-й кавдивизии стал Н.И. Зимин, исполняющим обязанности военкома – С.Д. Дорджин, исполняющим обязанности начальника штаба – У.С. Гучунов, исполняющим обязанности интенданта – И.Я. Марышев. В декабре–январе для командования дивизиями прибыли уже профессиональные, кадровые военные. Командиром 110-й кавдивизии был назначен полковник В.П. Панин, комиссаром – полковой комиссар С.Ф. Заярный, заме-

стителем командира – полковник В.А. Хомутников, начальником штаба – подполковник М.Т. Бимбаев. Командиром 111-й кавдивизии был назначен полковник Г.А. Белоусов, комиссаром – батальонный комиссар М.С. Броницкий, заместителем командира – подполковник Б.И. Исаакян (первоначально он был начальником штаба этой же дивизии), начальником штаба – майор Д.С. Новиков²⁰.

16 декабря 1941 г. состоялось «суженное заседание» Совнаркома Калмыцкой АССР, на котором были распределены расходы бюджета на формирование и содержание обеих кавдивизий (на месяц):

– 2,1 млн руб. была отнесена на счет самих призываемых (большая часть обмундирования);

– 8 млн руб. – на счет колхозов (продукты, фураж, отопление, шашки, хозяйственное оборудование, автотранспорт, большинство лошадей, частично конское снаряжение и обмундирование);

– более 6,09 млн руб. – на счет республиканского бюджета (ежемесячное содержание военнослужащих, включая денежное довольствие и командировочные, расходы на боевую и политическую подготовку, типографские, канцелярские, почтово-телеграфные, банно-прачечные расходы, ветеринарное и санитарно-медицинское обслуживание, обоз, полевые кухни, шанцевые инструменты, снаряжение бойцов, большая часть конского снаряжения, часть лошадей и т.д.).

Так, стоимость обмундирования каждого бойца оценивалась в 485 руб., из которых 300 руб. покрывались за счет самого призывника. Если каких-то вещей по номенклатуре не доставало, то боец обязан был покрыть их стоимость за свой счет, а их пошив должны были организовать улусные комиссии по формированию²¹.

Поскольку процесс формирования затянулся, то первоначальный бюджет почти в 16,2 млн руб., несомненно, оказался превышен. Понятно, что значительная часть расходов не оплачивалась, а была возмещена полностью или частично натуральными поставками из колхозных и республиканских фондов (лошади, общая стоимость которых была определена в 5 348 тыс. руб., автотранспорт – 744,1 тыс. руб., продовольствие – 714 тыс. руб. в месяц, фураж – 749 тыс. руб. в месяц и т.д.)²².

Кроме того, возможности для пошива обмундирования армейского образца у Калмыкии были ограничены, не говоря уже о том, что 300 руб. у простого колхозника или рыбака могло не и быть. В реальности абсолютное большинство призывников начало службу в своей гражданской одежде, которую они смогли сменить на военное обмундирование лишь весной 1942 г.

Уже 1–8 декабря городской и улусные военкоматы просмотрели 3 245 человек, из которых 2 008 были направлены в национальные кавдивизии²³. В Сталинграде была создана специальная экспедиция для передачи калмыков из фронтовых частей в национальные дивизии. Основу 110-й и 111-й кавдивизий составили призывники в возрасте от 19 до 35 лет. Например, в период с 30 декабря 1941 по

4 января 1942 г. 111-я кавдивизия получила из Элистинского, Приютненского и Черноземельского военкоматов 1 008 призывников, в том числе 1 – в возрасте 18 лет, 137 – 19 лет, 770 – 20–35 лет, 99 – 35–40 лет, 1 – старше 40 лет²⁴. Однако к 15 января 1942 г. полностью укомплектовать обе дивизии не удалось: в 110-й кавдивизии числилось 98 офицеров (из них 35 калмыков), 85 старшин и сержантов (31 калмык), 2 264 рядовых (2 199 калмыков), а в 111-й кавдивизии – 101 офицер (20 калмыков), 136 старшин и сержантов (68 калмыков) и 1 758 рядовых (1 471 калмык)²⁵. Согласно действующему тогда штату в кавдивизии должно было быть 3 498 человек: 257 офицеров, 462 старшины и сержанта, 2 779 рядовых.

Таким образом, к указанному в директиве Е.А. Щаденко сроку обе дивизии не были готовы к приему Наркоматом обороны. Причин тому было немало, даже без учета потери времени в ноябре 1941 г.

Прежде всего, это – слабая материальная база. Скотоводческая республика изначально не имела больших промышленных возможностей. К тому же за первые месяцы войны она отдала значительную часть ресурсов в фонд обороны: 7 043 лучших лошадей, в том числе 3 482 верховых, 464 артиллерийских, 3 097 обозных (еще 2 тыс. лошадей сдали частные лица и местные Советы), 668 автомашин, 98 тракторов, 6 мотоциклов, более 400 повозок с упряжью, внесли деньгами 13 млн руб. (а также приобрели облигаций и билетов лотереи на 7 млн руб.), 20 тыс. голов скота, 805 т мяса и 1 380 т зерна (сверх обязательных поставок государству, по которым было сдано 60,6 тыс. т хлеба и 9 671 т мяса), а также направили напрямую на фронт 62 т продуктовых подарков и 8 тыс. индивидуальных посылок, не считая огромного количества теплых вещей²⁶.

Из оставшихся к 1 октября 19 568 лошадей только 5 506 (в том числе 2 746 верховых, 238 артиллерийских, 2 522 обозных) были пригодны для службы в армии²⁷. Между тем, по штатам того времени двум кавдивизиям требовалось 7 676 лошадей (в том числе 6 480 верховых)²⁸. Автомшины, поступившие от республики, едва покрывали 10 % от штата, отсутствовали кавалерийские седла (имеющиеся калмыцкие и казачьи седла не соответствовали требованиям Наркомата обороны), упряжь, подковы и т.д. Ни одна из пулеметных тачанок, поступивших в дивизии, не могла выдержать реальных боевых нагрузок.

К формированию национальных дивизий не был готов и сам Наркомат обороны.

Вооружение в дивизии поступило с большим запозданием. Так, 110-я кавдивизия полностью получила штатное вооружение лишь в начале июля 1942 г., буквально накануне боев. На 15 января в 110-й кавдивизии было всего 30 винтовок, ни одного орудия, миномета, пулемета и пистолета²⁹. Н.В. Бадьмин (в то время заместитель командира пулеметного эскадрона 292-го кавполка 110-й кавдивизии) позже вспоминал, что единственный станковый пулемет полк полу-

чил лишь в феврале, после чего он смог наконец приступить к обучению пулеметчиков³⁰. В 111-й кавдивизии на 17 января имелось 253 винтовки, 6 револьверов, 3 ручных пулемета, 1 станковый пулемет, 1 – 50-мм миномет и 40 шашек, негодных в качестве боевого оружия³¹.

Не хватало офицеров и сержантов. В 110-ю кавдивизию командир дивизии и два командира полка прибыли после 15 января, а в 111-й кавдивизии на 17 января отсутствовали заместитель командира дивизии, два командира полка, 19 командиров эскадронов и 74 командира взводов, не считая еще 71 офицера на других должностях³².

Формирование дивизий серьезно задерживали и тяжелые климатические условия (из-за нехватки конюшен приходилось возводить временные укрытия для лошадей от морозов из снега и камыша).

Однако основной причиной затягивания формирования стал набор жителей Калмыкии, которых планировали мобилизовать в национальные кавдивизии, на строительство Донского оборонительного рубежа (10 тыс. человек), железной дороги Кизляр–Астрахань (6,2 тыс. человек) и других объектов военного назначения. Впрочем, командование дивизий и руководство республики были уверены, что по завершению строительных работ в январе 1942 г. и возвращению жителей Калмыкии им удастся решить задачи по укомплектованию дивизий рядовым составом.

По данным на 20 января 1942 г., вместо необходимых по штату 3 498 человек (в том числе 462 – младшего начальствующего состава и 2 779 рядовых) в 110-й кавдивизии состояло 2 507 бойцов (в том числе 77 старшин и сержантов и 2 310 рядовых), а в 111-й кавдивизии – 2 597 бойцов (в том числе 2 446 рядовых)³³. Некомплект рядового состава составлял всего 435 человек в 110-й кавдивизии и 299 – в 111-й кавдивизии. Куда большим (в процентном соотношении) был некомплект начальствующего состава, особенно младшего (старшин и сержантов). Немало нерешенных вопросов было с техническим оснащением дивизий: так, в бронетанковых эскадронах не было ни одного танка, в 110-й кавдивизии не было ни одной тачанки и т.д. К 15 января Калмыкия поставила в обе дивизии 5 422 лошади, в том числе до 1 500 двухлеток, которых пришлось мобилизовать в виде исключения по специальному разрешению О.И. Городовикова. Однако часть лошадей, ранее признанных годными, в самих дивизиях подверглись выбраковке. Лаврентьев объяснял это отсутствием концентрированных кормов и нестандартностью седел, что приводило к истощению и травматизму годных к службе лошадей при перегонах из военкоматов в дивизии. В доказательство этого он приводил такой факт: наибольший процент выбраковки лошадей в 110-й и 111-й кавдивизиях (50 %) приходился на самый отдаленный улус – Долбанский³⁴. В результате к 20 января не хватало 3 833 лошадей (1 396 – в 110-й кавдивизии, 1 673 – в 111-й)³⁵.

Несмотря на эти объективные трудности, работа по формирова-

нию национальных кавдивизий в Калмыкии шла полным ходом.

По специальным приказам предприятия Калмпромсоюза, промкооператива и союза инвалидов, а также специально созданные мастерские изготовили к февралю 1942 г. 10 872 комплекта обмундирования и 3 115 седел³⁶. К середине февраля 110-я и 111-я кавдивизии практически были укомплектованы людьми, за исключением младшего начальствующего состава. К 23 февраля в 110-й кавдивизии числилось 159 старшин и сержантов и 2 982 рядовых, в 111-й – соответственно 140 и 3 136³⁷. Для восполнения будущего сокращения количества рядовых, которые после подготовки во внештатных полковых школах должны были быть произведены в сержанты, обе кавдивизии набрали дополнительно: в 110-ю – 203 призывника, в 111-ю – 357. Выпуск из этих школ был осуществлен лишь 30 апреля, то есть через полтора месяца после расформирования 111-й кавдивизии и присоединения ее школ к 110-й кавдивизии.

23 февраля 1942 г., когда обеим кавдивизиям и входящим в них полкам торжественно вручили боевые знамена, а новобранцы приняли воинскую присягу, в Калмыкию прибыло сообщение о новом штате кавалерийской дивизии, который оказался увеличен с 3 498 человек (257 – командно-начальствующего состава, 462 – младшего начальствующего состава, 2 779 – рядового состава) до 4 494 человек (402 – командно-начальствующего состава, 716 – младшего начальствующего состава, 3 376 – рядового состава). Распределение личного состава по частям и подразделениям с указанием их номеров приведем на примере 110-й кавдивизии: управление (45 офицеров, 6 старшин и сержантов, 29 рядовых); 273-й, 292-й, 311-й кавполки (по 84 офицера, 185 старшин и сержантов, 891 рядовому в каждом); 99-й отдельный конно-артиллерийский дивизион (44 офицера, 93 старшины и сержанта, 359 рядовых); 99-й артиллерийский парк (9 офицеров, 11 старшин и сержантов, 123 рядовых); 81-й отдельный полуэскадрон связи (7 офицеров, 13 старшин и сержантов, 33 рядовых); 110-й отдельный эскадрон химзащиты (7 офицеров, 12 старшин и сержантов, 45 рядовых); 82-й продовольственный транспорт (6 офицеров, 8 старшин и сержантов, 34 рядовых); 94-й медико-санитарный эскадрон (16 офицеров, 8 старшин и сержантов, 26 рядовых); 374-й ветеринарный лазарет (6 офицеров, 1 сержант, 18 рядовых); военная прокуратура (3 офицера и 1 рядовой); взвод Особого отдела (1 офицер, 6 старшин и сержантов, 29 рядовых); 360-я (с апреля – 1925-я) полевая почтовая станция (3 офицера, 3 сержанта, 6 рядовых); 1028-я полевая касса Госбанка (3 офицера)³⁸.

Как видно, из состава кавдивизии был исключен бронетанковый эскадрон (так как танков и бронемашин для него не было), но теперь в ее составе появился конно-артиллерийский дивизион (всего в дивизии с учетом полковых батарей должно было быть 16 – 76-мм и 12 – 45-мм орудий, 8 – 120-мм, 18 – 82-мм, 48 – 50-мм минометов), тылы, подразделение связи. В результате некомплект личного состава

ва в 110-й кавдивизии увеличился до 951 бойца (в том числе 557 старшин и сержантов), а в 111-й – до 816 бойцов (в том числе 576 старшин и сержантов). Некомплект конского состава достиг 5 362 лошадей. 23 февраля 1942 г. военкомат Калмыцкой АССР составил разнарядку на призыв еще 1,7 тыс. человек для доукомплектования кавдивизий по новым штатам (950 – для 110-й и 750 – для 111-й)³⁹.

К началу марта 1942 г. 111-я кавдивизия была полностью укомплектована личным составом по новому штатному расписанию: 4 644 человек (по штату – 4 494), а недостаток 552 лиц младшего начальствующего состава предполагалось восполнить за счет 775 рядовых, набранных сверх комплекта⁴⁰.

Однако 4 марта 1942 г. Ставка Верховного главнокомандующего, которая под влиянием первых неудач стала скептически оценивать возможности кавалерии, отдала директиву № 76443 (на ее основании вышел аналогичный приказ наркома обороны № 0043) о сокращении количества кавалерийских корпусов и дивизий. Согласно директиве и приказу, были расформированы четыре кавалерийских корпуса и 20 кавалерийских дивизий, в том числе девять национальных, находящихся в стадии формирования⁴¹.

Среди них была и 111-я Калмыцкая кавдивизия. Выбор именно этой дивизии, которая, в отличие от 110-й, имела даже сверхкомплект личного состава, носил случайный характер. Обком и Совнарком Калмыкии, вложившие в формирование национальных соединений столько усилий и ресурсов, обращались в Москву с просьбой о сохранении 111-й кавдивизии, но успеха не добились.

12 марта 1942 г. началось расформирование 111-й кавдивизии имени О.И. Городовикова. 1 368 человек (8 – старшего командно-начальствующего состава, 89 – среднего, 151 – младшего, 1 120 – рядового состава), в том числе 677 калмыков, были направлены в 110-ю кавдивизию для ее доукомплектования. Большинство оставшегося личного состава передали в запасные части: 27 офицеров (в том числе 7 калмыков) и 1 974 рядовых (все калмыки) – в 15-й запасной кавполк (Ворошиловск, ныне Ставрополь), 4 сержантов и 996 рядовых (все русские) – в 16-ю запасную стрелковую бригаду (Котельниково). Еще 166 офицеров (в том числе 39 – старшего начсостава) и 9 сержантов были направлены в распоряжение отдела кадров Сталинградского военного округа, 1 офицер – в распоряжение отдела кадров Северо-Кавказского военного округа, 32 офицера (в том числе 6 – старшего начсостава) – в распоряжение Военного совета Крымского фронта, еще 6 офицеров, числившихся больными, командированными и т.д., временно остались без назначений. Еще 61 рядовой (больные и командированные) передан Западному райвоенкомату. В 110-ю кавдивизию была передана наибольшая часть имущества 111-й кавдивизии (в том числе 15 автомашин, 22 тачанки, 87 повозок, 2 613 лошадей с 1 083 седлами⁴²), что позволило полностью укомплектовать ее конским составом. В свою очередь,

командование 110-й кавдивизии выбрало из своего состава около 1 000 малообученных и необученных бойцов, которых направило в 16-ю запасную бригаду⁴³.

В итоге в 110-й кавдивизии оказался сконцентрирован отборный личный состав из числа наиболее подготовленных военнослужащих, призванных со всей Калмыцкой республики.

При расформировании командование 111-й кавдивизии дало такую характеристику работе местных органов власти: «Необходимо отметить, что в период формирования партийные и советские организации Калм[ыцкой] АССР провели большую работу по мобилизации сил и средств для формирования частей. Было действительно создано любовное отношение, чувствовалась гордость и честь принадлежности к части, с одной стороны, и патриотические чувства к созданию этой части на территории Калмыцкой АССР, с другой стороны. Партийно-политический аппарат соединения правильно понял и разъяснил стоящие задачи в области боевой и политической подготовки личному составу соединения.

Этим лишь можно объяснить высокое политико-моральное состояние соединения, его изо дня в день растущую боевую выучку при наличии целого ряда недостатков арт[иллерии], прод[овольствия], фуража и обозно-вещевого снабжения, так как все эти отрасли находились в стадии разрешения.

Но личный состав уяснил и правильно оценил сложившуюся обстановку, грязь по колено, он в валенках, но он не ропщет, а отдается весь единой цели как бы скорей овладеть боевой подготовкой, таких примеров тысячи.

Все это цементировало, организовывало, сливало в единую крепкую семью – это были замечательные люди.

Население, в подавляющем большинстве, ценило, лелеяло каждого бойца и командира. Это видно из расквартирования Нач[альствующего] состава и тысячи подарков, преподнесенных бойцам, начиная от теплых вещей и кончая продуктами питания и т. п. <...>

О политико-моральном состоянии людей можно судить по тем фактам, что в период расформирования люди отправлялись пешим порядком по бездорожью в валенках, а подчас в поршнях и т.п. Прибыли без единого отстающего и в пути следования фактов морального явления с их стороны зарегистрировано не было»⁴⁴.

20 апреля 1942 г. полностью укомплектованная 110-я Калмыцкая кавдивизия была передана на бюджетное содержание Наркомата обороны. К тому времени в ее штат входили также Особый отдел (8 офицеров и 8 рядовых), военный трибунал (4 офицера и 2 рядовых), зенитная батарея (7 офицеров, 17 сержантов и 56 рядовых), редакция и типография газеты «Красный кавалерист» (3 офицера, 1 сержант и 3 рядовых), что увеличило ее численность до 4 579 человек и 4 825 лошадей⁴⁵. 16 мая дивизия была принята комиссией

Сталинградского военного округа в состав Действующей армии и выступила на фронт, навстречу своему первому, самому тяжелому и страшному в ее истории сражению с двумя элитными моторизованными дивизиями вермахта – “Großdeutschland” («Великая Германия») и 16-й (будущей “Windhund”)⁴⁶.

В заключение остается сказать, что Калмыкия и ее жители сделали все возможное для формирования и укомплектования 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий, несмотря на крайнюю ограниченность ресурсов республики. А затягивание их формирования и особенно расформирование практически укомплектованной людьми 111-й кавдивизии в марте 1942 г. не были вызваны какими-то недоработками партийных органов и государственных учреждений республики, а уж тем более – недостатком добровольной, патриотической помощи со стороны гражданского населения.

Примечания

Notes

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 86, 132, 154–155; Д. 3. Л. 207; Д. 6. Л. 151–153.

² Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 43. Оп. 11536. Д. 154. Л. 77–78.

³ Там же. Л. 77.

⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 72, 152.

⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85–85об.

⁶ Там же. Л. 85.

⁷ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 21.

⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85.

⁹ Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2015. С. 57, 81, 251, 273, 274, 302, 303, 319, 320; *Бимбаев М.Т.* Судьба моя военная. Элиста, 1983. С. 60–80; *Шарапов М.С.* От Москвы до Берлина. Элиста, 1966. С. 7, 8; *Сусеев П.Н.* Очерки истории здравоохранения Калмыкии (воспоминания министра). Элиста, 2006. С. 190–192.

¹⁰ Полевые материалы автора (ПМА): Эрдни-Горяев Манджи Эрдни-Горяевич, 1923 г. рождения, записано 9 мая 2010 г.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. Ст. ВО. Оп. 4376сс. Д. 1. Л. 45.

¹² НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 5–6.

¹³ *Очиров У.Б.* Военные мобилизации // Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 2005. С. 69, 70.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 85. Л. 14.

¹⁵ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 22.

¹⁶ В боях за Дон. Воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой

кавалерийской дивизии. Элиста, 1969. С. 26, 27.

¹⁷ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 128.

¹⁹ Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: Документы и материалы. Элиста, 2005. С. 156.

²⁰ Солдаты Победы. С. 20, 337.

²¹ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 16, 18.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 107.

²⁴ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1021. Л. 1, 9, 14.

²⁵ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 85. Л. 5.

²⁶ Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010. С. 76, 77, 80, 81.

²⁷ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 5.

²⁸ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 7.

²⁹ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 85. Л. 3–4.

³⁰ Научный архив КалмНЦ РАН. Воспоминания Н.В. Бадьминова.

³¹ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 85. Л. 16.

³² Там же. Л. 14.

³³ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 21.

³⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 743. Л. 5.

³⁵ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 21.

³⁶ В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. С. 30.

³⁷ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 12.

³⁸ Там же. Л. 9.

³⁹ Там же. Л. 10.

⁴⁰ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1123. Л. 1.

⁴¹ Очиров У.Б. Эффективность применения национальных кавалерийских дивизий в Великой Отечественной войне: мифы и реалии // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 12, 19.

⁴² НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1123. Л. 2–4.

⁴³ Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход частей 110-й ОККД после боев на Дону в июле 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 1. С. 114.

⁴⁴ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1123. Л. 8–9.

⁴⁵ В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. С. 51, 89.

⁴⁶ Заярный С.А. Новые данные о боевых действиях 110-й ОККД на Дону // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 24.

Автор, аннотация, ключевые слова

Очиров Уташ Борисович – докт. ист. наук, главный научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста) utash-ochirov@yandex.ru

Статья посвящена истории формирования национальных 110-й и 111-

й Калмыцких кавалерийских дивизий в начальный период Великой Отечественной войны. Главное командование Красной армии в то время недоверчиво относилось к национальным формированиям, поскольку значительная часть призывников из азиатских народов плохо знала русский язык и могла не понимать приказы командиров. Однако ввиду нехватки живой силы, оно в ноябре 1941 г. решило создать 20 национальных кавалерийских дивизий. При этом предполагалось максимально сконцентрировать в них командиров соответствующих национальностей. В отличие от других дивизий Красной армии, национальные дивизии формировались партийным и государственным руководством национальных республик и содержались за счет республиканского бюджета, колхозов и самих мобилизованных. Опираясь на документы из фондов Калмыцкого обкома ВКП(б) и Совета народных комиссаров Калмыцкой АССР, автору удалось реконструировать процесс формирования этих дивизий. Их формирование шло с серьезными трудностями, так как основой экономики Калмыкии было экстенсивное пастбищное скотоводство. Республика не имела крупных промышленных предприятий, к тому же она уже отдала большую часть имеющихся материальных ресурсов (лошади, автомашины и т.д.) на нужды фронта. Тем не менее, Калмыкия и ее население, охваченное патристическим порывом, напрягли все силы и сумели завершить формирование обеих кавалерийских дивизий к марту 1942 г. Однако к тому времени Главное командование Красной армии решило сократить количество кавалерийских дивизий и расформировало 111-ю кавалерийскую дивизию. 110-я кавалерийская дивизия выступила на фронт в мае 1942 г.

Вторая мировая война, Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг., Калмыкия, Рабоче-крестьянская Красная армия, кавалерия, национальное формирование, 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, 111-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, О.И. Городовиков.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Ochirov U.B. Effektivnost primeneniya natsionalnykh kavaleriyskikh diviziy v Velikoy Otechestvennoy voyne: mify i realii [The Effectiveness of the Utilization of National Cavalry Divisions in the Great Patriotic War: Myths and Realities.]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2016, no. 2, pp. 8–23. (In Russ.).

2. Zayarnyy S.A. Novye dannye o boevykh deystviyakh 110-y OKKD na Donu [New Data on the Combat Operations of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division on The Don River.]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2016, no. 2, pp. 24–46. (In Russ.).

3. Zayarnyy S.A., Ochirov U.B. Otkhod chastey 110-y OKKD posle boev na Donu v iyule 1942 g. [The Withdrawal of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division after Fighting on the Don River in July 1942.]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2017, no. 1, pp. 111–120. (In Russ.).

4. Ochirov U.B. Voennye mobilizatsii [Military mobilizations.]. *Kalmykiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kalmykia during the Great Patriotic War.]. Elista, 2005, pp. 63–81. (In Russ.).

(Monographs)

5. Maksimov K.N. Velikaya Otechestvennaya voyna: Kalmykiya i kalmyki [Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks.]. Moscow, 2010, pp. 76, 77, 80, 81. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Utash B. Ochirov – Doctor of History, Chief Research Fellow, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)

utash-ochirov@yandex.ru

The article highlights the history of the formation of the 110th and 111th Kalmyk Cavalry Divisions at the outset of the Great Patriotic War. At that time the top commandment felt distrustful of national formations as the majority of recruits could hardly speak Russian which prevented them from understanding their commanders' orders. However, due to the lack of manpower, it made the decision to form 20 national cavalry divisions in November 1941, with the bulk of commanders supposed to be of Asiatic origin. Unlike other divisions of the Red Army, the national divisions were formed by the Bolshevik Party and the Soviet government bodies of national republics financed from the republican budgets, kolkhozes and the draftees themselves. On the basis of the archives of the VKP(b) Kalmyk Regional Committee and the archives of the Council of People's Commissars of the Kalmyk ASSR the author reconstructs the formation process of the divisions. The process was faced with considerable difficulties as the Kalmyk economy was largely reliant on extensive pastoralism whereas the Republic was devoid of large industrial enterprises; moreover, it had already contributed a huge part of its logistic resources (vehicles, horses, etc.) for the needs of the front. Nevertheless, Kalmykia's population in its patriotic effort did everything possible to finalize the formation of the two cavalry divisions by March 1942. However, by that time the top commandment had decided to reduce the number of cavalry divisions and disbanded the 111th Cavalry Division. Meanwhile, the 110th Cavalry Division reached the front in May 1942.

World War II, Great Patriotic War of 1941–1945, Kalmykia, Worker-Peasant Red Army, cavalry, national formation, 110th Kalmyk cavalry division, 111th Kalmyk cavalry division, Oka I. Gorodovikov.

**СОВЕТСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕФОРМИЗМ
ЭПОХИ Н.С. ХРУЩЕВА: АВТОРИТАРНЫЙ РЕФОРМАТОР,
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА
И АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО***

V. Nekrasov

**Soviet Economic Reformism of the Khrushchev Era:
The Authoritarian Reformer, the Party-State System,
and the Academic Community**

В современной историографии реформаторской деятельности Н.С. Хрущева утвердилось мнение, что в СССР между 1957 и серединой 1960-х гг. экономические реформы были в основном связаны с децентрализацией управления и передачей полномочий из центра на региональный уровень. Однако изучение документов российских архивов позволяет нам по-новому сформулировать повестку хрущевского экономического реформизма.

Выбрав экономику в качестве главного поля для мирного соревнования между социализмом и капитализмом, отказавшись от сталинской экономической политики, Хрущев столкнулся с необходимостью «изобрести» для СССР модель экономического развития, основанную на научно-технических достижениях, высокой производительности труда, структурных изменениях, экономическом стимулировании, низких социальных издержках, открытости и интегрированности в глобальную экономику. То есть такую, которая бы развивалась как капиталистическая экономика за счет внутренних стимулов, но без рыночных механизмов, и в итоге была бы способна «догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны». Эта проблема, первоначально возникшая в контексте десталинизации и гуманизации социализма, сформировала общую повестку советского экономического реформизма, заключающегося в поиске партийно-государственным руководством, бюрократией и учеными новых институциональных основ развития советской экономики.

Но в случае Хрущева необходимо учитывать тот факт, что он должен был разрешить «дилемму реформатора»: как преодолеть бремя сталинского наследия и не разрушить веру советского общества в блестящее будущее коммунизма, как реформировать командную экономику, убедить бюрократию действовать желательным опти-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ ««Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР» (№ 17-18-01728).

мальным образом, но не разрушить главных опор системы – директивного планирования, безраздельного господства государственной собственности и партийного руководства экономикой¹.

Исторические примеры Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева, А.Н. Косыгина и М.С. Горбачева показывают, что от способности разрешить эту дилемму зависели итоги реформаторских усилий и политическая судьба самого реформатора. Дилемма Хрущева носила институциональный характер: авторитарный реформатор должен обладать достаточной властью, чтобы, действуя стратегически, ограничить влияние групп интересов, перераспределять ресурсы, ликвидировать одни и сконструировать другие государственные органы и учреждения, да к тому же быть способным упрочить их положение в партийно-государственной системе и тем самым защитить реформы, отстаивать реформаторский курс.

Но авторитарному реформатору в условиях СССР необходимы также накопленные конкретными людьми, партийно-государственным аппаратом и обществом в целом опыт управления и знания о реформируемой экономике, что определяет возможный набор стратегий реформирования. Во второй половине 1950-х гг. на различных уровнях командно-административной системы управления возникло понимание того, что для «изобретения» такой модели недостаточно идеологических методов и директивных механизмов. Становилось все очевиднее: лозунги приводили к нежелательным исходам, планы становились жертвами межведомственных «рваческих войн», а высшие партийные органы, как и высшие органы государственной власти и государственного управления (ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Госплан СССР) были скорее местом согласования межведомственных интересов и вряд ли были способны «изобрести» такую модель развития советской экономики.

Изучение архивных документов, в том числе документов ЦК КПСС и Госплана СССР, ставших доступными исследователям во второй половине 2000-х – 2010-е гг., позволяет нам выдвинуть гипотезу: ключевым вопросом для Хрущева как авторитарного реформатора на протяжении 1955–1964 гг. стала необходимость «skonструировать» новые органы и учреждения, способные разработать предложения по реформированию управления советской экономикой и в итоге «изобрести» новую модель экономического развития.

До недавнего времени это направление реформаторской деятельности Хрущева оставалось практически не исследованным. За исключением нескольких публикаций², современная историография традиционно фокусирует внимание на политическом лидерстве Хрущева и критике его инициатив по децентрализации управления экономикой³.

Такая постановка проблемы определила круг вопросов, которые анализируются в настоящей статье. Это, во-первых, – деятельность Хрущева как авторитарного реформатора и «хаотичность» его ре-

форм. Во-вторых – работоспособность «унаследованных» им органов власти и управления. В-третьих, – конструирование и упрочение самим авторитарным реформатором положения созданного им органа на примере Государственного научно-экономического совета (Госэкономсовета) Совета Министров СССР в 1959–1962 гг. В-четвертых, привлечение академического сообщества к реформированию.

* * *

В оценке Хрущева как авторитарного реформатора доминируют критические и часто негативные характеристики: «беспрерывно проводившиеся» им «реформы управления народным хозяйством» были «не всегда продуманными» и «вносили путаницу и дезорганизацию» в саму систему управления⁴.

Но такая оценка является всего лишь повторением оценки деятельности Хрущева, озвученной 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС секретарем ЦК КПСС М.А. Суловым: «Хрущев буквально страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек, слепо верил в какую-то магическую, таинственную силу. А на деле эти перестройки и реорганизации лишь бесцельно дергали людей, сеяли среди них чувство растерянности, неуверенности»⁵.

Иными словами, эта оценка принадлежит политическим противникам реформатора, которые собрались и «измазали» его. И хотя за последние пятьдесят лет она многократно повторялась в научных и публицистических текстах, мы не можем принять ее за основу из-за политической тенденциозности.

Изучение архивных документов показывает, что в своих выступлениях и записках Хрущев использовал следующие формулировки и словосочетания: «в практике плановых органов еще не преодолены последствия периода культа личности», «плановые органы должны быть не громоздкими по своей структуре», «эти две отрасли [Угледобычу и металлургию. – В.Н.] надо держать в кулаке», «стройная организация», «чтобы органы были увязаны», «законченный высший орган [ВСНХ. – В.Н.]», «устранение дублирования и параллелизма», «разумное построение нашего плана», «поднять уровень руководства промышленностью и строительством», «квалифицированное руководство экономикой страны», «организационные формы, которые отвечают современному этапу развития экономики», «лучше организовать силы партии, кадры, руководство», «искание лучших организационных форм», «стройная система планирования и управления народным хозяйством», «чрезмерная централизация», «наши представления о реорганизации стали лучше и богаче», «центропробка», «надуманная структура, оторванная от отраслей производства»⁶. Все эти формулировки и словосочетания показывают: для Хрущева как реформатора ключевое значение име-

ли полномочия, функции и структура конкретных государственных органов и учреждений, а также система их взаимодействия.

Зададимся, однако, вопросом, можно ли ставить в вину реформатору, что он «много думал над совершенствованием структуры управления экономикой», как это сделали его политические оппоненты в октябре 1964 г. и делают до сих пор историки. Ведь то, что они называют «зудом всевозможных перестроек и реорганизаций» является ни чем иным, как стратегией «институционального дизайна» («институциональной конструкции»), когда «мудрый правитель», стремящийся повысить эффективность управления экономикой, ставит своей целью пересмотреть систему государственного управления ею и систему стимулирования ее развития. И совершенно очевидно, что при движении к этой цели сложно избежать ошибок⁷.

Альтернативной стратегии «всевозможных перестроек и реорганизаций», по нашему мнению, являлась стратегия, при которой экономические реформы были бы разработаны конкретными центральными государственными (бюрократическими) и научными учреждениями (в данном случае – Госпланом СССР и Академией наук СССР) и представлены Президиуму ЦК КПСС для утверждения и решения о начале реализации. Однако стоит задаться и таким вопросом: существовали ли в середине 1950-х гг. в Советском Союзе учреждения, способные квалифицированно разработать программу экономических реформ?

После ликвидации в 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, после «Ленинградского дела» и «дела Госплана», в 1949–1952 гг. оставивших трагический след в судьбах большого числа экономистов и плановиков, нельзя утверждать, что в СССР существовали бюрократические и академические учреждения, способные решить эту задачу. Подтверждает нашу точку зрения и такой факт: выдвинутое еще в 1946 г. председателем Госплана СССР Н.А. Вознесенским предложение об организации Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР оставалось на уровне проекта вплоть до 1955 г.⁸

Иными словами, во второй половине 1950-х гг. у Хрущева не было альтернативной стратегии экономических реформ. Он должен был прежде всего «реконструировать» командно-административную систему управления экономикой, «унаследованную» им от Сталина.

* * *

Мог ли Госплан СССР стать в середине 1950-х г. центром разработки программы экономических реформ в СССР?

В партийно-государственной системе управления экономикой Госплан СССР являлся союзно-республиканским органом, осуществ-

лявшим общегосударственное планирование развития народного хозяйства СССР, разрабатывавшим народнохозяйственные планы и контролировавшим их выполнение, координировавшим деятельность различных ведомств, отстаивавшим «общегосударственные интересы» в борьбе с «ведомственным эгоизмом»⁹. Изучение документов, хранящихся в фондах РГАНИ, РГАЭ и ГАРФ, приводит нас к выводу: к середине 1950-х гг. Госплан СССР, отягощенный проблемами, унаследованными от сталинской эпохи, пришел в упадок.

Признаков упадка можно найти немало.

Так, на начало 1954 г. в Госплане СССР уже отсутствовал Сводный отдел перспективных планов, а вопросами перспективного планирования занимался сектор в составе четырех человек. Мы не располагаем данными, когда и почему именно был ликвидирован Сводный отдел перспективных планов, но в середине января 1950 г. такой отдел еще существовал в структуре Госплана СССР¹⁰.

В 1954 г. Госплан СССР занимал крайне консервативную позицию по отношению к инициативам ученых, к их предложениям по совершенствованию механизма планирования развития народного хозяйства. Так, в конце октября 1954 г. Госплан СССР и Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР дали отрицательный отзыв на предложения профессора Ленинградского госуниверситета Л.В. Канторовича о применении математических методов в планировании развития промышленности¹¹.

Одновременно, несмотря на «либерализацию» делового климата внутри Госплана СССР в конце 1954 – начале 1955 гг., со стороны отдельных его руководителей осуществлялось сильное давление на сотрудников, которые занимались научно-исследовательской работой и публиковали результаты своих исследований в научных журналах¹².

Настроения, царившие в конце 1954 г. среди плановиков, ярко и точно отразила «Выписка из протокола общего закрытого собрания коммунистов партийной организации отделов электрификации Госплана СССР» от 3 декабря 1954 г. Плановики критически оценили практику планирования развития электроэнергетики, отметили, что директивы Пятого пятилетнего плана (1951 – 1955 гг.) об удвоении мощности электростанций не выполнены, и фактически в Госплане не организовано перспективное планирование (на 10-15 лет) основных энергетических систем страны¹³. В ЦК КПСС не оставили без внимания это собрание, которое, несмотря на его «закрытый» характер, несомненно, получило известность среди плановиков, и постарались не допустить роста «партийной» критики Госплана СССР и установленной практики планирования¹⁴.

Все эти факты указывают, что в середине 1950-х гг. Госплан СССР не был способен в полной мере осуществлять свою функцию планирования, тем более он не мог стать центром разработки программы экономических реформ.

Но Хрущев не мог просто проигнорировать Госплан СССР и, сконструировав новое народнохозяйственное учреждение, поручить исключительно ему, без участия Госплана СССР, разработать программу экономических реформ, так как директивное планирование являлось одной из основ советской общественно-экономической системы, причем оно же должно было стать «несущей конструкцией» программы реформ. А главное состояло в том, что именно от Госплана СССР зависело, будет ли реализовано то или иное экономическое решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР, сможет ли та или иная «группа влияния» добиться своих целей. Аппарат Госплана СССР, особенно его отраслевые отделы, обладал большим влиянием и порой позволял себе отстаивать собственные позиции и интересы во взаимоотношениях не только с министерствами, государственными комитетами и совнархозами, но даже с ЦК КПСС и Советом Министров СССР.

Таким образом, чтобы разработать и реализовать реформу управления советской экономикой, Хрущев должен был начать с реформирования Госплана СССР.

* * *

На заседании Президиума ЦК КПСС 20 декабря 1954 г. Хрущев внес предложение о перестройке работы Госплана СССР и разработке мер по совершенствованию механизма планирования развития экономики. Мы располагаем только протоколом заседания, но даже из повестки дня видно, что инициатива реформирования Госплана СССР принадлежала именно Хрущеву, а не Маленкову, и что вопрос о планировании рассматривался вместе с вопросом об организации Всесоюзного совещания по ведущим отраслям промышленности, которому предстояло обсудить новую модель развития советской экономики¹⁵. По итогам заседания Президиум ЦК КПСС поручил председателю Госплана СССР М.З. Сабурову подготовить предложения о реформировании Госплана СССР.

Записка, направленная 5 февраля 1955 г. Сабуровым в Президиум ЦК КПСС характеризует основные проблемы Госплана СССР как центрального органа планирования развития народного хозяйства¹⁶.

В преамбуле записки самокритично отмечалось: «Существующий уровень государственного планирования не соответствует возросшим задачам по дальнейшему подъему народного хозяйства. В развитии народного хозяйства в настоящее время имеют место отдельные диспропорции, в известной мере связанные с недостатками в государственном планировании. Не преодолена до конца чрезмерная централизация планирования, сковывающая инициативу министерств и местных органов и мешающая мобилизации внутренних ресурсов»¹⁷. Недостатки в работе Госплана были отмечены по всем направлениям: перспективное и территориальное планирование,

планирование капитального строительства и материально-технического снабжения. Отмечалось также отсутствие серьезного технико-экономического обоснования плановых решений. Среди причин провалов в работе Госплана СССР одной из самых важных указывалась «слабая связь Госплана с научными организациями»: «<...> Недостаточно изучается и учитывается в планах передовой отечественный опыт, а также технические достижения зарубежных стран. Госплан СССР все еще мало привлекает к разработке планов, в том числе и перспективных планов, Академию наук СССР, научно-исследовательские институты министерств и ведомств»¹⁸.

Хотя у нас отсутствуют архивные доказательства, сосредоточенные внимания на этой проблеме, по нашему мнению, отражало позицию не столько Сабурова, сколько Хрущева, считавшего, что усиление взаимодействия Госплана СССР с научными организациями позволит изменить практику планирования, а там, возможно, и саму модель экономического развития. Последующие действия Хрущева подтверждают это предположение. По итогам обсуждения записки Сабурова Президиум ЦК КПСС 14 марта 1955 г. принял решение: «Необходимо перестроить работу Госплана, отделив функции текущего характера от разработки вопросов перспективного планирования»¹⁹.

Это решение дало начало первой из шести реформ Госплана СССР в течение 1955–1965 гг., которые охватили все стороны его деятельности: практику планирования, полномочия, подчиненность, внутреннюю структуру. Эти реформы сопровождалось понижением статуса председателя Госплана в системе высшей и центральной государственной власти, а также регулярной сменой его руководства и обновления кадрового состава плановиков²⁰. Реформы Госплана СССР остались в тени других реформ Хрущева – «совнархозовской» 1957 г. и реформы партийного аппарата 1962 г., – хотя, судя по архивным документам и свидетельствам современников, «государственное планирование <...> находилось под постоянным вниманием и контролем Хрущева»²¹.

Но главное, что реформы Госплана СССР предполагали переход от функционировавшей в 1930-е – первой половине 1950-х гг. вертикально интегрированной модели планирования, когда все функции планирования были сосредоточены в одном центральном учреждении, к новой, децентрализованной, модели, основанной на разделении между разными хозяйственными органами и учреждениями функций статистического учета, перспективного и текущего планирования, оперативного управления экономикой, а также отраслевого и секторального планирования. Децентрализация системы планирования стала характерной особенностью реформаторства Хрущева в области государственного управления экономикой.

Изучение архивных документов²² приводит нас к согласию с авторитетным мнением российского и американского исследо-

вателей Ю.Я. Ольсевича и П. Грегори относительно Хрущева: «Институциональные преобразования он, как правило, тесно связывал с постановкой перед реформируемыми органами вполне конкретных практических задач»²³.

Но в деятельности Хрущева, думается, можно увидеть и более сложные стратегии. Например, такие как «институциональная реконструкция», когда на основе «унаследованных» органов власти и управления реформатор пытается создать новые, способные осуществлять управление экономикой по-новому, и «институциональная конкуренция» – создание порядка, обеспечивающего конкуренцию между различными государственными органами и учреждениями для повышения эффективности их работы при решении общих задач.

Изучение широкого круга источников, включающие записки, направленные Хрущевым в Президиуме ЦК КПСС, стенограммы выступлений советского лидера и замечания, оставленные им к проектам решений, позволяют определить содержание этих стратегий.

Стратегия «институциональная реконструкция» предполагала ликвидацию практики «рвачества» в работе Госплана СССР. В ноябре 1956 г. на Пленуме ЦК КПСС Хрущев эмоционально и резко назвал «рвачество» или «рваческую войну» главным пороком в работе Госплана СССР, унаследованным от сталинской эпохи: «<...> Когда подходит время утверждения пятилетки или годового плана, то идет война, невероятная идет война, я бы сказал, рваческая война, каждый со злобой рвет. Как только утвердили – наступает полное затишье в первом квартале. Уже во втором квартале начинают спихивать средства, которые вырвали, начинают, как бы кому их уступить, потому что видят, что материалами не обеспечены и эти средства не будут использованы»²⁴.

«Рвачество», как его понимал Хрущев, состояло в следующем: министерства стремились получить как можно больше капитальных вложений под отраслевые проекты либо добиться включения их в «титовые списки», не располагая еще проектной документацией, экспертным заключением, оборудованием, материалами и трудовыми ресурсами. Слово «рвачество» встречается в документах ЦК КПСС и Госплана в 1955–1957 гг., а после 1957 г. исчезает из партийно-государственных речей и текстов, однако во второй половине 1962 г. опять возникает в записках и выступлениях Хрущева как обозначение главной беды планирования народного хозяйства и возвращается в бюрократическое словоупотребление в 1963–1964 гг.²⁵

* * *

В создании и существовании децентрализованной модели планирования можно выделить два основных этапа.

Первый этап – с мая 1955 по май 1957 гг. – время функциониро-

вания Государственной экономической комиссии Совета Министров (Госэкономкомиссия) СССР, которая занималась вопросами текущего планирования народного хозяйства (оперативное управление и разработка годовых планов) и Государственной плановой комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства (Госплан СССР), которая занималась вопросами перспективного планирования (пятилетние и долгосрочные планы развития отраслей экономики на 10-15 лет, разработка программ модернизации транспортной и энергетической систем). С другой стороны, реформы Госплана СССР в 1955–1956 гг. связаны с упрочением положения Хрущева как ключевой фигуры «коллективного руководства».

Второй этап – с февраля 1959 по ноябрь 1962 гг. – время функционирования Государственного научно-экономического совета (Госэкономсовета) Совета Министров СССР (перспективное и долгосрочное планирование и разработка проблемных вопросов развития народного хозяйства) и Государственного планового комитета Совета Министров СССР (текущее планирование и оперативное управление экономикой). На этот период приходится достижение Хрущевым наибольшего политического веса и пика его реформаторской деятельности.

В историографии более детально исследован первый этап функционирования децентрализованной модели планирования, в то время как второй этап, более значимый с точки зрения содержания и результатов, остался практически не изученным. Историки, скорее, даже не придают особого значения истории Госэкономсовета²⁶, ставшего в 1959–1962 гг. бюрократическим центром экономического реформизма в СССР.

Единственной известной нам работой, отчасти посвященной деятельности Госэкономсовета, является монография профессора РГГУ А.Б. Безбородова. Однако автор изучает Госэкономсовет только в контексте научно-технической политики и не затрагивает институциональные аспекты его деятельности²⁷.

Именно в 1959–1962 гг. Хрущев оказался наиболее близок к решению ключевой задачи – «сконструировать» государственные органы и учреждения, способные разработать предложения по реформированию советской экономики и в итоге «изобрести» новую модель экономического развития. Первым и основным таким органом стал Государственный научно-экономический совет (Госэкономсовет). Его история позволяет раскрыть стратегию авторитарного реформатора – конструирование и упрочение положения созданного им органа.

Кроме того, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. важным элементом политики Хрущева стало привлечение ученых к решению социально-экономических и научно-технических проблем развития СССР²⁸. Архивные документы свидетельствуют: на рубеже 1950-х – 1960-х

гг. в ЦК КПСС и Совете Министров СССР сформировался спрос на новые экономические знания, потребность в том, чтобы экономисты «давали» и «помогали»²⁹. Безусловно, некоторые члены Президиума ЦК КПСС были убеждены в том, что экономисты и могут, и должны решить поставленную на XXI съезде КПСС историческую задачу догнать передовые капиталистические страны по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения.

Госэкономсовет был образован 20 февраля 1959 г. постановлением Совета Министров СССР № 209 «в целях всестороннего изучения экономических вопросов, возникающих в ходе хозяйственного и культурного строительства, а также рассмотрения предложений по развитию производительных сил страны»³⁰.

Одновременно в конце января – середине февраля 1959 г. Президиум Академии наук СССР принимает ряд решений по развитию прикладных экономических исследований.

23 января 1959 г., накануне XXI съезда КПСС, Президиум АН СССР образовал специальную Комиссию по исчислению стоимости в социалистическом хозяйстве и Научный проблемный совет по экономической эффективности капитальных вложений³¹. Сразу после съезда Президиум АН СССР создал Комиссию для обследования деятельности экономических учреждений АН СССР и «выработки предложений по коренному улучшению работы в области экономических наук в свете задач, поставленных XXI съездом КПСС»³². 13 марта 1959 г. прошло заседание Президиума АН СССР, Коллегии Госплана СССР и актива Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР, посвященное улучшению прикладных экономических исследований и усилению связей между Академией наук и Госпланом СССР³³.

Все эти решения и мероприятия можно трактовать как начало формирования новой практики разработки и принятия экономических решений в СССР и одновременно началом разработки будущей экономической реформы, осуществленной в 1965–1967 гг.

Председателем Госэкономсовета был назначен заместитель председателя Совета Министров СССР Иосиф Иосифович Кузьмин, член «команды Хрущева», с мая 1957 – по февраль 1959 гг. возглавлявший Госплан СССР и руководивший подготовкой директив к Семилетнему плану (1959 – 1965 гг.)³⁴.

11 мая 1959 г. постановлением Совета Министров СССР № 489 была утверждена структура Госэкономсовета, включавшая Секретариат и восемь отделов: Отдел общих экономических проблем развития народного хозяйства, Отдел размещения производительных сил и комплексного использования природных ресурсов, Отдел по топливно-энергетическим проблемам, Отдел экономики и развития тяжелой промышленности, Отдел экономики и развития производства предметов народного потребления и товарооборота, Отдел экономики и развития транспорта, Отдел экономики и

развития сельского хозяйства, Отдел экономических обобщений. Поначалу Госэкономсовет не обладал никакими управленческими полномочиями, а в 1959 г. штат его сотрудников составлял всего 190 человек (для сравнения: в 1959 г. в Госплане СССР трудилось 2 500 человек, Гострое СССР – 610 человек, в Государственном научно-техническом комитете СССР – 350 человек)³⁵.

Изучение протоколов заседаний Коллегии Госэкономсовета (все-го с августа 1959 по апрель 1960 г. прошло 10 заседаний) показывает, что его научно-аналитическая деятельность состояла в составлении долгосрочных прогнозов, экспертизе проекта плана на 1960 г., разработке методики расчета экономической эффективности капитальных вложений, снижения издержек и ценообразования в отдельных отраслях народного хозяйства³⁶. По сути, Госэкономсовет являлся консультативным органом Совета Министров СССР. Во второй половине 1959 – начале 1960 гг. он фактически находился стадии формирования, и его влияние на разработку и принятие экономических решений было минимальным.

Архивные документы подтверждают свидетельства современников о том, что Хрущев «с самого начала вхождения во власть пытался создать на базе совета некую структуру, обеспечивающую поступление свежих, плодотворных идей наверх, но без особого успеха»³⁷. Хотя, возможно, в 1959 г. Хрущев еще не решил, какими полномочиями и функциями наделить Госэкономсовет. По всей видимости, окончательно концепция этого нового государственного органа у Хрущева сформировалась в конце 1959 – начале 1960 гг.

В ноябре 1959 г. Кузьмин представил проект нового Положения о Госэкономсовете, в котором значительно расширились его функции. На Госэкономсовет возлагались перспективное планирование, подготовка предложений по широкому кругу вопросов развития советской экономики, изучение основных направлений развития экономических связей и международного разделения труда между социалистическими странами, изучением экономики капиталистических стран. В Госэкономсовете предполагалась организация экспертных комиссий и более двух десятков постоянных секций по разработке различных направлений развития экономики СССР. Эти предложения означали трансформацию Госэкономсовета из консультативного органа в системе Совета Министров СССР в центральное учреждение, способное оказывать серьезное влияние на разработку и принятие экономических решений.

Интересна реакция различных ведомств на предложения о расширении функций Госэкономсовета. Согласно порядку, установленному в командно-административной системе управления экономикой, заинтересованные ведомства готовили свои замечания и предложения по проектам совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

В конце ноября 1959 г. – начале января 1960 г. проект постанов-

ления был рассмотрен союзными и союзно-республиканскими министерствами и ведомствами.

Можно выделить две основные группы министерств и ведомств: те, которые в целом поддержали это предложение, внося определенные коррективы, касающиеся в основном структуры и порядка взаимодействия Госэкономсовета с союзными и союзно-республиканскими министерствами и ведомствами, и те, которые не поддержали это предложение, посчитав, что его претворение в жизнь породит дублирование и ущемление прав министерств и ведомств³⁸.

Например, в Госкомитете по машиностроению СССР, поддержав предложения практически по всем пунктам, особо выделили, что «основным содержанием плана работы Госэкономсовета на ближайшее время должна явиться разработка проблем, связанных с составлением перспективного 15-летнего плана развития народного хозяйства Советского Союза»³⁹. А в Госплане СССР заняли отрицательную позицию по всем предложениям о расширении функций Госэкономсовета, считая, что последний будет дублировать работу Госплана СССР⁴⁰.

Опасения председателя Госплана СССР А.Н. Косыгина вскоре оправдались: Госэкономсовету полностью передавалось перспективное планирование, и, соответственно, ему переподчинялись Научно-исследовательский экономический институт, Вычислительный центр, Научно-исследовательский институт планирования и нормативов, ранее подчиненные Госплану СССР, а также Совет по изучению производительных сил АН СССР.

13 января 1960 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был рассмотрен проект Положения о Госэкономсовете и замечания министерств и ведомств. В ходе заседания Хрущев внес предложение о «существовании двух Госпланов»⁴¹. В протоколе зафиксирована критическая оценка Косыгина: ни Госплан, ни Госэкономсовет не готовы к выполнению возлагаемых на них функций оперативного управления и перспективного планирования. По итогам заседания для обсуждения и решения спорных вопросов была создана комиссия в составе членов Президиума Совета Министров СССР Ф.Р. Козлова, А.Н. Косыгина, А.И. Микояна, секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского, председателя Совета Министров УССР Н.Т. Кальченко и председателя Госплана РСФСР В.Н. Новикова.

Но уже на стадии обсуждения и доработки проекта постановления началось преобразование Госэкономсовета из консультативного органа в центральное учреждение экономического реформизма, которому надлежало активно взаимодействовать с центральными органами управления и академическими учреждениями. 2 февраля 1960 г. Совет Министров СССР принял постановление № 111 «О составе Государственного научно-экономического совета Советов Министров СССР». Им предусматривалось утверждение члена-

ми Госэкономсовета крупных ученых, включая ведущих советских экономистов и статистиков – академиков А.А. Арзуманяна, В.С. Немчинова, С.Г. Струмилина, директора Института экономики АН СССР К.Н. Плотникова, первого заместителя председателя ЦСУ СССР И.С. Малышева⁴².

7 апреля 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 388 «О дальнейшем совершенствовании дела планирования и руководства народным хозяйством», закрепившем за Госпланом СССР разработку вопросов текущего народнохозяйственного планирования и координацию хозяйственной деятельности союзных республик, а за Госэкономсоветом – « всю работу по перспективному планированию », в том числе разработку планов на 5-7 и 20 лет⁴³.

В итоге в Госэкономсовете произошло увеличение числа отделов с 11-ти до 37-ми и штатной численности сотрудников со 190 до 1 100 (для сравнения: в Госплане СССР трудилось 2 250 человек, в Госстрое – 610, в Государственном научно-техническом комитете – 350)⁴⁴.

В итоге возникла децентрализованная модель планирования советской экономики.

* * *

Изучение архивных документов показывает, что реформа планирования 1959–1960 г. не сводилась к административной реорганизации, а отражала как стремление Хрущева воплотить идеи, которые он вынашивал на протяжении 1954–1959 гг., так и реальную практику планирования народного хозяйства.

Ключевая идея, которую Хрущев стремился воплотить в этой реформе, состояла в том, что «Госплан должен быть экономическим барометром, который должен резко реагировать на всякие проявления нового в науке и практике и схватывать новое и заменять старое»⁴⁵. В ходе реформы должны были произойти внедрение практики «непрерывного планирования», более широкое использование экономико-математических методов и электронно-вычислительных машин (ЭВМ) при разработке планов, вовлечение ученых в подготовку экономических решений.

Важнейшим новшеством в реформе было создание механизма взаимного контроля Госплана СССР и Госэкономсовета, предусматривавший, что Госплан СССР представляет в Совет Министров СССР заключения по проектам перспективных планов развития народного хозяйства, а Госэкономсовет – заключения по проектам годовых планов⁴⁶.

Такой «институциональный дизайн» авторитарного реформатора Хрущева можно рассматривать как его попытку, используя правовые механизмы и избегая репрессий против верхов партийно-госу-

дарственной бюрократии, воплотить идею о Госплане как «честном плановике», получившей отражения в трагически известном постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О Госплане» от 5 марта 1949 г. («Госплан должен быть абсолютно объективным и на сто процентов честным органом; в работе его совершенно недопустимо какое бы то ни было вихляние и подгонка цифр, “ибо попытка подгонять цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовно-го характера” (Сталин)»⁴⁷.

Проведение реформы планирования повлекло за собой скорую смену руководства Госэкономсовета: уже в апреле 1960 г. Кузьмина отправили в традиционную «почетную отставку» – послом в Швейцарию. Вместо него председателем Госэкономсовета был назначен заместитель председателя Совета Министров СССР Александр Федорович Засядько⁴⁸, бывший министр угольной промышленности СССР, также член «команды Хрущева».

Фактически в 1960–1962 гг. Госэкономсовет, непосредственно подчиненный Хрущеву, стал центром экономического реформизма. Волей «первого лица» он приступил к разработке Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР до 1980 г., практики непрерывного планирования, методологии оценки эффективности капитальных вложений и оптимального размещения промышленного производства, хозяйственного расчета, новой системы оптовых цен в промышленности и транспортных тарифов⁴⁹.

Концептуальной основой деятельности Госэкономсовета в 1960–1962 гг. стали решения июльского (1960 г.) Пленума ЦК КПСС, поручившего Госплану СССР и Госэкономсовету разработать методические основы установления новых оптовых цен в промышленности⁵⁰.

Это решение, инициатором, которого был Хрущев, являлось отражением его стратегии «институциональная конкуренция» – создания порядка, обеспечивающего конкуренцию между различными государственными органами и учреждениями для повышения эффективности их работы при решении общих задач. Однако в данном случае Хрущев переоценил свои возможности подталкивать и контролировать партийно-государственную бюрократию, не учел всех рисков междуведомственного конфликта. И конкуренция между Госпланом СССР и Госэкономсоветом сразу же превратилась в междуведомственную борьбу, в которой каждое учреждение отстаивало свою концепцию перехода к новым оптовым ценам: Госэкономсовет – концепцию «цен единого уровня» для всех отраслей промышленности, Госплан СССР – концепцию «ценовых привилегий» для тяжелой промышленности⁵¹. Причем председателя Госплана СССР В.Н. Новикова поддержали первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгин и председатель Военно-промышленной комиссии Президиума Совета Министров СССР Д.Ф. Устинов.

Тем менее в 1960–1962 гг. Госэкономсовет, скорее, усиливал свои аппаратные позиции как центра экономического реформизма, обеспечивая координацию деятельности ученых-экономистов по разработке узловых вопросов развития народного хозяйства и осуществляя практическую работу по перспективному планированию его развития, а также по корректировке контрольных цифр народнохозяйственного плана 1962–1965 гг. Судя по архивным документам, в первой половине 1962 г. председатель Госэкономсовета А.Ф. Засядько и начальник Отдела экономической эффективности Л.А. Вааг обсуждали идею укрепления структурных подразделений Госэкономсовета, занимающихся перспективным планированием (сводных отделов, а также тех, что обеспечивали координацию планирования по экономическим районам и т.д.). Намеревались они усилить и те подразделения, которые обеспечивали разработку крупнейших научно-экономических вопросов, решение которых должно было привести к существенному повышению экономической эффективности планирования, проектирования и хозяйственного руководства в стране⁵².

Одновременно, во второй половине 1962 г., плановики из Госплана СССР и Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР предлагали создать при Госэкономсовете Главный вычислительный центр народного хозяйства с основной задачей – обработка экономической информации, необходимой для планирования и управления народным хозяйством, применительно к задачам Госэкономсовета, Госплана СССР, ЦСУ СССР, народнохозяйственных государственных комитетов, министерств и ведомств⁵³. Реализация всех мер означала бы, что Госэкономсовет значительно усиливал свои аппаратные позиции в таких важных областях, как обработка экономических данных, координация прикладных экономических исследований, разработка реформ, оперативное управление, перспективное планирование и влияние на принятие экономических решений в Совете Министров СССР. Эти предложения были изложены в докладе «О некоторых вопросах совершенствования планирования народного хозяйства», направленного 11 октября 1962 г. Хрущеву⁵⁴.

Мы не располагаем точными сведениями, ознакомился Хрущев с докладом или нет, но 10 ноября 1962 г. вместо Засядько председателем Госэкономсовета был назначен Петр Фадеевич Ломако, в 1961–1962 гг. работавший заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР. А 24 ноября, то есть спустя всего две недели, Госэкономсовет был преобразован в Госплан, то есть фактически ликвидирован.

Выступая 19 ноября 1962 г. на Пленуме ЦК КПСС, Хрущев объяснил это решение тем, что в повседневной деятельности задачи Госплана и Госэкономсовета «часто сталкиваются» и «случается, что перспективные вопросы развития народного хозяйства, кото-

рые нужно поручать разрабатывать Госэкономсовету, поручаются Госплану Союза и наоборот. Таким образом, нарушается тот главный принцип, который был заложен при организации этих двух важных органов»⁵⁵.

Но, по видимому, Хрущев не сообщил Пленуму ЦК КПСС реальной причины ликвидации Госэкономсовета.

Понашему мнению, главная причина ликвидации Госэкономсовета заключалась в межведомственной борьбе между Госпланом СССР и Госэкономсоветом, а фактически – между Засядько и группой заместителей председателя Совета Министров СССР, в которую входили Косыгин, Устинов, Новиков. В 1962 г. «яблоком раздора» стала проблема разработки и реализации экономической реформы. Если бы Хрущев поручил решение этой задачи Засядько – это означало бы усиление его аппаратных позиций в Президиуме Совета Министров СССР и ослабление позиций Косыгина. По неизвестным нам причинам Хрущев не стал защищать Засядько и отстранил от работы в Совете Министров СССР, но отправил в отставку только в марте 1963 г.

Засядько скончался 5 сентября 1963 г. Ему было всего 52 года.

Дальнейшее изучение архивных документов позволит детализировать историю экономического реформизма Н.С. Хрущева. Но на данный момент мы утверждаем, что в реформе планирования 1959–1960 гг. можно увидеть и попытку Хрущева реализовать более сложные стратегии: «институциональную реконструкцию», когда на основе разделения функций Госплана СССР реформатор пытался создать Госэкономсовет как орган, способный осуществить рациональное управление народным хозяйством СССР, и «институциональную конкуренцию», когда созданием, по сути, «двух Госпланов» он намеревался выявить более действенный орган из них, а затем перераспределить ресурсы в его пользу.

Примечания Notes

¹ *Nekrasov I.* Decision-Making in the Soviet Energy Sector in the Post-Stalinist Times: The Failure of Khrushchev's Economic Modernization Strategy // *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gaz.* Palgrave Macmillan, 2017. P. 165–199.

² *Некрасов В.Л.* Реформа Госплана СССР 1955 г.: Разработка новой модели планирования экономики // *Вестник Томского государственного университета.* 2013. № 368. С. 99–103; *Узбекова Ю.И.* Деятельность Совета по науке при Совете Министров СССР (1963 – 1964) в контексте региональной научной политики СО АН СССР // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2007. № 2. С. 13–16.

³ *Taubman W.* The Khrushchev period, 1953 – 1964 // *The Cambridge History of Russia.* Vol. III. The Twentieth Century. Cambridge, 2006. P. 279, 280; *Хлевнюк О.В.* Роковая реформа Н.С. Хрущева: Разделение партийного

аппарата и его последствия: 1962 – 1964 годы // *Российская история.* 2012. № 4. С. 164а–179.

⁴ *Черкасов П.П.* ИМЭМО: Очерк истории. М., 2016. С. 189.

⁵ Никита Хрущев, 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 246.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 43, 44; Д. 590. Л. 218, 233, 235; Д. 589. Л. 3, 4; Д. 671. Л. 178, 179; Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 10; Д. 267. Л. 3, 4, 17, 21, 31, 33, 53, 79; Д. 269. Л. 120, 121, 132; Д. 338. Л. 40; Д. 357. Л. 38, 39, 42.

⁷ *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб., 1996. С. 99.

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 51. Д. 245. Л. 1; Оп. 53. Д. 3. Л. 225–231, 240–274.

⁹ *Gregory P.R.* Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge, 1990. P. 18–21, 30, 31.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 10. Л. 27.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 143. Л. 136–152.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 140. Л. 13, 18–20; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 5. Л. 121, 122, 129, 130; *Бор М.* О некоторых вопросах национального дохода социалистического общества // *Вопросы экономики.* 1954. № 10. С. 79–90.

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 140. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 3, 4.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 119. Л. 1, 2.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 2. Л. 71–79.

¹⁷ Там же. Л. 71.

¹⁸ Там же. Л. 75.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 214. Л. 22; Ф. 3. Оп. 10. Д. 132. Л. 2.

²⁰ *Некрасов В.Л.* Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955 – 1964 гг.) // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2012. № 4. С. 66–69.

²¹ *Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 131.

²² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 178, 179.

²³ *Ольсевич Ю.А., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 37.

²⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 39–46.

²⁵ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2003. С. 611, 790, 791; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 603. Л. 28; Ф. 52. Оп. 1. Д. 267. Л. 49; Д. 266. Л. 32–34, 43; Д. 337. Л. 153, 162, 163; Д. 338. Л. 32, 33, 82, 84; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 2. Л. 76, 77; Ф. 9573. Оп. 1. Д. 596. Л. 128–130.

²⁶ *Sutela P.* Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 53, 54; *Nove A.* An Economic History of the USSR, 1917 – 1991. N.Y., 1992. P. 350; *Peters B.* How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge (MA), 2015. P. 102; *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 250–256, 262.

²⁷ Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х годов. М., 1997. С. 93.

²⁸ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. Т. I. М., 1959. С. 61; Т. II. М., 1959. С. 201.

²⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 95. Д. 936 л. 9; Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева. Т. 2. М., 2009. С. 746.

³⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 685. Л. 120, 121.

³¹ Немчинов В.С. Общественная стоимость и плановая цена. М., 1970. С. 381, 382.

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 115. Л. 11.

³³ Там же. Л. 12–16.

³⁴ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 17, 37.

³⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 99. Д. 15. Л. 26, 27, 32, 33, 34, 35.

³⁶ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–8, 93–96, 148–151; Д. 2 Л. 3–5, 294–296.

³⁷ Хрущев С.Н. Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 844.

³⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 301. Л. 48–50.

³⁹ Там же. Л. 8–10.

⁴⁰ Там же. Л. 44–46.

⁴¹ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964. Т. 1. М., 2015. С. 436.

⁴² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 698. Л. 63.

⁴³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 171–174.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 526. Л. 3; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 99. Д. 15. Л. 26, 27, 32, 33, 34, 35.

⁴⁵ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964. Т. 1. М., 2015. С. 783; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 596. Л. 128; Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 2; Д. 259. Л. 48.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 174.

⁴⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945 – 1953. М., 2002. С. 281, 283.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 208.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 4. Д. 486. Л. 56; Д. 498. Л. 2, 3, 6, 7; Д. 656. Л. 1; Д. 757. Л. 220.

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 37–41.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 28. Л. 45, 46.

⁵² РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1059. Л. 3–7.

⁵³ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 65. Л. 281–293.

⁵⁴ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1054. Л. 71–95.

⁵⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 234, 235.

Автор, аннотация, ключевые слова

Некрасов Вячеслав Лазаревич – канд. ист. наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва); доцент Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тюменская область)
v.l.nekrasov@yandex.ru

В статье анализируется одно из важнейших направлений реформаторской деятельности советского руководителя Н.С. Хрущева в 1955–1964 гг. Сущность этого направления состоит в создании нового государственного органа управления экономикой, и оно до сих пор всесторонне не изучено ни в российской, ни в зарубежной историографии. Автором статьи были изучены многочисленные документы Центрального Комитета КПСС и Госплана СССР, которые ранее были секретными и стали доступными исследователям во второй половине 2000-х и в 2010-е гг. Анализ этих документов с точки зрения институциональной теории дал автору основание выдвинуть следующую гипотезу: ключевым вопросом для Хрущева как авторитарного реформатора стала необходимость создать новый орган управления, способный реформировать систему планирования развития советской экономики и, более того, «изобрести» новую модель экономического развития. Эта новая модель была призвана обеспечить победу СССР в экономическом соревновании с ведущими капиталистическими странами. Таким органом стал Государственный научно-экономический совет (Госэкономсовет) Совета Министров СССР, созданный в 1959 г. по инициативе Хрущева. Первое время Госэкономсовет являлся консультативным органом Совета Министров СССР. Однако в течение 1960–1962 гг., будучи подчинен непосредственно Хрущеву, он стал центром экономического реформизма. Важнейшей его особенностью стало участие в его деятельности ведущих советских ученых-экономистов и тесное сотрудничество с учреждениями Академии наук СССР. Однако деятельность Госэкономсовета породила его конкурентную борьбу с Госпланом СССР. Эта конкуренция стала отражением борьбы внутри верхушки партийно-государственной бюрократии по вопросам управления советской экономикой. Госэкономсовет был упразднен Хрущевым в 1962 г., и это событие, по сути, означало неудачу его реформаторства в экономической области.

Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР, плановая экономика, командно-административная система, Госплан СССР, Государственный научно-экономический совет (Госэкономсовет), экономическая реформа, партийно-государственный аппарат, бюрократия, Н.С. Хрущев, А.Н. Косыгин, В.Н. Новиков, И.И. Кузьмин, А.Ф. Засядько, институциональная теория.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bor M. O nekotorykh voprosakh natsionalnogo dokhoda sotsialisticheskogo obshchestva [On Some Problems of the National Income of Socialist Society.]. *Voprosy ekonomiki*, 1954, no. 10, pp. 79–90. (In Russ.).

2. Khlevnyuk O.V. Rokovaya reforma N.S. Khrushcheva: Pzdelenie partiynogo apparata i ego posledstviya: 1962 – 1964 gody [Khrushchev's Fateful Reform: The Division of the Party Apparatus and its Consequences, 1962 – 1964.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2012, no. 4, pp. 164a–179. (In Russ.).

3. Nekrasov V.L. Dolzhnost predsedatelya Gosplana SSSR v sisteme vyshnego politicheskogo rukovodstva (1955 – 1964 gg.) [The Position of Chairman

of Gosplan USSR in the System of the Supreme Political Leadership (1955 – 1964).]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2012, no. 4, pp. 66–69. (In Russ.).

4. Nekrasov V.L. Reforma Gosplana SSSR 1955 g.: Razrabotka novoy modeli planirovaniya ekonomiki [The Reform of Gosplan USSR in 1955: The Development of a New Model of Economic Planning.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 368, pp. 99–103. (In Russ.).

5. Uzbekova Yu.I. Deyatel'nost Soveta po nauke pri Sovete Ministrov SSSR (1963 – 1964) v kontekste regionalnoy nauchnoy politiki SO AN SSSR [The Activities of the Council on Science under the Council of Ministers of the USSR (1963 – 1964) in the Context of the Regional Research Policy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2007, no. 2, pp. 13–16. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Nekrasov, V. Decision-Making in the Soviet Energy Sector in the Post-Stalinist Times: The Failure of Khrushchev's Economic Modernization Strategy. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gaz*. Palgrave Macmillan, 2017, pp. 165–199. (In Eng.).

7. Taubman, William. The Khrushchev period, 1953 – 1964. *The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, pp. 268–291. (In Eng.).

(Monographs)

8. Bezborodov A.B. Vlast i nauchno-tehnicheskaya politika v SSSR serediny 50-kh – serediny 70-kh godov [Government and Scientific-Technical Policy in the USSR in the mid 1950s – mid 1970s.]. Moscow, 1997, p. 93. (In Russ.).

9. Cherkasov P.P. IMEMO: Ocherk istorii [The Institute of World Economy and International Relations: A Historical Essay.]. Moscow, 2016, p. 189. (In Russ.).

10. Gregory, Paul R. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, pp. 18–21, 30, 31. (In Eng.).

11. Khrushchev S.N. Nikita Khrushchev: Reformer [Nikita Khrushchev: Reformer.]. Moscow, 2010, p. 844. (In Russ.).

12. Nemchinov V.S. Obshchestvennaya stoimost i planovaya tsena [Social Value and Planned Price.]. Moscow, 1970, pp. 381, 382. (In Russ.).

13. Nove, Alec. An Economic History of the USSR, 1917 – 1991. N.Y., 1992, p. 350. (In Eng.).

14. Olsevich Yu.A., Gregory, Paul R. Planovaya sistema v retrospektive: Analiz i intervyyu s rukovoditelyami planirovaniya SSSR [The Planning System in Retrospect: An Analysis and Interview with Leaders of Planning in the USSR.]. Moscow, 2000, p. 37. (In Russ.).

15. Peters, Benjamin. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge (MA): MIT Press, 2015, p. 102. (In Eng.).

16. Shestakov V.A. Sotsialno-ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov [The Socio-Economic Policy of the

Soviet State in the 1950s – mid-1960s.]. Moscow, 2006, pp. 250–256, 262. (In Russ.).

17. Sutela, Pekka. Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, pp. 53, 54. (In Eng.).

18. Williamson, Oliver E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. New York: Free Press, 1985, 450 p. = Williamson, Oliver E. Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, "otnoshencheskaya" kontraktatsiya. St. Petersburg, 1996, p. 99. (In Eng.).

Author, Abstract, Key words

Vyacheslav L. Nekrasov – Candidate of History, Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow); Senior Lecturer, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Tyumen Oblast, Russia)
v.l.nekrasov@yandex.ru

The article analyzes one of the major reform activities undertaken by the Soviet leader Nikita S. Khrushchev in 1955–1964. This activity aimed at forming a new governance body for economic management has not yet been fully studied in Russian and foreign historiography. The author of the article used numerous documents of the CPSU Central Committee and the Gosplan of the USSR which were previously classified and became available to researchers in the early 2000s. Having analyzed the documents in the light of institutional theory, the author assumes that it was essential for the authoritarian reformer Khrushchev to create a new governance body to reform the system of planning and, more importantly, "to invent" a new model of economic development. This new model was designed to ensure the USSR's victory in the economic competition with the leading capitalist countries. The State Scientific-Economic Council (*Goseconomsovet*) of the Council of Ministers of the USSR initiated by Nikita Khrushchev in 1959 became such body, at first, a consultative one, under the Council of Ministers of the USSR and, consequently, in 1960–1962, reporting directly to Khrushchev, it became the centre of economic reforms. Its key feature was the participation of the leading Soviet academic economists and its close cooperation with the Academy of Sciences of the USSR. However, the activity of the *Goseconomsovet* led to a competition with the Gosplan of the USSR, which reflected controversy going on among the leaders of the party-state bureaucracy as to how the Soviet economy should be managed. With the *Goseconomsovet* disbanded by Khrushchev in 1962, it became clear that his economic reforms were doomed to failure.

Communist Party of the Soviet Union (CPSU), Central Committee (of the CPSU), Council of Ministers (of the USSR), planned economy, Command-Administrative System, State Planning Committee (Gosplan) (of the USSR), State Scientific-Economic Council (*Goseconomsovet*), economic reform, party-state apparatus, bureaucracy, Nikita S. Khrushchev, Aleksey N. Kosygin, Vladimir N. Novikov, Iosif I. Kuzmin, Alexander F. Zasyadko, Institutional theory.

Е.В. Волков, И.В. Сибиряков

**«КРАСНЫЙ ЛЕЙТЕНАНТ»:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И
МЕМОРИАЛЬНЫЙ КУЛЬТ П.П. ШМИДТА
(1905 – 2005 годы)***

E. Volkov, I. Sibiryakov

**The “Red Lieutenant”:
The Politics of the Past and the Memorial Cult of Pyotr Schmidt
(1905 – 2005)**

Антиправительственное выступление матросов Черноморского флота, в Севастополе, продолжавшееся в течение нескольких дней в ноябре 1905 г., несомненно, вызвало большой резонанс в охваченной революционными волнениями Российской империи. Это стало очередной открытой акцией моряков против монархии после того, как в июне 1905 г. были подняты красные флаги на броненосце «Потемкин» и учебном судне «Прут», в октябре выступили против власти флотские гарнизоны Кронштадта, а затем Свеаборга. В контексте севастопольских событий впервые стало широко известно имя морского офицера, лейтенанта Петра Петровича Шмидта (1867 – 1906), возглавившего матросов, захвативших крейсер «Очаков», и несколько других кораблей. Видимо, это был первый случай, когда к бунтующим матросам присоединился морской офицер. Он объявил себя «командующим» Черноморским флотом и отправил телеграмму Николаю II, в которой содержался отказ повиноваться императору и требование созвать Учредительное собрание.

Затем, как известно, уже после подавления выступления силами Черноморского флота под командованием адмирала Г.П. Чухнина, в феврале 1906 г. в городке Очакове состоялся судебный процесс. Шмидта и троих его соратников из нижних морских чинов С.П. Частника, Н.Г. Антоненко и А.И. Гладкова приговорили к смертной казни. Они были вывезены, расстреляны и захоронены на небольшом черноморском острове Березань. Другие матросы получили различные сроки тюремного заключения или были высланы в отдаленные окраины империи.

Авторы статьи поставили цель проанализировать процесс конструирования и трансформации образа лейтенанта Шмидта в культурной памяти дореволюционного, советского и современного российского общества под воздействием исторической политики го-

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук), проект «Образ Севастополя в исторической памяти советского общества» (№ 15-01-00219).

сударственной власти. В связи с этим применяется теоретический подход, опирающийся на концепцию культурной памяти, разработанную немецкими теоретиками истории Яном и Алейдой Ассман. Согласно данной концепции, культурная память, как составная часть коллективной памяти, конструируется и трансформируется в обществе с помощью официальной риторики и церемоний, открытия и функционирования мемориальных мест, исторической литературы и произведений искусства¹.

Кроме того, в статье используется термин «мемориальный культ», который, с точки зрения авторов, подразумевает определенный комплекс действий, имеющих целью создание в памяти общества значимого и во многом положительного образа одного из акторов истории. В мемориальном культе, как правило, соединяются и политический заказ власти, ее историческая политика, и социальный заказ общества на конструирование образа того или иного исторического персонажа в рамках политики памяти.

* * *

Мемориальный культ Шмидта стал создаваться практически сразу после подавления выступления моряков в Севастополе.

Тексты, как вербальные, так и визуальные, репрезентирующие образ Шмидта, можно назвать своеобразными «местами памяти»² о нем. Апологическая трактовка деятельности Шмидта, способствовавшая формированию его мемориального культа, появилась уже в 1905 г. в некоторых российских оппозиционных периодических изданиях.

Например, писатель А.И. Куприн, живший тогда в Балаклаве и ставший свидетелем последствий подавления выступления на флоте, опубликовал 1 декабря 1905 г. в петербургской газете «Наша жизнь» очерк под названием «События в Севастополе». Хотя Куприн лишь упомянул имя Шмидта как руководителя мятежных матросов, но в целом автор очерка симпатизировал ему и его соратникам. Куприн оценил поведение митинговавших матросов по отношению к жителям Севастополя как «великолепно-безукоризненное», а командующего Черноморским флотом адмирала Чухнина назвал палачом, устроившим «костер из человеческого мяса»³.

За эту публикацию Куприн был выдворен властями за пределы Севастопольского округа. Незадолго до появления очерка писатель помог скрыться группе матросов (около 10 человек) с «Очакова», добравшихся до берега. Он достал им гражданскую одежду и поспособствовал тому, чтобы они избежали преследования полиции⁴.

Другие авторы в условиях ослабления цензуры также создавали позитивный и трагический образ Шмидта, идущий вразрез с официальной терминологией самодержавной власти.

Так, П.П. Кузьминский написал пьесу «Красный адмирал». В

ней Шмидт предстал последовательным сторонником Манифеста 17 октября 1905 г., всеми силами пытавшимся избежать кровопролития. «Совесь наша чиста! Мы не желали кровопролития – мы его всеми силами избегали!», – утверждал герой пьесы. Примечательны последние слова Шмидта, которые он произносит в самом конце театрального действия: «...Милосердный Боже! Прости меня, прости! [К небу] Христос! Ты победил меня!..»⁵. Религиозная составляющая, только еще формирующегося в литературе образа Шмидта, была совершенно очевидна.

Поэтесса Л.М. Белкина, сама участвовавшая в революционном движении, издала в Казани поэму «Лейтенант Шмидт». Стихотворные строки предварял следующий текст: «Ранним утром, – год тому назад, – на острове Березани царские опричники совершали свое кровавое дело: наемные палачи и убийцы – они надеялись пулями заставить умолкнуть славного борца и его товарищей. <...> Шмидт умер, но имя его не умрет никогда! И пусть эта поэма в день годовщины его мученической смерти лишний раз напомнит о том, как он боролся за счастье отчизны, как смело пошли за ним его славные товарищи!»⁶.

И вновь в образе Шмидта возникла религиозная составляющая, столь характерная для дореволюционной эпохи, в которой теснейшим образом переплелись социальные и религиозные мотивы:

Кроткий мученик правого дела
Сердце родины тронул до слез,
Месть врагов не имеет предела,
Палачей не растрогал Христос...

Словосочетание «красный адмирал», с подачи авторов первых текстов об этом морском офицере, станет впоследствии очень распространенным. Затем появится еще одна словесная конструкция, связанная с именем Шмидта, – «красный лейтенант».

В 1907 г. публицист В.В. Водовозов опубликовал в одном из томов «Энциклопедического словаря», издаваемом Ф.А. Брокгаузом (Лейпциг) и И.А. Ефроном (Санкт-Петербург) небольшой справочный материал о Шмидте, который был назван «русским политическим деятелем» и главным руководителем «бунта» в ноябре 1905 г. на крейсере «Очаков». Текст о лейтенанте содержал в целом положительные коннотации. Шмидт, как отмечалось в публикации, являлся противником террора, а на суде многое брал на себя, чтобы смягчить участь матросов⁷.

* * *

После падения монархии образ Шмидта занял важное место в революционной риторике и культуре почитания погибших героев.

Он представлялся как «пламенный революционер», борец за равенство и свободу, и в то же время, как трагический герой, отдавший жизнь за народное дело. Негативный термин «бунт», характерный для официальной терминологии имперских властей относительно событий в ноябре 1905 г. в Севастополе, теперь сменился более положительным словом «восстание». В Одессе из печати вышло две небольших книжки с документами, посвященными деятельности Шмидта. В одной из них опубликовали его речь на суде, в другой – отрывки воспоминаний о лейтенанте⁸.

В Москве в 1917 г. в серии «Новая народная энциклопедия» опубликовали в виде отдельной брошюры очерк Ф. Семеновича «Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»)». В очерке образ Шмидта представлен менее одномерным и более противоречивым. После объявления приговора, утверждал Семенович, «Шмидт долго и горько плакал, жалуясь своему другу на несправедливость приговора». Показательна последняя фраза из текста: «Имя Шмидта в летописях русской истории останется навсегда. Пока мы еще мало знаем о Шмидте. Будем надеяться, что, когда русская жизнь войдет в колею – о Шмидте будет опубликован подробный очерк»⁹.

По решению новых властей в мае 1917 г. останки Шмидта и трех его соратников извлекли из братской могилы на острове Березань, затем доставили в Очаков, потом – в Одессу и, наконец, в Севастополь, где 8 мая прошло их торжественное перезахоронение в Покровском соборе. При этом в качестве одной из главных фигур церемонии выступил командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак. По мнению некоторых исследователей, вся эта история была связана с тем, что среди революционизированных народных масс в Севастополе стали раздаваться призывы «выкопать останки контрреволюционных адмиралов» М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, П.С. Нахимова, находившиеся во Владимирском соборе. Чтобы пресечь подобные страсти и в то же время пойти навстречу настроениям в обществе, власти города решили провести церемонию почитания новых героев, героев революции. В контексте данных событий и было принято решение торжественно перезахоронить тела Шмидта и его соратников¹⁰.

С другой стороны, участие командующего Черноморским флотом в церемонии подчеркивало его антимонархические взгляды. Незадолго до этого Колчак, выступая 25 апреля 1917 г. в Севастополе перед членами Офицерского союза Черноморского флота и делегатами армии, флота и рабочих, заявил, что «свергнутый государственный строй привел нашу армию морально и материально в состояние крайне тяжелое, близкое к безвыходному»¹¹. В эти же дни по приказу Колчака клубу офицеров Черноморского флота присвоили имя Шмидта. В крымских газетах Колчака называли «продолжателем дела Шмидта»¹².

Новый культ пока не имел четко сложившихся канонов, поэтому

для захоронения останков лейтенанта и трех его соратников выбрали новое место, но по старой традиции, – православный собор. По настоянию родственников, помимо гражданской была произведена и религиозная панихида. Традиционные белые катафалки, запряженные лошадьми и украшенные траурными лентами, везли останки революционеров.

17 мая 1917 г. в Севастополь из Одессы прибыл военный и морской министр А.Ф. Керенский. После официальных встреч и речей он отправился в Покровский собор, чтобы поклониться праху лейтенанта Шмидта и возложить георгиевский крест на его усыпальницу¹³.

Биография Шмидта была издана публицистом Л.Я. Резниковым в том же революционном году в Симферополе. Автор передал свою книгу с дарственной надписью возлюбленной лейтенанта – Зинаиде Ризберг¹⁴.

Тогда же образ Шмидта перекочевал из книг на киноэкран. Премьера игровой «немой» картины состоялась 5 июля 1917 г. под названием «Жизнь и смерть лейтенанта Шмидта», главными авторами которого выступили Я. Посельский и А. Разумный. Фильм создавали при содействии Севастопольского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Кинокартина включала четыре части: жизнь лейтенанта Шмидта, восстание Черноморского флота, аресты и суд, казнь революционеров. Кинообраз Шмидта оказался востребован публикой. Так, одна из газет Гельсингфорса (ныне Хельсинки) сообщала, что картина пользовалась популярностью у матросов и солдат¹⁵.

* * *

После утверждения у власти большевиков Шмидт продолжал позиционироваться как герой революции 1905 г. и в то же время – как человек, боровшихся за идеалы, близкие большевикам, хотя на самом деле он никогда не принадлежал ни к одной политической партии. По сути, новая власть, Советская, приватизировала для собственных политических целей образ беспартийного морского офицера, по воле случая оказавшегося во главе мятежных матросов. При этом трактовки и оценки революционной деятельности Шмидта кардинально не менялись.

При Советской власти началось масштабное переименование, в котором виделось средство борьбы с «проклятым прошлым». В Петрограде в ноябре 1918 г. один из мостов через Неву – Николаевский (бывший Благовещенский) переименовали в мост «лейтенанта Шмидта». Прилегающая к мосту Николаевская набережная была также названа именем «красного лейтенанта».

Советские власти Севастополя действовали в том же направлении. Не прошло и двух месяцев после эвакуации из города белых

войск генерала П.Н. Врангеля, как местный революционный комитет 3 января 1921 г. принял постановление о переименовании 31-го объекта городской топонимики в честь событий и героев революции и Гражданской войны. Среди новых названий на месте бывшей Католической появилась и улица «товарища Шмидта»¹⁶.

Память о Шмидте продолжала конструироваться и транслироваться в советских вербальных текстах.

Большую роль в конструировании образа Шмидта как «пламенного революционера» сыграла его сестра Анна Петровна Избаш, которая опубликовала не только свои воспоминания, но и документы судебного процесса, другие материалы о брате¹⁷.

В ноябре 1923 г. по решению властей Севастополя останки Шмидта и его соратников вновь торжественно перезахоронили, но только теперь на Кладбище коммунаров и по новым революционным канонам, без всякого участия духовенства и проведения церковных церемоний.

В связи с 20-летней годовщиной Севастопольского восстания стали издаваться тексты, написанные современниками или непосредственными участниками. Неизменно в качестве одной из главных фигур в данных текстах выступал лейтенант Шмидт.

Так, севастопольский автор И. Гелис в книге, изданной в 1924 г., попытался не только воссоздать историю восстания, но и выявить действительную историческую роль лейтенанта Шмидта. Автор полагал, что образ лейтенанта был искажен «дифирамбами эсеровских писателей, которые, будучи идеологами мелкой буржуазии, совершенно не понимают исторического значения классовой борьбы и во всех событиях ищут “героя”»¹⁸.

Меньшевик И.П. Вороницын, бывший рядом со Шмидтом в ноябре 1905 г. в Севастополе, издал его биографию. Книга заканчивается словами о том, что, несмотря на запретительные и репрессивные действия царских властей, искоренить память о Шмидте не удалось, «память о красном лейтенанте осталась. Образ его витал над страной и в дни поражения революции, и в долгие мрачные годы реакции, как образ революционера – человека с чистым сердцем и большою душой, отдавшего свою жизнь за великое дело. Лейтенант Шмидт стал легендой, звавшей к новой борьбе»¹⁹.

Записки бывшего матроса В.И. Карнаухова-Краухова, принимавшего участие в событиях на крейсере «Очаков», опубликовали посмертно. Автор попытался показать Шмидта как опытного морского офицера, постоянно заботившегося о нуждах простых матросов. После подавления восстания, уже на суде, он стремился всю вину взять на себя. Во время судебных слушаний один из конвоиров, по утверждению мемуариста, отбросил свою винтовку, начал истерически кричать, называя Шмидта «святым», «мучеником за народ» и стал на него молиться²⁰. Для автора записок олицетворение революционера со святым, видимо, было вполне естественным.

К прославлению Шмидта подключились и писатели. Например, в серии «Библиотека юного пионера» вышла первая детская книжка Н.И. Гуглиной о Шмидте²¹. Так было положено начало текстам о «красном адмирале», адаптированным для детей. Имя Шмидта и трактовка его революционной деятельности стали широко использоваться для воспитания подрастающего поколения как пример для подражания.

Б.Л. Пастернак также обратился к образу Шмидта, решив написать о нем целую поэму, опубликовав ее в пяти номерах журнала «Новый мир» за 1926–1927 гг. Во время ее создания он, судя по тексту, познакомился с документами о Шмидте, в частности, с его письмами к Ризберг, с последней речью лейтенанта на суде. Главный герой поэмы предстал смелым, романтическим и одновременно трагическим персонажем, который «жил и отдал душу за други своя». В силу моральных принципов он сделал свой выбор в пользу народа, но при этом вынесенный революционной волной в вожжи, он воспринимает свою роль с трагическим чувством. Лейтенант показан Пастернаком с одной стороны как рефлексирующий интеллигент, а с другой стороны, как истинный патриот «родного края», готовый погибнуть в борьбе за лучшую и справедливую жизнь соотечественников.

В течение десяти лет после революции 1917 г. в стране появилось 12 судов, носящих имя Шмидта, – один вспомогательный крейсер, один миноносец, шесть канонерских лодок, два транспорта, один катер-тральщик и один речной пароход. Кроме того, три судна носили имя «Очаков» – крейсер, сторожевой катер и тральщик²².

Видимо, впервые в советской музыке фигура Шмидта возникла в песне, созданной в 1930 г. композитором А. Давиденко и поэтом Н. Ушаковым. Песня «Лейтенант Шмидт» была задумана для хорового пения. Сюжет в ней построен вокруг расстрела Шмидта на острове Березань. Автором слов образ Шмидта представлен уже как единственный вождь восстания: его расстреливают одного, без соратников.

* * *

С утверждением в СССР сталинской диктатуры и тотального контроля государства над обществом, в том числе в идеологической сфере, образ Шмидта стал приобретать некоторые вождистские и в то же время «буржуазные» черты.

В 1939 г. в серии «Библиотека красноармейца» была опубликована научно-популярная биографическая работа Б. Звонарева «Лейтенант Шмидт». Автор подробно описал детские и юношеские годы Шмидта, проследил основные этапы его морской службы. Примечательно, что Звонарев очень осторожно оценивал политические взгляды Шмидта, особенно в ходе Первой российской революции,

и неоднократно подчеркивал его интеллигентское происхождение. «Эти взгляды ничего общего с революционным марксизмом не имели. Но, несмотря на все эти свои глубокие политические заблуждения, Шмидт был человеком честным, искренним и бесстрашным», – утверждал автор²³.

Обратился к биографии Шмидта и советский писатель К.Г. Паустовский, работавший в 1935–1936 гг. над повестью «Черное море». С этой целью он приехал в Севастополь и поселился здесь на несколько месяцев. В это время в связи с открытием памятника Шмидту и его соратникам на кладбище Коммунаров приезжала из Ленинграда сестра «красного лейтенанта» Анна Петровна Избаш. Писатель несколько раз встречался с ней. На основании этих бесед он написал главу «Дон Кихот» о романе в письмах Шмидта и Ризберг. Однако после первой публикации повести свое недовольство выразила Ризберг, а журналист М.Б. Чарный, опубликовал в «Литературной газете» статью «Тяжелый случай» с критикой писателя. Дело в том, что Паустовский представил возлюбленную лейтенанта в негативном свете. Как считал Чарный, писатель «пал жертвой своей предвзятой литературно-романтической схемы», полагая, что Шмидт, как романтик «не может жить без призраков, он выдумывает их, гонится за ними». Паустовский считал, что романтический образ Ризберг был во многом преувеличен лейтенантом. В результате под влиянием критики писатель убрал эту главу из повести в последующих изданиях²⁴.

Видимо, Паустовский вынашивал замысел написать отдельное произведение, посвященное «ноябрьскому восстанию» под руководством Шмидта, но в силу каких-то причин этого сделать не удалось, и он посвятил данному событию и личности «красного лейтенанта» одну главу повести с характерным названием «Мужество». Согласно сюжету, некий писатель Гарт (прототипом послужил А.С. Грин) работает над книгой о лейтенанте Шмидте, и автор повести становится свидетелем его «творческой кухни». Они вместе посещают места, связанные с жизнью и деятельностью «великого человека». Кроме того, автор получает в свои руки и рукопись будущего произведения Гарта.

Судя по тексту, Паустовский использовал для написания главы различного рода документы о Шмидте, в том числе его речь на суде и личные письма, воспоминания о нем, отрывки из дневника бывшего морского офицера М.М. Ставраки, сокурсника Шмидта по морскому корпусу, которому пришлось командовать расстрелом лейтенанта и его соратников. Писатель также встречался в Севастополе с участниками и очевидцами восстания и, видимо, записал некоторые их воспоминания. Один из таких свидетелей – Ф.Г. Мартыненко, бывший матрос с миноносца «Свирепый». В повести он представлен как старик Кузьма Петрович Дымченко. Другим рассказчиком, вероятно, являлся простой обыватель, житель Севастополя. Он выведен

в повести как пожилой аптекарь еврей Вайнштейн. В произведении есть еще третий рассказчик – адвокат Александр Сергеевич, защищавший Шмидта и его соратников на судебном процессе, но, скорее всего, его повествование было воссоздано на основе мемуаров. Действительно присяжный поверенный А.С. Зарудный являлся на суде представителем обвиняемой стороны.

Лейтенант Шмидт у Паустовского показан почти святым. Недаром, по крайней мере, дважды, в тексте о нем используются такие не совсем советские словосочетания как «святой наш товарищ» или «глаза его горели, как у пророка». Он представлен в повести как мудрый вождь, народный трибун и бесстрашный военный руководитель «восстания», даже несмотря на то, что упоминается о его припадке на палубе крейсера «Очаков», когда матросы вынуждены были отнести лейтенанта в каюту. При этом о других деятелях восстания не говорится почти ни слова.

Шмидт, как главный герой рукописи будущей книги, – строен, высок, изящен, у него светлые волосы, пронизательный взгляд. Он – «великолепный знаток моря и один из самых просвещенных капитанов русского флота». Лейтенант, объявив себя командующим Черноморским флотом, принимает бой, хотя заранее осознает, что восстание обречено на неудачу в силу военного преимущества царского флота. Его убедительная и яркая речь может поднять народные массы на борьбу «за свободную Россию». Последовавшие затем суд и казнь Шмидта воспринимаются для многих как народное горе, матросы, солдаты, рабочие и даже судьи льют слезы, оплакивая его.

Таким образом, в повести Паустовского отразилось как персональное восприятие писателем образа Шмидта, так и идеологическая атмосфера сталинского времени с его атрибутикой культа личности, когда многие исторические фигуры воспринимались и трактовались как главные движущие пружины развития государства и общества. В то же время писатель попытался представить образ Шмидта в романтическом ключе.

Еще одно свидетельство трансляции идеи решающей роли личности в истории – это картина советского художника Л.Е. Мучника «Вооруженное восстание на крейсере «Очаков» 15 ноября 1905 г.», созданная в 1940 г. к 35-й годовщине Первой российской революции. Вся композиция картины резко подчеркивала образ Шмидта в качестве главной фигуры и вождя «восстания». Шмидт представлен в центре полотна в световых оттенках на фоне окружающих его безликих и невыразительных фигур матросов, находящихся вне яркого света.

* * *

В постсталинский период образ Шмидта становится более романтическим и человечным, и в то же время он предстает не един-

ственным руководителем восстания. Конструирование памяти о «красном лейтенанте» традиционно шло в основном по линии литературы, в том числе и детской, а также создания игровых и документальных кинокартин. Кроме того, создавались музеи Шмидта.

Первый музей открыли в 1962 г. в Очакове, в здании, где в 1906 г. проходил судебный процесс по делу мятежных матросов. Он был создан на основе комнаты-музея при клубе моряков. В 1969 г. в музее насчитывалось около 350 экспонатов, в том числе фотографии, различные предметы, рукописные и печатные материалы, связанные с деятельностью Шмидта²⁵.

Дом-музей Шмидта, где прошли его детские годы, открыли в 1980 г. в Бердянске. Здесь также хранятся документы, фотографии, личные вещи Шмидта и его родственников²⁶.

Выходили в свет новые публикации участников и современников Первой российской революции. Так, в 1955 г. вышли записанные одним из исследователей устные воспоминания матроса И.Е. Уланского, бывшего рядом со Шмидтом в дни выступления на крейсере «Очаков». Автор воспоминаний традиционно представил лейтенанта «умелым, сильным оратором», «честным русским офицером, связавшим свою жизнь с народом», и «просвещенным, опытным капитаном». При этом Уланский подчеркивал большую роль «матросов-большевиков», организовавших «восстание» в Севастополе²⁷.

Создавались и научно-популярные тексты о «красном лейтенанте».

Так, журналист М.Б. Чарный в 1957 г. завершил историческую повесть о нем. Через два года книга вышла в свет. Посвятив свое произведение преимущественно восстанию в Севастополе в ноябре 1905 г., Чарный представил Шмидта как революционера-романтика, которому не чужды и любовь к женщине, и готовность вступить в борьбу за свободу народа. Автор повести подчеркивал, что настоящее почитание Шмидта как героя революции началось при Советской власти. Одним из первых шагов в данном направлении, по его мнению, явился следующий факт: в октябрьские дни 1917 г. возле штаба большевиков, у Смольного института, появился красногвардейский броневик, на котором крупными буквами было написано «Лейтенант Шмидт»²⁸.

Драматург В.Г. Долгий написал пьесу «После казни прошу...», посвященную романтической истории любви Ризберг и Шмидта. Режиссер З.Я. Корогодский поставил по ней спектакль в 1967 г. в ленинградском Театре юного зрителя. Драматическая канва пьесы выстраивалась на основе переписки двух влюбленных. Роль Шмидта исполнил актер Г.Г. Тараторкин, стремившийся показать лейтенанта тонко чувствующим и незаурядным человеком, готовым вступить в борьбу ради интересов народа, даже не боясь за свою жизнь. Постановку удостоили Премии Ленинского комсомола. Кроме того, пьесу поставили в разное время в драматических театрах Вильнюса,

Саратова, Смоленска, Гомеля, Лиепай и Джамбула, а также в театрах юного зрителя Одессы, Риги, Красноярска, Перми и Куйбышева (ныне Самара).

Видимо этот спектакль стал первой попыткой сделать образ Шмидта более человечным и романтическим на театральной сцене.

В серии «Пламенные революционеры» в 1968 г. вышла повесть Д.М. Хаита «Осенний гром». В ней рассказывалось о последних годах жизни Шмидта, а также о его друзьях и врагах. Причем в эпилоге повести, где речь идет о посмертной памяти о Шмидте, не упоминаются его почитатели в дореволюционный период и при Временном правительстве. Судя по тексту, можно заключить, что именно советские люди всегда помнили и будут помнить о героическом лейтенанте²⁹.

Военный журналист капитан 1-го ранга Г.В. Самолис опубликовал документальную повесть о лейтенанте Шмидте, на основе источников, раскрывающих его исключительно положительный облик. Автор адресовал свою книгу советской молодежи в качестве примера для подражания. Используя текст из очерка «События в Севастополе» Куприна, автор говорит о других не менее важных участников восстания – обычных матросах. Самолис, конечно, неоднократно цитирует Ленина, который, по его словам, будто бы назвал восставших во главе со Шмидтом, «армией свободы в Севастополе»³⁰.

Еще одна историко-документальная повесть, созданная А.А. Степановым, рассказывала о морской службе Шмидта на Дальнем Востоке в Сибирской флотилии в конце XIX – начале XX века. Книга написана с использованием, как опубликованных документов и материалов, так и на основе источников, выявленных автором. Главный герой повести представлен как умный и опытный капитан дальнего плавания. Выполненная в оригинальной литературной манере книга, тем не менее, завершалась уже хорошо знакомым советскому читателю выводом: «...Революция обессмертила имя Петра Петровича. Его речи и письма воспринимаются как вечная исповедь поколениям. Читая их, отчетливо понимаешь, как возникла и стала безраздельной его связь с простым народом. Он не мыслил себя без будущего, думается, обойди его смерть стороной, одним социал-демократом ленинского толка было бы больше...»³¹.

Продолжалась тенденция издания книг для детей о Шмидте, как человеке, «с которого следует брать пример». В 1983 г. ленинградский писатель Г.А. Черкашин в издательстве «Детская литература» опубликовал роман-хронику, предназначенный для среднего и старшего школьного возраста. Как говорилось в предисловии, автор посвятил свое литературное произведение деду, который учился в реальном училище Севастополя вместе с Евгением Шмидтом, сыном лейтенанта. Кроме того, дед, будучи подростком, лично познакомился с Петром Петровичем. Его встреча с лейтенантом, как писал

Черкашин, «определила всю дальнейшую жизнь реалиста». Он принял участие в ноябрьском восстании 1905 г., оказался в заключении, впоследствии стал членом большевистской партии и участвовал в Гражданской войне³².

Роман Черкашина изобилует вставками текстов из различных источников, документов царского правительства, заметок из прессы, личных писем Шмидта и воспоминаний о нем близких лиц, в частности его сестры. Не обошлось, конечно, без цитат Ленина об историческом опыте Первой российской революции. Роман-хроника Черкашина передавал читателям исключительно позитивный образ лейтенанта-революционера. Рисунки к тексту первого издания выполнил художник Р. Яхнин. Одна из иллюстраций, изображавшая судебный процесс по делу главных «зачинщиков» восстания, представляет лейтенанта не одного, а среди своих соратников.

Таким образом, на наш взгляд, подчеркивалась мысль о коллективном руководстве восстанием. Впоследствии, вплоть до конца 1980-х гг., книгу переиздавали несколько раз, перевели на белорусский, литовский и азербайджанский язык.

В 1968 г. на Центральной студии документальных фильмов завершились съемки документального фильма «Лейтенант Шмидт: документы, письма, воспоминания» (режиссер и сценарист Л.М. Кристи, совместно с В.Г. Комиссаржевским). Создатели киноленты воплотили на экране героический и романтический кинообраз человека, который пожертвовал своей жизнью во имя интересов революции. В фильме присутствовали соответствующий подбор цитат, в том числе и ленинской о восстании на «Очакове», а также из писем и записок «красного лейтенанта»; его фотографии; документальные кадры видов Ленинграда, Севастополя и памятников, посвященных «восстанию»; закадровый текст актера А.Н. Хлебникова; красивые морские планы, удачно снятые оператором фильма Н. Генераловым. Все это придавало образу лейтенанта Шмидта ореол мученика и романтика. При этом в фильме говорилось о ведущей роли большевиков во время подготовки «восстания» на крейсере «Очаков», упоминались имена главных его руководителей Частника, Антоненко, Гладкова, к которым затем присоединился Шмидт.

В 1970 г. на экраны страны вышел художественный фильм, где Шмидт предстал в качестве главного героя. Фильм под названием «Почтовый роман» сняли на Киевской киностудии им. А.П. Довженко. Режиссером картины выступил Е.С. Матвеев, автором сценария – Д.Я. Храбовицкий. Именно в данном фильме проявилась очень важная с точки зрения некоторых представителей советской творческой интеллигенции тенденция «очеловечивания» героев революции. Примечательно, что данная идея реализуется в фильме через три, казалось бы, очень разных образа – В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского и П.П. Шмидта. Так, Ленин (актер Ю.И. Каюров), в связи с романом Шмидта, рассказывает историю любви всемогущего и

сурового председателя ВЧК Дзержинского (актер А.С. Фолькович) и его спутницы жизни, при этом вождь произносит показательные фразы «революция немыслима без любви» и «революция и любовь всегда рядом»³³.

Однако введение в фильм персонажей, олицетворяющих вождей и назидательно рассуждающих о любви и революции в связи с историей Шмидта, негативно восприняли отдельные критики по причине неискренности данной сцены³⁴.

Образ лейтенанта Шмидта (актер А.В. Парра) выстроен так, что его базовой конструкцией становится способность любить. Главной сюжетной линией фильма стали отношения между Шмидтом и Ризберг (актриса С.И. Коркошко), которые пришли к своему трагическому финалу. Авторы фильма попытались показать, что любовь для лейтенанта имела не только ярко выраженный межличностный характер, но стала неким универсальным жизненным принципом, во многом определившим его участие в революции.

Показательно, что традиционные советские представления о Шмидте, как об исключительно идейном человеке, озвучил в фильме именно Дзержинский: «Такие личности чужды любви. Такие служат идее, которая составляет их жизнь...». Но Ленин с ним не согласился, предположив, что Шмидт был тем человеком, в котором «бьется живое сердце».

Таким образом, перед зрителями предстал образ умного, смелого и благородного героя, погибшего за дело революции. С другой стороны создатели картины попытались сделать облик Шмидта более человечным и романтическим. По мнению одного из советских киноведов, авторы фильма познакомили широкие массы зрителей с малоизвестной для них историей любви лейтенанта Шмидта, и его подвига, от чего данный образ стал еще более привлекательным³⁵.

Другой визуальный облик Шмидта предстал перед советскими зрителями благодаря кисти советского художника В.Ф. Жмеркина, который в 1972 г. написал полотно «Лейтенант Шмидт». Глядя на картину, можно понять, что не одни Шмидт является главным персонажем: рядом с ним изображены еще четыре матроса в качестве руководителей восстания в Севастополе. Так подчеркивалась идея о коллективном руководстве, в котором Шмидт был первым среди равных. Всех остальных матросов художник изобразил на втором плане под красным знаменем.

Продолжалось конструирование образа Шмидта и в музыке. Ленинградский композитор Б.П. Кравченко весной 1972 г. завершил создание оперы «Лейтенант Шмидт», либретто для которой написал сам. Он познакомился с художественными текстами и историческими документами о деятельности «красного лейтенанта», даже посещал архив. Опера состояла из трех актов. Действие по сюжету происходило в течение суток с 5 по 6 марта 1906 г., то есть в последние часы жизни Шмидта. Другие картины оперы представлялись как

воспоминания лейтенанта о его любовных отношениях с Ризберг и деятельности в период Первой российской революции. Каждый акт начинался монологом Шмидта, его раздумьями в тюремной камере. Композитор рассчитывал показать три линии – героическую, лирическую и бытовую. Спектакль поставил Одесский театр оперы и балета, уже в июле 1972 г. состоялась премьера. Однако, судя по отзывам критиков, это произведение не стало новым словом в советском музыкальном искусстве, и образ лейтенанта Шмидта не отличался убедительностью с точки зрения художественного осмысления. Опера продержалась в репертуаре театра лишь несколько сезонов³⁶.

* * *

С начала 1990-х гг. в условиях свободы слова и развенчания советских исторических мифов наступил период плюрализма в трактовках и оценках революционной деятельности Шмидта.

Среди тех, кто попытался пересмотреть традиционную апологическую оценку деятельности Шмидта оказался писатель-маринист В.В. Шигин.

В 2001 г. в журнале «Наш современник» он опубликовал статью «Неизвестный лейтенант Шмидт», в которой доказывал, что тот – совсем не такая историческая фигура, каким его представляют в большинстве вербальных и визуальных текстов. Шигин показал Шмидта психически неуравновешенным человеком без моральных устоев, но с большими амбициями. Служба на флоте была для него тяжким грузом, в свои 38 лет он сумел дослужиться только до чина лейтенанта. Многие конфликтные ситуации, в которые попадал Шмидт благодаря своему неуживчивому характеру, разрешались с минимальными потерями для него по причине постоянных ходатайств его высокого покровителя – дяди, отставного адмирала, жившего в С.-Петербурге и занимавшего пост сенатора. Революция 1905 г. всколыхнула амбиции Шмидта. Он стал «митинговым демагогом» и, оказавшись во главе «мятежа» на крейсере «Очаков», совершил массу ошибок, в результате чего погибло много матросов. Сам он в решающий момент повел себя трусливо, и попытался спрятаться с горящего корабля во время его обстрела³⁷.

Впоследствии Шигин издал научно-популярную книгу «Лжегерои русского флота», вторая часть которой посвящена развенчанию культа «пламенного революционера»³⁸.

Документальный фильм «Лейтенант Шмидт. Назначенный герой» (режиссер М. Михеев, сценарий Н. Стрижак), созданный на российском телевидении в 2005 г. практически представил ту же версию, что и писатель Шигин.

* * *

На наш взгляд, можно выделить несколько этапов конструирования и трансформации мемориального культа Шмидта в памяти жителей Российской империи – Советской России – СССР – Российской Федерации, когда под воздействием исторической политики менялись его трактовки и оценки.

Первый этап (1906 – 1917 гг.): появление разных оценок Шмидта и его действий: официальных отрицательных, осуждающих, исходящих от самодержавной власти, и оппозиционных, одобрительных и восхваляющих лейтенанта. В официальной трактовке событий ноября 1905 г. на крейсере «Очаков» использовался термин «бунт», в оппозиционной – «восстание».

Второй этап (1917 – начало 1990-х гг.): доминирование исключительно положительных характеристик Шмидта как «пламенного революционера» из интеллигентской среды. События в Севастополе в ноябре 1905 г. однозначно именовались «восстанием». После падения монархии, при Временном правительстве, и на начальной стадии строительства Советского государства образ Шмидта призван был объединить всех «прогрессивных людей» в России. Он превратился в одного из героев революции и «жертв царизма». В сталинский период в контексте культа личности формируется и господствует взгляд на Шмидта как на революционного вождя, от которого зависело практически все, а матросские массы слепо следовали за ним. С другой стороны, подчеркивалась его «буржуазность» и политическая ограниченность. В постсталинский период стали преобладать трактовки Шмидта как одного из руководителей революционного движения, «первого среди равных», при этом его образ приобрел более человеческие и романтические черты.

Третий этап (с начала 1990-х гг. – до начала 2000-х гг.): сосуществование разнородных мнений о Шмидте в условиях плюрализма трактовок и оценок. Теперь выступление матросов на крейсере «Очаков» стало называться либо «мятежом», либо «восстанием» в зависимости от политической позиции и идеологических взглядов автора.

Вообще мемориальный культ Шмидта, его конструирование и трансляция первоначально, то есть до революции 1917 г., инициировался, прежде всего, с целью мобилизации революционных сил для борьбы против самодержавия. Образ Шмидта рассматривался и подавался как пример для подражания. Впоследствии, с утверждением новых политических режимов при Временном правительстве, а затем при большевиках, образ Шмидта как «пламенного революционера» оказался востребован для легитимации новой власти, для определения врагов и обоснования репрессивной политики против них, для приобретения определенного авторитета и социального капитала теми людьми, кто участвовал в конструировании данного образа.

Примечания Notes

¹ *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 19–54; *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

² *Нора П.* Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50.

³ *Куприн А.И.* События в Севастополе // *Куприн А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 3. М., 1971. С. 438–442.

⁴ *Михайлов О.Н.* Куприн. М., 1981. С. 108.

⁵ *Кузьминский П.П.* Красный адмирал (лейтенант Шмит): Драма-быль в 4 д. из недавнего прошлого. СПб., 1906. С. 32, 71.

⁶ *Белкина Л.* Лейтенант Шмидт: (Красный адмирал). Казань, 1907. С. 3.

⁷ *Водовозов В.В.* Шмидт (Петр Петрович) // Энциклопедический словарь. В 86 т. СПб., 1907. Т.2 (доп.). С. 888, 889.

⁸ Последнее слово лейтенанта П.П. Шмидта к судьям. Одесса, 1917; Памяти Петра Петровича Шмидта. Одесса, 1917.

⁹ *Семенович Ф.* Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»). М., 1917. С. 6, 8.

¹⁰ *Смолин А.В.* Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 году. СПб., 2012. С. 166.

¹¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 11. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

¹² *Колоницкий Б.* Память о Первой российской революции в 1917 г.: Случаи Севастополя и Гельсингфорса // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2 (64). С. 25.

¹³ *Колоницкий Б.* Память о Первой российской революции в 1917 г.: Случаи Севастополя и Гельсингфорса // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2 (64). С. 26.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1166. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–24.

¹⁵ *Колоницкий Б.* Память о Первой российской революции в 1917 г.: Случаи Севастополя и Гельсингфорса // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2 (64). С. 21, 22.

¹⁶ Государственный архив Республики Крым (ГАРК) Ф. Р-1176. Оп. 1. Д. 114. Л. 74.

¹⁷ *Избаиш А.П.* Лейтенант П.П. Шмидт: Воспоминания сестры. М., 1923.

¹⁸ *Гелис И.* Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г. (история восстания в Черноморском флоте, рабочем Севастополе и частях гарнизона 11 – 15 ноября 1905 г.). Харьков, 1924. С. 5.

¹⁹ *Вороницын И.П.* Лейтенант Шмидт. М.; Л., 1925. С. 109.

²⁰ *Карнаухов-Краухов В.И.* «Красный лейтенант»: Из воспоминаний о лейтенанте П.П. Шмидте и восстании крейсера 1-го ранга «Очаков». М., 1926. С. 132.

²¹ *Гуглина Н.И.* Лейтенант Шмидт. М., 1926.

²² Государственный архив города Севастополя (ГАГС). Ф. Р-567. Оп. 3. Д. 23 Л. 1–12, 13, 15, 17.

²³ *Звонарев Б.* Лейтенант Шмидт. М., 1939. С. 36.

- ²⁴ *Чарный М.* Воспоминания о Паустовском // Литературная газета. 1968. 20 нояб. С. 7.
- ²⁵ *Самолис Г.В.* Музей П.П. Шмидта в Очакове: Путеводитель. Одесса, 1968.
- ²⁶ Музей П.П. Шмидта в Бердянске: Путеводитель. Днепропетровск, 1983.
- ²⁷ *Уланский И.Е.* Севастопольский пожар // Военные моряки в период Первой русской революции 1905 – 1907 гг. М., 1955. С. 414–470.
- ²⁸ *Чарный М.Б.* Лейтенант Шмидт. М., 1960. С. 275, 276.
- ²⁹ *Хаит Д.М.* Осенний гром: Повесть о лейтенанте Шмидте. М., 1968. С. 269, 270.
- ³⁰ *Самолис Г.В.* Лейтенант Шмидт. М., 1983. С. 163–165.
- ³¹ *Степанов А.А.* Сибирской флотилии лейтенант. Владивосток, 1986. С. 157.
- ³² *Черкашин Г.А.* Клянусь Землей и Солнцем. Л., 1983. С. 4.
- ³³ *Храбровицкий Д.* Укрошение огня: Киносценарии. М., 1986. С. 174, 175.
- ³⁴ *Громов Н.* О революции и любви... // Искусство кино. 1970. № 7. С. 20, 21.
- ³⁵ *Громов Н.* О революции и любви... // Искусство кино. 1970. № 7. С. 18.
- ³⁶ *Михеева Л.В.* Борис Кравченко: Портрет композитора. Л., 1984. С. 52–56, 57.
- ³⁷ *Шигин В.В.* Неизвестный лейтенант Шмидт // Наш современник. 2001. № 10. С. 232–251.
- ³⁸ *Шигин В.В.* Лжегерои русского флота. М., 2010. С. 237–429.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Волков Евгений Владимирович – докт. ист. наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
evgeny-volkov@mail.ru

Сибиряков Игорь Вячеславович – докт. ист. наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
sibirjkovig@mail.ru

В статье впервые проанализирован мемориальный культ лейтенанта П.П. Шмидта. Как руководитель восстания матросов Черноморского флота в ноябре 1905 г., который был расстрелян по приговору суда, он по-разному оценивался и воспринимался в дореволюционном, советском и современном российском обществе. Мемориальный культ Шмидта создавался прежде всего средствами научно-популярной и художественной литературы, а также игрового и документального кино. Решающим фактором формирования его мемориального культа была историческая политика государственной власти. Авторы статьи выделяют три этапа конструирования и трансформации образа Шмидта в коллективной памяти жителей Российской империи – Советской России – СССР – Российской Федерации. Первый этап (1906 – 1917 гг.) – время появления разных оценок Шмидта и его действий: осуждающих, которые исходили от самодер-

жавной власти, и одобрительных, которых исходили из революционной и оппозиционной среды. Второй этап (1917 – начало 1990-х гг.) – время доминирования исключительно положительных характеристик Шмидта как «пламенного революционера» из числа интеллигенции. После падения самодержавия образ Шмидта был превращен в образ одного из героев народной революции и «жертв царизма». В период культа личности И.В. Сталина господствовал взгляд на Шмидта как на революционного вождя, который вел за собой матросские массы. В постсталинский период стали преобладать трактовки Шмидта как одного из руководителей революционного движения матросов, при этом его образ приобрел более человеческие и романтические черты. Третий этап (с начала 1990-х гг. – до начала 2000-х гг.) – время сосуществования разнородных мнений о Шмидте в условиях плюрализма трактовок и оценок.

П.П. Шмидт, Революция 1905–1907 гг., Черноморский флот, Крым, Севастополь, российское общество, историческая политика, литературный образ, кинематографический образ, коллективная память, культурная память, мемориальный культ.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Gromov N. O revolyutsii i lyubvi... [On Revolution and Love...]. *Iskusstvo kino*, 1970, no. 7, pp. 17–22. (In Russ.).
2. Kolonitskiy B. Pamyat o Pervoy rossiyskoy revolyutsii v 1917 g.: Sluchai Sevastopolya i Gelsingforsa [The Memory of the First Russian Revolution in 1917: The Cases of Sevastopol and Helsingfors.]. *Neprikosnovennyi zapas: Debaty o politike i culture*, 2009, no. 2 (64), pp. 17–37. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Nora, Pierre. Mezhdru pamyatyu i istoriey: Problematika mest pamyati [Between Memory and History: The Problems of Memory Sites.]. *Frantsiya – pamyat* [France – Memory]. St. Petersburg, 1999, pp. 17–50. (In Russ.).

(Monographs)

4. Assmann, Aleida. Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, 2006, 320 s. = Assmann, Aleida. Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and the Politics of History.]. Moscow, 2014, 328 p. (In Russ.).
5. Assmann, Jan. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992, 344 s. = Assmann, Jan. Kulturnaya pamyat: Pismo, pamyat i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity.]. Moscow, 2004, pp. 19–54. (In Russ.).
6. Mikhaylov O.N. Kuprin [Alexander Kuprin.]. Moscow, 1981, p. 108. (In Russ.).
7. Mikheeva L.V. Boris Kravchenko: Portret kompozitora [Boris Kravchen-

ko: A Portrait of the Composer.]. Leningrad, 1984, pp. 52–56, 57. (In Russ.).

8. Smolin A.V. Dva admirala: A.I. Nepein i A.V. Kolchak v 1917 godu [Two Admirals: Adrian Nepein and Alexander Kolchak in 1917.]. St. Petersburg, 2012, p. 166. (In Russ.).

9. Shigin V.V. Lzhegeroi russkogo flota [Pseudo-Heroes of the Russian Navy.]. Moscow, 2010, pp. 237–429. (In Russ.).

Authors, Abstract, Key words

Evgeniy V. Volkov – Doctor of History, Professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)
evgeny-volkov@mail.ru

Igor V. Sibiryakov – Doctor of History, Professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)
sibirjkovig@mail.ru

The article analyses the memorial cult of Lieutenant Pyotr P. Schmidt. This person who headed a sailors' riot in the Black Sea Fleet in November 1905 and was shot after his trial was treated and appraised differently in pre-revolutionary, Soviet and contemporary Russian society. His memorial cult was created through the media of popular science literature and fiction, as well as feature and documentary films. The decisive formative factor of his memorial cult was the Russian state's politics of history. The authors of the article identify three stages of forming and transforming Schmidt's image in the collective memory of citizens in the Russian Empire, Soviet Russia, the USSR and the Russian Federation, correspondingly. The first stage (1906 – 1917) witnessed the emergence of different accounts of Schmidt and his actions ranging from disapproving ones on the part of autocracy to approving ones coming from revolutionary and opposition forces. The second stage (1917 – early 1990s) accounts for predominantly positive records of Schmidt as “an ardent revolutionary” coming from intelligentsia. After the collapse of the autocracy Schmidt began to be treated as a hero of the people's revolution and “a victim of the tsarist regime”. During the period of Stalin's cult of personality Schmidt was largely viewed as a revolutionary leader conducting the masses of sailors. In the after-Stalin time the image of Schmidt was predominantly interpreted as one of the leaders of the mariners' movement, with more humane and romantic features attached to it. The third stage (early 1990s – early 2000s) is characterized by a variety of co-existing opinions about Schmidt in the conditions of pluralistic approach.

Pyotr P. Schmidt, Russian revolution of 1905, Black Sea Fleet, Crimea, Sevastopol (City of), Russian society, politics of history (politics of the past), literary image, cinematographic image, collective memory, cultural memory, memorial cult.

РОССИЯ И МИР Russia and the World

В.Т. Тепкеев

«ПРЕБЫВАЕТ ЛИ ВО ЗДРАВЬИ ВЕЛИКИЙ БЕЛЫЙ ХАН?»: ИСТОРИЯ САМОГО РАННЕГО ПИСЬМА КАЛМЫЦКОГО ВЛАДЕТЕЛЯ РУССКОМУ ЦАРЮ (1642 ГОД)

V. Tepkeev

“Is the Great White Khan in Good Health?”: The History of the Earliest Known Letter from the Kalmyk Ruler and Overlord to the Russian Tsar (1642)

В различных российских архивах и музеях хранятся сотни писем, содержащих весьма ценную информацию об истории русско-калмыцких отношений со времени их установления в начале XVII в. Именно в это время наблюдался подъем военно-политической активности крупных ойратских этнополитических объединений, результатом которого стало возникновение на территории Евразии трех крупных кочевых государственных образований: Джунгарского ханства в Центральной Азии, Торгутского (Калмыцкого) ханства в Нижнем Поволжье и Хошутского ханства в Цинхае и Тибете.

Наши знания об исторических событиях той эпохи не могут быть полными и всеобъемлющими без использования сохранившихся до наших дней широкого круга источников. Задача исследователя, занимающегося изучением исторического прошлого калмыков, существенно осложняется тем обстоятельством, что в специфических условиях кочевого образа жизни и перенесенных потрясений собственные документальные материалы кочевников сохранились не полностью. Тем большее значение приобретают сохранившиеся в российских архивах источники эпистолярного характера – письма калмыцких ханов и князей, дошедших до нашего времени.

Официальное делопроизводство в Московском государстве сосредотачивалось в приказах и в воеводских приказных избах (воеводских канцеляриях). При своем движении из Центральной Азии в Западную Сибирь и в степи Северного Прикаспия калмыцкие племена приходили в соприкосновение с различными административ-

ными центрами сначала в Сибири и Приуралье, а потом и в Поволжье. Это порождало обширную переписку воевод между собою и с Москвой, а также с калмыцкими тайшами. Посольские сношения между русскими и калмыками оставили в центральных и местных архивах много документов самых разнообразных форм и различного содержания. Воеводам русских городов, которые вступали в те или иные контакты с калмыцкими владельцами и их представителями, были предоставлены широкие полномочия по ведению с ними сношений и вообще по принятию мер как мирного, так и военного характера¹.

С появлением отдельных калмыцких улусов в волго-яицком междуречье с 1620-х гг. основным центром на юге Московского царства, отвечавшим за ведение русско-калмыцких отношений, стала Астрахань. Местные воеводы отвечали в первую очередь за встречу и отправку калмыцких посольств, они же направляли к тайшам от имени или по государеву указу посланцев. Большое значение для жизнедеятельности Астрахани имели полномочия воеводы по принятию оборонительных и вообще военных мер против калмыков и других кочевников. Их роль была в следующем: они должны были «жить с великим береженьем», собирать сведения о передвижениях калмыков, чтобы те «под государевы города безвестно не пришли» и «какого-либо дурна не учинили».

С прибытием первых калмыцких посольств в Москву в начале XVII в. первым вопросом, как правило, которым их встречали в Посольском приказе, был примерно следующий: «С чем они к государю приехали, грамоты с ними к царскому величеству и сверх грамоты речью приказ есть ли?» Члены посольств обыкновенно отвечали: «Грамотчиков у них в их земле нет и писать не умеют и с ними потому и грамоты к царскому величеству нет, а что с ними к государю словесный приказ, и они то объявят»².

Действительно, большинство исследователей обоснованно считают, что становление старописьменной калмыцкой традиции происходило во второй половине XVII в., то есть со времени создания буддийским просветителем Рабджамбой Зая-пандитой-хутугтой письменности «тодо бичиг» («ясного письма») в 1648 г. Создав практически новое письмо на основе уйгуро-монгольского алфавита, Зая-пандита устранил многозначность букв, приблизил монгольский старописьменный язык к разговорной речи калмыков того времени. Его реформа состояла в следующем: установление однозначности наличных графем и диакритических знаков монгольского письма; введение новых букв и диакритических знаков; новая орфография; внимание в новом письме сосредоточилось на точной передаче гласных и на четком различии между глухими и звонкими согласными³. «Ясное письмо» Зая-пандиты не могло быть принято всеми монголами, так как слишком точно обозначало конкретное ойратское произношение⁴.

Судя по архивным материалам, калмыки после появления в степях Северного Прикаспия вплоть до начала 1670-х гг. продолжали использовать традиционное монгольское письмо, но лишь со времени правления хана Аюки в Калмыцком ханстве активно начинают использовать «ясное письмо». Составленные на старописьменном калмыцком языке, эти письма, несомненно, имеют огромную познавательную и научную ценность. Их авторами в большинстве своем являются представители знатной верхушки калмыцкого общества и духовенства. В письмах нашли отражение историческое мышление народа, более архаичское и упрощенное, его оценки отдельных событий и лиц. Здесь мы имеем дело с трансформацией реальных исторических фактов того времени и более раннего периода в устной народной традиции и их фиксацией в письменном виде.

При исследовании русско-калмыцких отношений возникает вполне резонный вопрос: какой из калмыцких письменных документов, отложившихся в русских архивных материалах XVII в., является наиболее ранним? Долгое время таким документом считалось послание калмыцкого тайши Дайчина русскому царю Алексею Михайловичу, датированное 1661 г. и составленное на старописьменном монгольском языке. Впервые оно было опубликовано в 1966 г.⁵

В 2008 г. в ходе исследования фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) автором были обнаружены ранее неизвестные письма калмыцких тайшей XVII в. Но наиболее ценной архивной находкой стало обнаруженное в фонде «Ногайских дел» письмо калмыцкого тайши Лузана, датированное 1642 г. Документ по содержанию небольшой, но ценность его состоит в том, что это – самое раннее из известных писем калмыцких тайшей на старописьменном монгольском языке. Наличие документа именно в Ногайском фонде, вероятно, объясняет, почему в свое время московские историки-монголоведы во главе с И.Я. Златкиным, готовившие к изданию материалы по истории русско-монгольских отношений XVII в., не могли выявить данное письмо, составляющее малую долю переписки калмыцкой знати с русскими властями.

Письмо от калмыцкого тайши Лузана в марте 1642 г. привезли в Астрахань русские посланцы Дружина Пшагин и толмач Василий Зиновьев. Астраханские воеводы – князь Никита Иванович Одоевский и князь Никита Михайлович Мезецкий – с момента своего назначения в Астрахань в 1640 г. вступили с калмыками в переговоры, на которых в первую очередь обсуждались вопросы торговли и безопасности калмыцких кочевий, еще не урегулированные окончательно.

Незадолго до этого, в октябре 1641 г. в Астрахань от тайши Сюнке, брата Лузана, прибыло торговое представительство из 100 человек во главе с послом Бюрчи, которое пригнало на продажу 1 200 лошадей. Местные власти разрешили калмыкам торг за городом,

поставив в охранение калмыцкого базара 300 стрельцов. В этом же месяце вслед прибыло еще одно представительство из 300 торговых людей, пригнавших на продажу 3 тыс. лошадей и 10 тыс. коров и овец. Это были люди тайши Санжина, другого брата Лузана, а его посол Дарын 31 октября был принят в Астрахани. Оба посла привезли подарки для царя и просили предоставить калмыкам «повольный торг». Астраханские власти пошли навстречу тайшам, разрешив продажу местному населению калмыцкой «животины»⁶.

Обратно же с калмыцкими послами астраханцы отправили к тайшам «для проведыванья» боярского сына Дружину Пшагина, толмача Василия Зиновьева с тремя стрельцами и шестью служилыми татарами. Перед ними была поставлена конкретная задача – выяснить примерное количество калмыцких людей и планы тайшей относительно Астрахани на ближайшее время⁷.

Астраханские посланцы первоначально остановились в улусе Лузана, который довольно приветливо встретил гостей. Он сообщил русским представителям, что «у великого государя в послушанье быти рад и учнет посылати в твою государеву отчину, в Астарахань, послов своих». Несмотря на свое отрицательное отношение к принятию московского подданства, Лузан отнюдь не был против того, чтобы жить с русскими «в миру и в совете». Тайша не отпустил от себя Дружину Пшагина, намеревавшегося далее отправиться к его братьям, а ограничился лишь отправкой к ним толмача Зиновьева с «государевым листом». Именно его приезд и послужил для них сигналом к отправке в Астрахань своих торговых представителей⁸. Лузан своим поступком ясно показал астраханцам, кто являлся на тот момент главным среди тайшей, и с кем им нужно было вести переговоры.

Отсутствие отца Хо-Урлюка и старшего брата Дайчина в калмыцких улусах позволило ему перехватить политическую инициативу в свои руки. Хо-Урлюк и Дайчин приняли участие в монгольско-ойратском съезде 1640 г. в Джунгарии⁹. После съезда Дайчин с частью своих улусных людей направился в составе военной экспедиции под командованием Гуши-хана в Тибет для участия в религиозной войне на стороне «желтошапочной» школы Гелугпа против сторонников «красношапочной» школы Карма Кагью. После одержанной победы в 1642 г. Дайчин на долгое время задержался в Джунгарии у своего зятя Эрдени Батура-хунтайджи, не имея возможности проехать в свои улусы в Северном Прикаспии из-за начавшейся междоусобной войны.

Еще с конца 1630-х гг. произошло планомерное разделение калмыцких улусов на две группы. Первая группа (улусы тайшей Хо-Урлюка, Дайчина, Елдена и Кирсана) откочевала на север по Тургайской ложбине ближе к западносибирским городам. Другая группа (улусы тайшей Лузана, Сюнке, Санжина и Даян-Эрке) осталась на прежних кочевьях в Северном Прикаспии. Именно с ними и сноси-

лись астраханские воеводы, сообщали им о пограничных стычках и т.д. Наступило сравнительно мирное время, хотя мелкие конфликты с соседями не прекращались. Подобная расстановка торгутских улусов была связана, в первую очередь, с урегулированием отношений с чакарскими тайшами и наметившейся консолидацией в ойратском обществе после монголо-ойратского съезда 1640 г.

В декабре 1641 г. в Астрахань прибыла очередная торговая делегация (400 торговцев с 2 тыс. голов скота и лошадей) от Лузана (посол Бердыш) и Сюнке (посол Сенгерчин). Разрешив калмыцким людям торг, астраханские воеводы поставили им в охранение 500 стрельцов. В январе 1642 г. прибыли еще 60 торговых людей тайши Санжина (посол Нима-Демчин). В охранение у них стояло 200 стрельцов. Но здесь не обошлось без конфликта. Астраханские татары ограбили и избили двух торговых калмыков из улуса Санжина. Местная администрация сразу же отреагировала на жалобу Нима-Демчина, и, разыскав виновников, посадила их в городскую тюрьму и возместила ущерб¹⁰.

Когда в феврале приехали еще 150 торговых людей от Сюнке (посол Сыргенчек), пригнавших на продажу 700 лошадей и более 1 тыс. коров и овец, то астраханские воеводы потребовали у калмыцкого представителя скорейшего возвращения русских послов из улуса Лузана. Сыргенчеку пришлось заверить астраханцев в скором возвращении Пшагина и Зиновьева из калмыцких улусов¹¹.

В марте русские послы, действительно, собрав нужные сведения, вернулись в Астрахань. В калмыцких улусах они узнали о планах тайшей совершить зимний поход на ногайцев, кочевавших по «крымской стороне» реки Волги, но когда до них дошли известия о значительном усилении астраханского гарнизона, отменили эти военные приготовления. Также стало известно им и о прошлогоднем ответном набеге калмыков на Уфимский уезд, где было захвачено в плен 300 человек. Тайши жаловались русским послам на постоянные набеги башкир, наносившие большой ущерб калмыкам. По этому поводу тайши намеревались отправить своих послов в Москву с официальной жалобой на уфимские власти и башкир.

При отъезде астраханцев из улусов Лузан в присутствии Пшагина и Зиновьева собственноручно написал письмо и передал через них воеводам. Но в Астрахани при его рассмотрении не смогли даже определить, на каком же языке написано письмо, несмотря на приглашенных знатоков многих языков. Письмо затем было отправлено в Москву. Несмотря на наличие в Посольском приказе более квалифицированных специалистов, и здесь не смогли перевести текст письма, определив только, «что калмыцкой лист писан мунгальским письмом, а по мунгальски у них никто не умеет, да и наперед сего на такое письмо переводчиков не бывало»¹². В начале XVII в. сотрудники Посольского приказа уже были знакомы с письмами на старописьменном монгольском языке от Алтын-хана.

Таким образом, калмыцкое письмо 1642 г. сохранилось в архиве и дошло до наших дней в непереуведенном на русский язык виде. Ниже приводится уже современный перевод письма тайши Лузана. Из его содержания видим, что оно адресовано не только астраханским воеводам, но и непосредственно московскому царю Михаилу Федоровичу.

Ом сувасти сидам (традиционное буддийское приветствие). Пребывает ли во здравии Великий Белый хан [и великий] Князь, а также Бояре и все [ваши] земли? Мы здесь в [добром] здравии.

Говорят, что у того, кто держит [в руках бразды] правления, седеют волосы (т.е. он проживет до глубокой старости). Когда же он будет воевать (букв. «держат в руках железо»), то погибнет (букв. «у него побелеют кости»).

Летом и зимой я непрерывно присылал [к вам людей] для торговли. Их прогнали, сказав, что их прибыло слишком много. Сами ведайте – хорошо это или плохо, кто из них враги, а кто торговцы.

Не говоря много слов, скажите, в чем наша вина¹³.

Как видно, письмо тайши Лузана изложено в традиционном эпистолярном жанре, характерном и для более поздней официальной переписки калмыцкой знати. Язык сжатый, ясный, точный, с элементами образности, и, несмотря на свою лаконичность, полон правды, жизни, динамизма и напряженности¹⁴.

Яркое тому свидетельство – очень уместно приведенная в письме мудрая калмыцкая пословица, отражающая реалии существования калмыцкого общества в XVII в.: жестокая борьба за власть и постоянные войны с внешними врагами.

На письмо поставлена красная квадратная печать-тамга Лузана, характерная для более поздних писем калмыцких ханов, написанных в XVIII в. В письмах других тайшей, современников Лузана, подобных печатей нет. По всей вероятности, тамга имеет тибетское происхождение. Ниже нее проставлены еще четыре печати темного цвета, характерные уже для татарских или ногайских мирз, кочевавших совместно с Лузаном и, видимо, подчинявшихся ему. Впрочем, печати калмыцких ханов и тайшей – особая научная область, требующая дополнительного исследования.

Вертикальная монгольская письменность была распространена среди калмыков вплоть до ведения Зая-пандитой усовершенствованного письма в 1648 г. Но, судя по калмыцким письмам 1660-х гг., оно первое время использовалось наряду с монгольским письмом. И только при хане Аюке переписка с российским правительством велась уже строго на «ясном письме». Удивительно, но с распространением письменной грамоты среди отдельных калмыцких тайшей современники связывали падение нравов. Так, тайша Кунделен-Убаши весьма нелестно отзывался об отрицательных, по его мне-

нию, последствиях распространения письменной традиции среди калмыков: «Когда не умели писать и к письмам ставить красные печати, говорили правду, а, овладев грамотой, сделались лжецами»¹⁵.

Тайша Лузан был одним из немногих калмыцких владельцев того времени, кто владел письменной грамотой. Это, очевидно, было связано с событиями начала XVII в., когда калмыцкие тайши вслед за монгольскими правителями приняли буддизм в качестве официальной религии. Первенствующий тайша Ойратского союза хошутский Байбагас под влиянием буддийского вероучения решил принять монашеский сан, вызвав тем самым недоумение среди его соратников. Чтобы предотвратить уход в монашество столь уважаемого и авторитетного ойратского вождя, каждый из 33-х старших тайшей отдал вместо него по одному своему сыну в послушники-банди для принятия духовного звания. Например, хошутский Байбагас отправил учиться в Тибет усыновленного Зая-пандиту. Хо-Урлюк же со своей стороны отдал третьего сына – Лузана¹⁶.

Благодаря буддийским учителям и тибетской школе, он, видимо, овладел не только старописьменным монгольским языком, но и тибетским. Но, как показали дальнейшие события, Лузан все-таки не стал буддийским монахом, как его знаменитый «однокашник» Зая-пандита, но грамотой вполне овладел и тем самым в дальнейшем заложил начало письменной традиции у волжских калмыков.

Реже в документах официальной переписки между калмыцкими тайшами и русскими центральной и местными властями встречаются письма на старотатарском (чагатайском тюрки) или, что еще реже, на персидском (фарси) языках. Причем татарский на юге России в это время служил и языком международного общения, в том числе между калмыками и русскими. Первоначально представители центральных и местных органов власти России выступали против присылки к ним от тайшей писем на калмыцком или монгольском языках. Только примерно с конца XVII в. среди приказных служителей появились толмачи, умеющие переводить письма и грамоты с калмыцкого языка. В дальнейшем обращение к письменности и истории калмыцкого народа дали в России мощный толчок развитию такой важной области ориенталистики как научное монголоведение.

Выявление и исследование писем ойратских тайшей должно быть комплексным при участии историков, лингвистов, источниковедов, этнографов, фольклористов и других специалистов. Как отметил в свое время Н.Н. Пальмов, историк калмыцкого народа должен искать содействия специалистов монгольской и тюркской филологии в переводе текстов писем тайшей на русский язык, что сделает их достоянием широкого круга ученых¹⁷. Но работа по выявлению и публикации подобных писем, к сожалению, продвигается с большим трудом, практически на энтузиазме нескольких ученых.

Таким образом, если учесть, что количество еще неизвестных

калмыцких писем в российских архивах велико и их выявление продолжается, то дальнейшее исследование и сопоставление представляют крайне важное и перспективное направление в монголоведении.

Примечания Notes

¹ *Котвич В.Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII – XVIII вв. // Известия Российской академии наук: VI серия. 1919. Т. 13. № 12-15. С. 815.

² *Котвич В.Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII – XVIII вв. // Известия Российской академии наук: VI серия. 1919. Т. 13. № 12-15. С. 1093.

³ *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972. С. 80.

⁴ *Яхонтова Н.С.* Ойратский литературный язык XVII века. М., 1996. С. 12.

⁵ *Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: Образование Калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С. 141.

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 271–275.

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 16–17.

⁸ Там же. Л. 107–108.

⁹ *Санчилов В.П.* Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 18.

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 21–23.

¹¹ Там же. Л. 64–66, 105–106.

¹² Там же. Л. 111–113.

¹³ Там же. Л. 112.

¹⁴ *Сусеева Д.А.* Письма хана Аюки и его современников (1714 – 1724 гг.): Опыт лингвосociологического исследования. Элиста, 2003. С. 15.

¹⁵ *Габан Шараб.* Сказание о Дербен Ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003. С. 91, 92.

¹⁶ Там же. С. 91.

¹⁷ *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста, 1992. С. 28.

Автор, аннотация, ключевые слова

Тепкеев Владимир Толтаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста) tvt75@mail.ru

Изучение исторического прошлого калмыцкого народа существенно осложняется тем обстоятельством, что в условиях кочевого образа жизни и перенесенных потрясений собственные документы кочевников сохранились далеко не полностью. Тем большее значение приобретают сохранившиеся в российских государственных архивах письма калмыцких ханов и различных представителей калмыцкой знати, которые они писали русским царям. При исследовании взаимоотношений между Калмыцким ханством и Российским государством возникает закономерный вопрос: какой из калмыцких документов эпистолярного жанра, сохранившихся в архивах московских учреждений, является наиболее ранним? Долгое время таким документом считалось послание калмыцкого тайши Дайчина русскому царю Алексею Михайловичу, датированное 1661 г. Впервые оно было опубликовано в 1966 г. В настоящей статье рассказывается об уникальной архивной находке – письме калмыцкого тайши Лузана, датированном 1642 г. и отправленном царю Михаилу Федоровичу. Письмо было обнаружено автором статьи в Ногайском фонде Российского государственного архива древних актов. Наличие этого письма именно в Ногайском фонде, вероятно, объясняет, почему московские историки-монголоеды в 1950-е – 1960-е гг., когда готовили к изданию документы по истории русско-монгольских отношений XVII в., не смогли выявить его. И хотя письмо тайши Лузана – небольшое, оно раскрывает характер политических и экономических отношений между русскими и калмыками в те времена. Кроме того, оно показывает начало становления письменной традиции калмыцкого народа.

Калмыцкое ханство, калмыцкая знать, калмыки, калмыцкая письменность, Российское государство XVII в., царь Михаил Федорович, русско-калмыцкие отношения, внешняя торговля, Астрахань.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Kotvich V.L. Russkie arkhivnye dokumenty po snosheniyam s oyratami v XVII – XVIII vv. [Russian Archival Documents on Relations with the Oirats in the 17th and 18th Centuries.]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk: VI seriya*, 1919, vol. 13, no. 12-15, pp. 791–1214. (In Russ.).

2. Sanchirov V.P. Istoricheskoe znachenie Dzhungarskogo sezda mongolskikh i oyratskikh knyazey 1640 g. [The Historical Significance of the Dzungarian Congress of Mongolian and Oirat Princes, 1640.]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2009, no. 2, pp. 15–19. (In Russ.).

(Monographs)

3. Kara, György. *Knigi mongolskikh kochevnikov (sem vekov mongolskoy pismennosti)* [The Books of the Mongolian Nomads (Seven Centuries of Mongolian Writing)]. Moscow, 1972, p. 80. (In Russ.).

4. Kichikov M.L. *Istoricheskie korni druzhby russkogo i kalmytskogo nar-*

odov: *Obrazovanie Kalmytского gosudarstva v sostave Rossii* [The Historical Roots of the Friendship between the Russian and Kalmyk Peoples: The Creation of the Kalmyk State within Russia]. Elista, 1966, p. 141. (In Russ.).

5. Palmov N.N. *Oчерk istorii kalmytского naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii* [An Essay on the History of the Kalmyk People during Their Sojourn in Russia.]. Elista, 1992. p. 28. (In Russ.).

6. Suseeva D.A. *Pisma hana Ayuki i ego sovremennikov (1714 – 1724 gg.): Opyt lingvosotsiologicheskogo issledovaniya* [The Letters of the Khan Ayuka and his Contemporaries (1714 – 1724): A Linguistic-Sociological Investigation]. Elista, 2003, p. 15. (In Russ.).

7. Yahontova N.S. *Oyratskiy literaturnyi yazyk XVII veka* [The Oirat Literary Language of the 17th Century.]. Moscow, 1996, p. 12. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Vladimir T. Tepkeev – Candidate of History, Senior Research Fellow, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)
tvt75@mail.ru

Studying the past of the Kalmyk people is considerably complicated by the fact that their nomadic lifestyle and dramatic developments they had to go through did not allow their own written records to survive in a sufficient way. Therefore, this adds still more value to the letters written by Kalmyk Khans and Kalmyk nobility to Russian Tsars which are kept in Russian state archives. A research on relations between the Kalmyk Khanate and the Russian State naturally raises the question: which of the Kalmyk epistolary documents preserved in the archives of Moscow institutions is the earliest one? For a long time it was believed that such document was the letter dated 1661 which was written by Kalmyk ruler and overlord Daichin to Russian Tsar Alexey Mikhailovich. It was first published in 1966. The present article describes the unique archival find: a letter of Kalmyk ruler and overlord Luzan dated 1642 to Tsar Mikhail Fedorovich. The letter was discovered by the author in the Nogaïsk Fund of the Russian State Archives of Ancient Documents. The fact that the letter was kept in the Nogaïsk Fund may explain why Moscow historians-Mongolists failed to spot it as, back in the 1950s – 1960s, they were preparing documents on Russian-Mongolian relations in the 17th century to be published. Although Luzan's letter is rather short, it does reveal what the political and economic relations between the Russians and Kalmyks at that time were like. Moreover, it demonstrates the start of written traditions of the Kalmyk people.

Kalmyk Khanate, Kalmyk nobility, Kalmyks, Kalmyk writing, Russian State (Muscovy), Tsar Mikhail Fedorovich, Russian-Kalmyk relations, international trade, Astrakhan (City of).

М.А. Липкин

«МИРОВОЙ КООПЕРАТИВ НАРОДОВ»: СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ, КОТОРЫЙ ПЫТАЛСЯ ПОСТРОИТЬ Н.С. ХРУЩЕВ*

M. Lipkin

The “Global Cooperative of Peoples”: The Council for Mutual Economic Assistance that Nikita Khrushchev Tried to Build

В своих программных выступлениях – на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. и на XVI внеочередной сессии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в июне 1962 г. – Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев делился своим видением светлого коммунистического будущего. В брошюре, опубликованной в 1962 г. Госполитиздатом под заголовком «Насущные вопросы развития мировой социалистической системы», он обращался к теоретическому наследию В.И. Ленина, который связывал светлое будущее с единым мировым кооперативом. «Но образование “мирового кооператива народов”, – отмечал Хрущев, – длительный, сложный и многосторонний процесс. Главное – не только хозяйственно-экономическая кооперация, но и идейное, политическое и культурное сближение социалистических народов, в ходе которого окончательно исчезнут недоверие и отчужденность наций, порожденные капитализмом, и восторжествует дух братства, дружбы и сотрудничества»¹.

XXII съезд КПСС заслуживает отдельного изучения, что выходит за рамки данной статьи. Находясь как бы в тени знаменитого XX съезда, он имел не менее важное значение для развития страны, особенно в экономической сфере и с точки зрения целеполагания советского глобального лидерства. Появляется понятие «генеральной перспективы» – развития до 1980 г. Вслед за СССР все страны СЭВ начинают прорабатывать свои планы долгосрочного развития. СЭВ же становится площадкой согласования этих долгосрочных планов. Прямым продолжением того курса, который был провозглашен на XXII съезде КПСС, стали попытки радикальных реформ в СЭВ – ядре «мировой системы социализма», каким его видел Хрущев.

Документальному разбору нюансов и интриг – как внутри СЭВ,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «“Мировая система социализма” и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР» (№ 17-18-01728).

так и внутри руководства СССР – вокруг попыток Кремля расширить наднациональные полномочия СЭВ посвящена данная статья.

* * *

В историографии СЭВ существует периодизация, выделяющая три этапа в его развитии: первый – с момента образования до смерти И.В. Сталина (1949 – 1953 гг.), второй – с момента начала постепенного усиления экономического потенциала СЭВ в 1954 г. и до начала разработки Комплексной программы социалистической интеграции (1954 – 1969 гг.), третий – после разработки и принятия Комплексной программы социалистической интеграции в 1971 г.²

Главное действующее лицо второго этапа развития СЭВ – советский лидер Никита Сергеевич Хрущев – обладал собственным видением этапов развития этой организации, также провозгласив в 1962 г. наступление «новой ступени» в развитии СЭВ³. Однако он связывал ее с развитием мировой социалистической системы в целом и с принятием «Основных принципов международного социалистического разделения труда», борьба вокруг наполнения которых конкретным содержанием и стала сутью реформы СЭВ в 1962–1963 гг.⁴

Согласно видению Хрущева, если в начале 1950-х гг. СЭВ был «по существу военно-политический союз социалистических государств» (и действительно, закрытые оборонные статьи во взаимозачетах по линии СЭВ занимали большое место даже после образования Организации Варшавского Договора в 1955 г.), то затем «сложился и окреп мировой социалистический рынок, в развитии которого участвуют все социалистические государства – Советский Союз, народный Китай, народно-демократические страны Европы и Азии»⁵. На этой новой ступени упор сделали на развитии экономического интеграционного потенциала СЭВ, при том что никто из советских руководителей не употреблял слова «интеграция». В отличие от западных интеграционных моделей (ОЭСР, ЕЭС) социалистический проект в видении Хрущева приобретал мессианский характер, речь шла именно про его увязку с мировой системой социализма, про перерастание проектом рамок Европы и подключение к нему социалистических стран других континентов.

«Необходимость согласования национальных народнохозяйственных планов в масштабе мировой социалистической системы диктуется объективным экономическим законом планомерного и пропорционального развития социалистического хозяйства», – говорилось в брошюре Хрущева «Насущные вопросы развития мировой социалистической системы». И далее: «Если мы научимся использовать действие этого закона в рамках всей социалистической системы или на первых порах в рамках организации стран СЭВ, если мы укрепим *плановые начала* [Здесь и далее выделено нами. – М.Л.] не только национальных хозяйств, но и всей системы эко-

номических отношений между нашими странами, мы сможем *развивать мировое социалистическое хозяйство* еще более быстрыми темпами, получим больший простор для маневрирования экономическими ресурсами, сможем вести производство более экономично, с минимальными затратами»⁶.

В этом «положении» была изложена суть видения Хрущевым социалистической плановой альтернативы рыночным интеграционным объединениям стран Запада. Хрущев верил в возможности применения преимуществ экономики большого масштаба, которые уже демонстрировал к тому времени созданный в 1957 г. «Общий рынок» (ЕЭС) шести западноевропейских стран. Он верил в возможность трансформации созданного «по приказу» аморфного сталинского СЭВ в эффективный наднациональный «супергосплан» «по интересу» всего социалистического мира, более справедливого и выгодного для участников, с его точки зрения, чем рыночные модели, которые предлагал Запад.

В еще более откровенном варианте его видение задач СЭВ было озвучено на закрытых заседаниях Президиума ЦК КПСС в конце 1962 г. Как следует из опубликованной стенографической записи выступления Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 5 ноября 1962 г., идеи, изложенные в брошюре, получили дальнейшее развитие. Кооперирование народов в его представлении означало введение суперпланирования на надгосударственном уровне в интересах всего СЭВ: «Нам же надо не отрываться, а через экономику идти к слиянию государств. Капиталистические страны идут на слияние экономики, на кооперирование, а мы идем на отталкивание... Надо рассматривать средства и ресурсы социалистических стран, что они являются ресурсами нашего социалистического лагеря, тем более СЭВа. Когда мы будем рассматривать эти планы, то надо рассматривать их не с позиции одного государства, а с позиции потребностей всех социалистических государств, входящих в СЭВ»⁷.

Советский лидер верил в возможность взаимовыгодного «органического сращивания экономик» стран СЭВ и особое внимание (как и в ходе экономической реформы в СССР) уделял органу планирования и совместным инвестициям – капиталовложениям в производство и переработку с акцентом на новые обрабатывающие отрасли, такие как химическая промышленность⁸. Хрущев так объяснял выбранный момент времени и суть реформы: «У нас сейчас сложились хорошие взаимоотношения. Раньше, при Сталине, было не доверие, а страх, а сейчас страх исчез, а доверие выросло. Это самое главное. Нам безгранично верят тт. Гомулка, Кадар, Георгиу Деж, Ульбрихт. Если они нас считают лидерами, то давайте это лидерство покажем на деле»⁹.

СССР стал лидером в деле реформирования внутренней экономики, особенно после XXII съезда КПСС, когда появилось понятие «генеральной перспективы» развития страны до 1980 г. По примеру

СССР долгосрочным планированием на 20-летнюю перспективу занялись все страны СЭВ. Но что было не очевидно и выпадало из ракурса исследователей до сих пор: СССР как лидер увязывал свою внутреннюю реформу с внешней реформой СЭВ. «Перестройку, на наш взгляд, надо провести не медля, имея в виду, что мы уже приступили к разработке и координации народнохозяйственных планов по 1980 год», – говорилось в одном из рабочих вариантов выступления советского представителя на XVI внеочередной сессии СЭВ¹⁰.

Полудетективная история созыва XVI внеочередной сессии СЭВ в июне 1962 г., последовавшая за новой программой развития на долгосрочную перспективу, декларированной на XXII съезде КПСС, как и вся предыстория и ход реформирования этой организации в 1961–1964 гг. оставались практически вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей. На уровне документальных исторических публикаций отражение нашли в основном двусторонние аспекты взаимоотношений лидеров стран СЭВ¹¹, а вся «кухня» согласования и принятия решений советской стороной до сих пор оставалась за рамками ведущих исследовательских направлений. В то же время интерес к этой теме постепенно возрождается в странах Восточной и Центральной Европы. Примером могут служить готовящиеся к публикации в 2018 г. материалы международной конференции “Economic entanglements in East-Central Europe and the COMECON’s position in the global economy (1949 – 1991)”, состоявшейся в 2012 г. в Лейпциге.

В соответствии с решением XV сессии СЭВ (декабрь 1961 г.), в соответствии с Правилами процедуры, созыв очередной XVI сессии СЭВ был назначен на 5 июня 1962 г. в Бухаресте¹². И вдруг, в нарушение всех регламентов и правил, в июне 1962 г. созывается внеочередная XVI сессия СЭВ в Москве, причем в крайне странной форме продолжения международного партийного совещания и с абсолютной «революционной» повесткой дня.

Уже 28 декабря 1961 г. Президиум ЦК КПСС дал поручение подготовить и обосновать внеочередную сессию СЭВ в мае 1962 г.¹³ Как следует из формулировок основного вопроса, который выносился на эту экстраординарную сессию, она должна была увязать развитие СЭВ с развитием народнохозяйственных планов ее членов до 1980 г. – новой экономической установкой СССР, принятой на XXII съезде КПСС.

Возможно, отчасти попытке провести реформу через созыв сессии «сверху» с использованием идеологических партийных инструментов (в виде партийной встречи, перерастающей в сессию СЭВ) способствовал провал советского предложения об усилении Постоянной Комиссии СЭВ по электроэнергии в 1961 г.

В отчете о XV сессии СЭВ 12–15 декабря 1961 г. в Варшаве содержится крайне нехарактерное для советских документов описание отказа стран-членов СЭВ поддержать советское предложение,

по сути – провала советской инициативы. Как следует из отчета, советский представитель, выполняя директивы из Москвы, внес предложение о том, чтобы поручить Чехословакии руководство центральным диспетчерским управлением объединенной энергосистемы стран-членов СЭВ. Все согласования между заинтересованными сторонами и иные вопросы, связанные с деятельностью этого управления, предлагалось поручить не некоему новому международному органу, а Постоянной Комиссии СЭВ по электроэнергии. Однако все другие представители стран-членов СЭВ не поддержали эту инициативу, а чехословацкая сторона удивительным образом отказалась принять на себя руководство центральным диспетчерским управлением. Главным аргументом послужило то, что «принятие предложения Советской стороны создало бы лишние ступени в рассмотрении вопросов диспетчерского управления и потребовало бы от Постоянной Комиссии СЭВ по электроэнергии решения таких вопросов, которые выходят за рамки компетенции постоянных комиссий, предусмотренных в Уставе Совета Экономической Взаимопомощи», – говорилось в отчете¹⁴.

В итоге было принято решение образовать в 1962 г. специальный международный орган – Центральное диспетчерское управление объединенной энергосистемы стран-членов СЭВ со штаб-квартирой в Праге. Оно управлялось Советом из представителей стран-членов СЭВ и имело небольшой аппарат технических специалистов из разных стран, возглавляемых директором¹⁵. Советская попытка создать прецедент для усиления наднациональных полномочий Постоянных Комиссий СЭВ не удалась.

Подготовка мероприятия со стороны СССР велась в разных ведомствах, но центральной фигурой здесь стал Владимир Николаевич Новиков – председатель Госплана СССР (по июль 1962 г.), с июля по ноябрь 1962 г. – представитель СССР в СЭВ, с ноября 1962 г. по март 1965 г. – глава созданной в рамках хрущевской реформы специальной Комиссии по вопросам СЭВ в Президиуме Совета Министров СССР.

Как следует из документов бывшей секретной части Госплана СССР, свою версию обоснования этого необычного мероприятия готовил Госплан СССР. Доступны две версии записки по этому вопросу на имя В.Н. Новикова. Первая – от его заместителя Н.М. Силуянова, датированная 18 января 1962 г. И вторая, более проработанная, – совместная от Н.М. Силуянова и А.Н. Задемидко, датированная 2 апреля 1962 г.

Последняя наиболее интересна, так как представляет собой проект письма в ЦК КПСС с обоснованием необходимости созыва СЭВ в форме внеочередной сессии и примерной схемой подготовки выступления советского представителя на этой сессии.

Вот что говорилось в проекте записки Новикова в ЦК КПСС об обосновании выбора даты и формы сессии СЭВ: «Полагал бы целе-

сообразным провести Совещание Первых Секретарей ЦК братских партий и Глав Правительств стран-членов СЭВ во второй половине мая 1962 года в форме внеочередной сессии Совета Экономической Взаимопомощи на высшем уровне. Это, по нашему мнению, упростило бы процедуру согласования созыва Совещания, позволило бы привлечь на Совещание, в соответствии с Уставом СЭВ, в качестве наблюдателей представителей стран Азии и автоматически исключило участие албанских представителей, поскольку Албанская сторона заявила о своем нежелании в настоящее время участвовать в работе органов Совета»¹⁶.

Что касается упрощения процедуры согласования совещания (и его созыва чуть раньше, чем было запланировано на XV сессии, – июнь 1962 года в Бухаресте) – то, действительно, такой формат позволял лишить недовольных членов возможности выхолостить его содержание. Этому же способствовала смена места проведения сессии – с Бухареста на Москву. Примечательно, что если в первой, январской, версии записки центральной темой совещания провозглашалось «О дальнейшем развитии международного социалистического развития труда, специализации и кооперирования производства в связи с координацией народнохозяйственных планов стран-членов СЭВ на период по 1980 год»¹⁷, то в апрельской использовалась более нейтральная формулировка: «об актуальных проблемах экономического сотрудничества стран-членов СЭВ»¹⁸.

Именно так назывался центральный документ польской стороны – доклад Владислава Гомулки и Юзефа Циранкевича, который санкционировался советской стороной: «Представляемые предложения исходят из того, что ЦК КПСС поддерживает инициативу ЦК ПОРП и Правительства ПНР о созыве указанного выше совещания, в основном разделяет ту оценку нынешнего состояния экономических связей и организации экономического сотрудничества между странами-членами СЭВ, которая дана в докладе тт. Циранкевича и Гомулки “Актуальные проблемы сотрудничества стран-членов СЭВ” и в принципе положительно относится к предложениям, содержащимся в упомянутом докладе»¹⁹.

Крайне интересный и до конца не полностью проясненный вопрос – кто выступал главным инициатором перемен в СЭВ?

На конференции по альтернативным европейским интеграционным проектам, состоявшейся в Хельсинки в октябре 2017 г., исследователи из Японии, Финляндии и России пришли к удивительному заключению: главными инициаторами как перемен в СЭВ, так и перемен в отношениях СЭВ с ЕЭС и другими организациями зачастую становился не СССР, а сами страны-члены СЭВ, в особенности ПНР и ЧССР. Москва порою была достаточно инертна и реагировала – часто с большим опозданием – на призывы ускорить, улучшить, усилить те или иные аспекты деятельности СЭВ. Как показывает последнее исследование по проблеме взаимного признания СЭВ и

ЕЭС в начале 1970-х гг., именно бурные дебаты в стане СЭВ побудили Москву отказаться от традиционной политики непризнания реалий в Западной Европе и протянуть руку аналогичным многосторонним структурам на волне успешной работы СБСЕ.²⁰

В случае с повесткой XVI внеочередной сессии СЭВ, как следует из анализа польского доклада советскими партийно-государственными чиновниками, речь тоже шла об удачно подвернувшейся под руку польской инициативе углубления интеграции в СЭВ, причем некоторые из польских предложений даже казались советской стороне слишком смелыми и преждевременными. Таким образом, это был не написанный под диктовку Москвы план, а удачный экспромт польской стороны.

В проекте позиции советской стороны при обсуждении деталей созыва внеочередной сессии на встрече с членом Политбюро и Секретарем ЦК ПОРП З. Клишко (подготовленном совместно Отделом ЦК КПСС и Советским Представительством СССР в СЭВ) 30 марта 1962 г. подчеркивалось, что «ЦК КПСС считает необходимым созыв совещания, которое можно было бы провести в форме внеочередной сессии Совета Экономической Взаимопомощи на высшем уровне или просто как Совещание первых секретарей братских партий и глав правительств стран-членов СЭВа (без Албании)»²¹. Для СССР, как показывают и другие документы, главным было поднять авторитет СЭВ и закрепить регулярность (один раз в год) проведения встреч на высшем уровне. Албания на тот момент формально еще не была исключена из СЭВ, хотя прекратила свое участие в работе и СЭВ, и ОВД после ссоры с Москвой, произошедшей в 1961 г.²² Документ подтверждал согласие с польской точкой зрения о необходимости углубления экономического сотрудничества в рамках СЭВ, но высказывался крайне настороженно в отношении польской идеи создать «Политико-экономический Совет» в структуре СЭВ²³.

Та же мысль повторяется в другом документе – анализе польских предложений, озаглавленном «К вопросу улучшения деятельности Совета Экономической взаимопомощи», который был подготовлен на имя Новикова Силуяновым в апреле 1962 г. Из него следует, что советская сторона принимала польские предложения не просто об усилении СЭВ, а о переименовании всей организации.

«Программа КПСС подчеркивает, что характерными чертами отношений между странами социалистического содружества являются “братская взаимопомощь и сотрудничество”. Руководствуясь этим указанием и имея в виду, что экономическое сотрудничество между социалистическими странами, особенно на данном этапе, не ограничивается только взаимопомощью, целесообразно переименовать Совет Экономической Взаимопомощи в Организацию Экономического Сотрудничества (ОЭС) или Организацию Экономического Сотрудничества и Взаимопомощи (ОЭСВ)»²⁴.

По сути, тем самым предлагалось превратить СЭВ в клон

Организации экономического сотрудничества и развития (в которую пытался вступить СССР в 1960 г.)²⁵. В некотором роде это было продолжением дискуссии и предложений, которые высказывались МИД СССР еще в 1960 г. Именно тогда Отдел международных экономических организаций (ОМЭО) подготовил проект письма в ЦК КПСС «Об улучшении разделения труда между социалистическими странами с целью усиления темпов экономического развития и взаимозависимости»²⁶.

В проекте ОМЭО МИД СССР предлагалось созвать в Москве совещание Председателей Советов министров стран-членов СЭВ с целью принять программу из 10 пунктов:

1. принять в члены СЭВ все социалистические страны;
2. принять декларацию с определением профиля хозяйственного развития каждой из стран;
3. создать единую по отношению к внешнему капиталистическому миру систему монополии внешней торговли всех стран социалистического лагеря.
4. ввести в странах социалистического лагеря единую валюту; учредить банк международных расчетов соцстран с правом контроля и экономических санкций за недобросовестное выполнение взаимных поставок; ввести систему многостороннего клиринга для взаиморасчетов соцстран;
5. превратить СЭВ из совещательного органа «в рабочий орган оперативного руководства и организации экономического сотрудничества социалистических стран», где постоянно действующий орган – Совещание заместителей – принимает решения, вырабатывает рекомендации или дает заключения, при этом (отмечалось впервые) установить, что решения Совещания заместителей являются обязательными для исполнения участниками СЭВ;
6. учредить координирующий орган – Совета Министров СЭВ («подобно функционирующему с 1952-го года в странах “Малой Европы”») [То есть наднационального «Верховного органа» ЕОУС. – *М.Л.*];
7. организовать группу перспективного планирования экономики соцстран;
8. создать Объединенный научно-исследовательский экономический институт стран соцлагеря для разработки теории социалистического разделения труда;
9. установить прямые контакты между научно-исследовательскими институтами СЭВ с целью избежать параллелизма в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок;
10. начать издание открытого журнала – печатного органа СЭВ²⁷.

Долгое время судьба предложений МИД считалась неизвестной, однако, судя по комментариям и предложениям, которые прорабатывались в рамках подготовки к XVI внеочередной сессии СЭВ, они практически точь-в-точь соответствовали установкам советской

стороны в 1962 г.

Об этом говорят как положения уже упомянутого документа «К вопросу улучшения деятельности Совета Экономической взаимопомощи» 1962 г., так и ход самой сессии и ключевых инициатив, принятых в рамках нее и особенно после нее.

Предлагалось учредить вместо нерегулярных сессий постоянно действующий орган – Исполнительный Комитет, с широкими полномочиями²⁸. Предлагалось повысить роль Постоянных Комиссий и наделить их дополнительными правами²⁹. Предлагалось учредить дополнительные постоянные комиссии³⁰. Ставился вопрос об изменении прав в принятии решений в рамках СЭВ как шага к их большей обязательности и к передаче полномочий по решению более существенных, чем просто организационных и методологических, вопросов экономического развития соцлагеря³¹. Предполагалось повысить роль и ответственность Секретариата Совета, учредить объединенные международные научно-исследовательские институты³². В связи с возрастанием роли СЭВ для экономики СССР ставился вопрос об улучшении и организации руководства Советской части СЭВ и советских организаций, призванных выполнять решения реорганизуемой организации – ОЭСВ (СЭВ). В ряде документов предлагалось учредить Бюро по вопросам СЭВ при Совете Министров СССР³³. В итоге после июньской сессии СЭВ в 1962 г. была создана специальная Комиссия в Президиуме Совета Министров СССР, которую возглавил Новиков.

Конечно, в подготовительных версиях выступления советского представителя вводились специальные успокаивающие заверения, что никакого ущемления национального суверенитета не будет. Ссылаясь на предложение «польских друзей», в нем говорилось, что «наделение органов Совета правом принятия обязательных для стран решений не будет, естественно, нарушать их суверенитета. Оно не поставит Совет в положение наднациональной организации, как это имеет место в капиталистическом мире. Мы, конечно, не собираемся следовать примеру таких наднациональных экономических объединений капиталистических стран, как Европейское объединение угля и стали и Европейское экономическое сообщество. Нам это ни к чему. Нас не разделяют внутренние противоречия, присущие капитализму»³⁴.

Однако знакомство с «Уточненным планом материалов к выступлению советского представителя» заставляет усомниться в искренности этих заверений. В этом документе, датированном 9 мая 1962 г., содержался вполне откровенный набор тезисов, которые следовало развивать указанным в качестве исполнителей по подготовке материала профильным советским ведомствам. В разделе «Теоретические аспекты хозяйственного строительства в масштабе мировой социалистической системы (готовил Отдел ЦК КПСС), находим: «Выравнивание общей линии экономического развития –

основа создания в будущем единого коммунистического хозяйства. Необходимость исторического этапа развития мировой социалистической экономики в рамках национальных государств. Постепенное стирание национальных хозяйственных границ и барьеров путем экономического выравнивания и углубления экономического сотрудничества»³⁵.

В такой трактовке безобидное на первый взгляд «углубление экономического сотрудничества» означало однозначное введение наднационального управления и отмирание национальных границ – социалистический аналог капиталистической интеграции, только через плановую экономику. Именно за это осуждая западные модели на словах, советские плановики на самом деле совершенно очевидно шли к тому же.

Если по части внутренней перестройки СЭВ партийно-государственное руководство СССР во многом шло в кильватере порою еще более радикальных предложений «польских товарищей», то в вопросе вывода СЭВ на общемировой уровень инициатива явно исходила от советской стороны. Так в уже упоминавшемся документе о советской позиции на встрече с членом Политбюро и Секретарем ЦК ПОРП З. Клишко говорилось о желательности запросить мнение польской стороны о том, не считает ли она должным юридически снять «европейские границы», открыв доступ в СЭВ неевропейским социалистическим странам³⁶.

В наиболее развернутом виде это предложение нашло свое отражение в документе, подготовленном Силуяновым на имя Новикова с целью передачи на согласование первому заместителю Председателя Совета Министров А.Н. Косыгину. Этот документ был включен в подготовительные материалы об организационной перестройке СЭВ от 21 мая 1962 г. – уже незадолго до созыва внеочередной сессии. В нем обозначалась проблема, связанная с тем, что «экономическое сближение социалистических стран наталкивается на территориальную ограниченность СЭВ»³⁷.

В документе объяснялось, что это возникло исторически, так как СЭВ создавался в противовес империалистическим организациям и союзам в Европе (естественно, имелись в виду «План Маршалла» и НАТО, а позже – ЕОУС, ОЭСР и ЕЭС). «Но на первый план теперь выступают задачи расширения сотрудничества стран социализма в рамках мировой социалистической системы в целом, как это вытекает из ее внутренних потребностей, а не только в связи с борьбой против тех или иных региональных империалистических блоков», – говорилось в обосновании такого шага³⁸. Апеллируя к решениям ноябрьского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г., обосновывалась необходимость открыть доступ к участию в обсуждении в СЭВ вопросов международного социалистического разделения труда, координации народнохозяйственных планов, торговли со странами капитализма, экономической полити-

ки в отношении слаборазвитых стран»³⁹.

Кто же были эти потенциальные новые члены СЭВ с точки зрения советских плановиков? «В настоящее время на трех континентах имеются страны, которые идут по пути социализма, но пока не являются членами СЭВ: социалистические страны Азии, в Европе – Югославия и в Латинской Америке – Куба. Каждая из этих стран имеет свои особенности развития, но сближение с действующей в социалистическом содружестве коллективной организацией экономического сотрудничества является и для этих стран объективной потребностью и общей закономерностью»⁴⁰.

Советский представитель в этом проекте выступления на сессии в дискуссионной манере должен был говорить «давайте подумаем» и дальше предлагать желаемые для СССР формы участия неевропейских социалистических стран в работе СЭВ. «Будет ли это специальный орган по координации экономической политики социалистических стран, не входящих в настоящее время в СЭВ или эти страны на равноправных условиях будут участвовать в отдельных органах Совета, как, например, в Комиссиях СЭВ по внешней торговле, координации технического содействия слаборазвитым в экономическом отношении странам, или по транспорту – иными словами важно то, чтобы на новом этапе экономического развития мировой социалистической системы в коллективном органе экономического сотрудничества в той или иной форме принимали участие все страны социализма»⁴¹.

Таким образом, в Москве обновление СЭВ мыслилось не просто как углубление интеграции среди его стран-основателей, не просто «супергосплан» с элементами наднациональности, а как преобразование этой организации в общемировую структуру, сравнимую с деятельностью Коминформа и Коминтерна, только использовавшее экономическое, а не идеологическое и военное оружие в глобальных масштабах.

И одним из важнейших решений XVI внеочередной сессии СЭВ стало изменение Устава, исключившее термин «Европа» и позволившее тут же, на XVI сессии принять в ряды СЭВ первого азиатского члена – Монголию. Другим важным решением стало учреждение не фигурировавшей в первоначальных подготовительных документах советской стороны Постоянной комиссии по координации технического содействия, ориентированной именно на выработку общей политики в отношении стран «третьего мира» с целью включения их в орбиту мировой социалистической системы во главе с СЭВ.

Вообще, выход на мировую арену, активное участие во внешней политике бывших колоний («неоколониализм»), в котором соцстраны обвиняли западный «Общий рынок» в начале 1960-х гг., был характерен и для развития СЭВ. Именно новое, мировое, внешнеполитическое измерение, появляется как в планах, так и в дискуссиях на сессиях СЭВ. Это обнаруживается и в обсуждении вопросов

поднятия международно-правового статуса СЭВ, его участия его как выразителя интересов всех стран-членов в различных других международных организациях (в первую очередь – контакты с ЕЭК ООН), и в согласовании общей политики в отношении стран «третьего мира» и «капстран» (вплоть до выработки единых ставок по выплатам специалистам, направляемым, скажем, в арабские страны Востока).

Совершенно неожиданным образом в 1962 г. на заседании Исполкома СЭВ выступил Представитель СССР в ООН В.А. Зорин с информацией о подготовке в СССР к первой конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)⁴². На самой первой сессии ЮНКТАД в 1964 г. с пламенной речью выступил приглашенный ООН секретарь СЭВ Н.В. Фаддеев. СССР специально подключил СЭВ к разработке принципов новой всемирной международной торговой организации и пытался повлиять на решения ГАТТ через страны-члены СЭВ в ГАТТ, оставаясь вне участников этой организации и по сути оппонировав ей через ЮНКТАД и СЭВ.

Документы СЭВ показывают: на заседаниях как ежегодных сессий, так и Исполкома и отраслевых Постоянных комиссий удивительно часто в своей аргументации как советские, так и другие делегаты использовали аргумент внешнеполитического вызова со стороны западных интеграционных объединений в качестве императива к углублению интеграции в социалистическом содружестве.

XVI внеочередная сессия СЭВ не просто приняла экстерриториальные изменения в Уставе, самое главное – она внесла существенные изменения в формулировки целей СЭВ и в его организационную структуру.

На сессии председательствовал сам Хрущев. В протоколе сессии была зафиксирована неудовлетворенность имплементацией разработанных на XV сессии СЭВ в 1961 г. «Основных принципов международного социалистического разделения труда». Сессия провозгласила, что координация долгосрочных планов (на 5–15–20 лет) должна стать основным методом деятельности СЭВ. «Координация планов позволит более рационально размещать производство сырья, топлива и материалов, тяжелых машин и оборудования, а также создаст благоприятные условия для международного объединения энергетических систем, водного, автомобильного и железнодорожного транспорта», – отмечалось в протоколе сессии⁴³.

Устанавливались очень сжатые сроки координации планов экономического развития стран СЭВ до 1980 г. – «завершить в 1962–1963 гг.», – для чего Совещание представителей стран в СЭВ преобразовывалось в постоянный Исполнительный Комитет СЭВ⁴⁴. Давалась также установка применительно к совместным капиталовложениям членов СЭВ: уже в 1963 г. приступить к координации капиталовложений в добывающую и перерабатывающие отрасли на последние годы пятилетки – то есть 1964 и 1965 гг. При этом, – очевидно,

для быстрого достижения конкретных результатов – давалось важное пояснение: «Координация планов капиталовложений в зависимости от подразделений и отраслей народного хозяйства, может касаться как всех стран-членов Совета, так и отдельных групп заинтересованных стран, а также и то, что органами Совета будет разработана такая система координации капиталовложений, которая благодаря <...> анализу позволит принимать согласованные решения по вопросу оптимальных размеров строящихся промышленных предприятий с учетом спроса на их продукцию стран-членов СЭВ»⁴⁵.

Казалось бы, XVI внеочередная сессия СЭВ ознаменовала победу советского пути перестройки СЭВ. Даже Румыния вслед за другими членами в ноябре 1962 г. сообщила о том, что Совет Министров Румынской Народной Республики принял рекомендации XVI сессии Совета, а также Протокола первого и второго заседаний Исполнительного Комитета СЭВ и дал указания профильным ведомствам по их выполнению⁴⁶. Но в 1963 г. произошло изменение позиций некоторых стран СЭВ, где лидером активного сопротивления реформам становится Румыния при негласной поддержке по отдельным вопросам то Болгарии, то Венгрии.

Уже 9 января 1963 г., обращаясь к проблемам СЭВ на заседании Президиума ЦК КПСС, Хрущев сам заговорил о кооперации с избранными членами СЭВ, фактически – об интеграции разных скоростей: «<...> Думаю, что сейчас не нужно нам готовить материалы, которые обязывали бы все государства, входящие в СЭВ, в равной мере участвовать в кооперации производства тех или иных видов. Давайте пойдем по линии тех государств и тех отраслей, какие государства хотят этой кооперации и по каким отраслям. Потому что сейчас не все осознали, что в этом наше будущее. Некоторые считают, что в этом мы заинтересованы. А ведь, наоборот, чем меньше страна, тем больше она в этом заинтересована. Но к сожалению не все это понимают [Выделено нами. – М.Л.]. Поэтому мы из хороших побуждений можем быть назойливыми и еще больше усугубим положение в заинтересованности и выгоде для нас. Давайте проявим терпение. Хочет Польша сейчас этого, давайте с Польшей. Ведь это не противоречит. ГДР идет на это, давайте с ГДР. Чехословакия – крупная индустриальная страна, она не может быть без специализации. Давайте с ними кооперировать, и с другими странами, которые будут проявлять заинтересованность, давайте идти на кооперацию»⁴⁷.

Из приведенного Хрущевым списка стран становится понятно, что главными застрельщиками перемен выступали индустриально развитые страны СЭВ. Жесткость противостояния прекрасно иллюстрируется рабочими стенографическими записями заседаний нового органа – Исполкома СЭВ. Например, его пятого заседания в апреле 1963 г.

Рабочий день 22 апреля начался с обсуждения проекта доклада Исполкома СЭВ для готовившегося в 1963 г. Совещания на высшем уровне. И уже начало записи передает напряженную атмосферу совещания.

Выступает секретарь Совета Н.В. Фадеев, и он говорит о том, что ряд положений проекта вносится на рассмотрение с замечаниями Секретариата, которые не были предварительно согласованы с Исполкомом, особенно в вопросе координации народного хозяйства. После этого в записи часть слов опущена – то ли по соображениям «политкорректности» в связи с репликами из зала, то ли в связи с плохой акустикой и возмущенными возгласами, – но в рабочей записи идет пробел и написано просто: «шум»⁴⁸. В «приглаженных» Протоколах такого не встретишь – в оригинальной «рабочей» записи можно найти все. Это не характерно для представлений о СЭВ как об организации с тотальным диктатом Москвы. Наоборот, «рабочие» записи показывают близкую к анархии атмосферу обсуждения и даже обструкции ряда ключевых и, казалось бы, уже принятых всеми нововведений в СЭВ.

Анализируя предложения Секретариата СЭВ, румынский представитель Александру Бырлэдяну попросил набраться терпения и зачитал речь аж на 40 (!) страниц. По сути, это был разнос по пунктам всех нововведений от процедурных вопросов до новых целей развития СЭВ. Самым главным в его выступлении было неприятие предложения дать право органам СЭВ принимать по вопросам экономического сотрудничества не только рекомендации, но и решения, которые имели бы силу межправительственных соглашений. «<...>Для нас является решающим, что разработка органами СЭВ вместо рекомендаций решений, не подлежащих утверждению правительствами, ставит эти органы над правительствами, придает им надгосударственный характер. Мы являемся представителями наших правительств, мы не подменяем эти правительства», – безапелляционно заявил румынский представитель⁴⁹.

Не желая делегировать больше полномочий СЭВ и резко возражая против главной идеи Хрущева – превращения СЭВ в «супергосплан» мировой системы социализма, – Бырлэдяну заявил, что Румыния не желает поступиться частью своего суверенитета: «Мы никогда не поручали сессиям Совета определять направление развития экономики стран. Это не предусмотрено ни в каких документах Совета, что вполне естественно, так как право разработки является одной из главных функций партии и правительства соответствующей страны»⁵⁰.

Фактически, в своем 40-страничном докладе Бырлэдяну подверг резкой критике практически все нововведения СЭВ, включая общие капиталовложения, межгосударственные экономические комплексы, отход от принципа единогласия (означавшего для Румынии фактически потерю права вето), создание единого банка (фактически

центробанка СЭВ) и т.д.⁵¹

Обиженный представитель СССР в СЭВ М.А. Лесечко отчаянно защищался, апеллировал к поддержке других стран-членов и пытался прецедентным путем обосновать предлагаемые нововведения, приводил пример успешного создания и работы Комитета по подшипникам, где никакого ущемления суверенных прав стран-участниц не отмечалось⁵².

Наиболее «просоветским», с точки зрения целей реформы СЭВ, стало выступление на второй день обсуждения представителя Чехословакии О. Шимунека. Он открыто высказался за увязку экономик стран СЭВ с экономикой СССР – «мотором» всей мировой социалистической системы. Поддержал он идею и закрепления за каждой страной «экономического профиля» в рамках международного разделения труда и создания многосторонних «производственно-технических объединений», в которых он усмотрел «творческое применение интернационализации производственных сил и дальнейший возможный достижимый этап по пути более эффективного сотрудничества наших стран в условиях мировой социалистической системы». Он прямо-таки озвучил теоретические установки, которые давались Отделу ЦК КПСС в рамках подготовки обоснования реформы СЭВ⁵³.

Представители Болгарии, Венгрии, Польши и Германской Демократической Республики в своих выступлениях фактически поддержали идею образования совместных хозяйственных объединений. И это в дальнейшем помогло сохранить этот пункт при особом мнении Румынии. Бухарест был категорически против такого «творческого применения» решений XVI сессии СЭВ. По итогам бурной дискуссии, тем не менее, половина пунктов проекта доклада с советскими новшествами в виде правок Секретариата были либо отменены, либо зафиксированы как информация, что означало не полный отказ, а возможность возобновления обсуждения этих острых тем в дальнейшем⁵⁴.

Одной из тактик советской стороны и поддерживавших ее промышленно развитых стран-членов СЭВ было решение спорных моментов в Постоянных комиссиях. И здесь ключевую роль для всей реформы организации играло Бюро Исполнительного Комитета СЭВ по сотрудничеству в области использования плановой деятельности. Во-первых, сам факт поднятия статуса этого органа до Бюро (в отличие от рядовых комитетов) говорит о важности этого направления в работе обновленной СЭВ. Во-вторых, оно состояло из представителей плановых органов стран-членов – то есть госпланов соцстран. Согласно идее превращения СЭВ в «супергосплан», именно здесь, по логике советского руководства, должен был заработать новый мотор социалистической плановой интеграции. Но и здесь в 1963 г. советский напор натолкнулся на сопротивление румын и болгар.

Это видно на примере 8-го заседания Бюро, проходившего в декабре 1963 г. в Бухаресте. Здесь на этапе работы редакционной комиссии повторилась история, случившаяся в Исполкоме в Варшаве. Началось внесение в протокол особых мнений Болгарии и Румынии. Обструкция румын привела к тому, что на этом заседании был признан утратившим силу 1-й пункт постановления Бюро от 18 марта 1963 г. по вопросу «О перечне важнейших показателей и видов продукции, по которым страны-члены СЭВ представляют органам Совета материалы по планам развития их народного хозяйства на период 1966–1970 гг. и схеме сводного доклада о координации этих планов» в части, касающейся перечня важнейших показателей и видов продукции. Та же участь постигла 2-й пункт постановления Бюро от 22 октября 1963 г. о порядке и сроках работы по координации планов, включая разделение этой работы на первый и второй этапы. А второй этап означал как раз выход на многостороннее долгосрочное планирование в рамках всей организации. По сути, формально утратило силу то, ради чего и создавалось это Бюро, и над чем шла работа в течение всего 1963 г.⁵⁵

Собственно, этому заседанию предшествовала последняя крупная попытка подавить сопротивление румын и в той или иной форме провести все нововведения в Устав и практику СЭВ на 6-м внеочередном заседании Исполкома СЭВ в Варшаве 10–13 мая 1963 г. Примечательно, что материалы по его подготовке, в отличие от других заседаний Исполкома, отсутствуют в соответствующей описи фонда СЭВ, что наряду с тем вниманием, которое было уделено этому заседанию в Президиуме ЦК КПСС, позволяет говорить о крайней важности именно этого заседания для успешного завершения реализации всего замысла Хрущева.

Как следует из записки постоянного представителя СССР в СЭВ М.А. Лесечко, внеочередность заседания диктовалась тем, что не удалось достичь согласия по тексту доклада Исполнительного Комитета накануне созыва XVII сессии Совета о реализации решений июньской сессии 1962 г., что, как было показано выше, наглядно продемонстрировал накал страстей на 5-м заседании Исполкома⁵⁶.

При обсуждении итогов 6-го заседания на Президиуме ЦК КПСС, как следует из кратких черновых записей, несмотря на общее решение считать, что «сессия прошла хорошо», было выражено неудовольствие ее результатами. Лесечко было поставлено в вину то, что он не проявил должной гибкости, что ему не следовало принимать резолюцию и идти на открытое противостояние с румынами (дословно: «не было бы расхождений с румынами»)⁵⁷.

Основанием для такого обвинения послужили сами итоговые документы 6-го заседания: в заготовленных проектах появились особые оговорки и особое мнение румынской стороны как по вопросу совместных предприятий и межгосударственных отраслевых объединений, так и по дальнейшему развитию форм экономического со-

трудничества в СЭВ. Дословно Румыния заявляла не просто о своей незаинтересованности, но, «так как в настоящем докладе и проекте постановления этим новым организационным формам придается характер решения СЭВ, Румынская сторона обязана заявить о своем принципиальном несогласии с ними», – говорилось в приложении к протоколу заседания Исполкома⁵⁸. Это означало официальное признание разногласий в рядах членов СЭВ, чего всячески старалась избежать советская сторона.

Не имея стенограммы совещания трудно понять, что в реальности произошло на том решающем заседании Исполкома, но очевидно, что начала спадать интенсивность заседаний как Бюро по сводным вопросам хозяйственных планов, так и по вопросам других отраслевых комиссий СЭВ. Чисто статистически, если с июля 1962 по конец 1963 гг. состоялось восемь заседаний Бюро, то в 1964 г. – лишь несколько, а с 1965 г. оно собиралось всего лишь раз в год.

По материалам Госплана и Комиссий СЭВ видно, что росло число жалоб на пробуксовку в работе многих Постоянных Комиссий, которые или перекладывали вопросы друг на друга, или начинали увязывать принятие решений с массой дополнительных согласований. Они обрастали рабочими группами, теряя инициативу и тот темп работы, которого ожидал от обновленного СЭВ Хрущев. Очевидный срыв части поставленных XVI внеочередной сессией задач, в частности по согласованию долгосрочных планов развития, о чем откровенно начинали докладывать советские партийно-государственные чиновники, был связан как с непредоставлением части сведений странами (той же Румынией), так и с отсутствием четкого плана в самом СССР, который после XXII съезда КПСС сам только-только приступил к выработке собственной программы развития до 1980 г. А ведь на него ориентировались другие страны СЭВ, и с таким планом обязан был соотносить свою позицию советский представитель в СЭВ.

К этому следует добавить аппаратную борьбу внутри партийно-государственного руководства СССР вокруг нового механизма работы СЭВ.

Эту борьбу наглядно иллюстрирует протокол совещания по вопросу работы советских представителей в органах СЭВ, состоявшегося в Кремле 4 февраля 1963 г. В нем участвовали главы советских делегаций во всех Постоянных Комиссиях СЭВ и на уровне Секретариата и Исполкома, руководство Госплана СССР, представители профильных министерств, Совета Министров и отделов ЦК КПСС⁵⁹. Помимо откровенного и критического обмена мнениями, главной интригой совещания стало противостояние двух точек зрения на то, каким должен быть «численно могучий аппарат» обновленного СЭВ.

Одна точка зрения, озвученная представителем от Постоянной Комиссии СЭВ по легкой и пищевой промышленности

Н.Н. Миротворцевым, предполагала учреждение специального аппарата Советского представителя в СЭВ и вообще перенос акцента на усиление Постоянных Комиссий, наделение их аппаратом и реально работающими на СЭВ руководителями, освобожденными от всех прочих обязанностей. Согласно его видению, «в составе этой Комиссии или отдела должны быть освобожденные заместители, квалифицированные крупные работники промышленности. Вся оперативная работа выполняется через аппараты соответствующих отраслевых комитетов, крупные принципиальные вопросы, связанные с координацией народнохозяйственных планов, должен рассматривать Госплан Союза»⁶⁰.

К слову сказать, придание больших полномочий Постоянным Комиссиям СЭВ предусматривали первые советские разработки материалов июньской сессии СЭВ весной 1962 г.⁶¹ Миротворцева поддержал «ответственный представитель» от СЭВ, выступавший от имени Комиссии по черной металлургии. Он даже развил его мысль, высказавшись за наделение большей самостоятельностью Постоянные Комиссии, в частности за делегирование им права уйти от принципа единогласия, фиксировать разногласия при принятии рекомендаций, чтобы продолжать работу и выносить согласование спорных вопросов уже на уровень Исполкома, а не готовить исключительно взаимоприемлемые решения на низшем уровне, что затягивало рассмотрение каждого конкретного вопроса⁶².

Однако дальше стали выступать противники такого подхода. Один из партийно-государственных чиновников обвинил Миротворцева в попытке создать параллельный государственный аппарат в СЭВ⁶³. Другие противники также стали усиливать свои голоса. В итоге их объединил в своем итоговом выступлении председательствовавший на совещании председатель Госплана СССР П.Ф. Ломако: «Совершенно ясно и это никто не должен оспаривать, что во главе советской части должен быть руководитель этой отрасли. Заявление т. Миротворцева неправильное. Это советская часть должна иметь совершенно маленький аппарат»⁶⁴. Из его выступления становится ясно: он не потерпел бы никакой диверсификации вертикали власти, он мыслил координацию всех советских частей в СЭВ через комитеты при Госплане СССР⁶⁵.

«Для нас совершенно ясен вопрос – надо заниматься уже сейчас международным планированием, координировать планы нашей страны с другими странами и наоборот – тех стран с нашей страной <...> Наша Партия приняла Программу, в которой установлен уровень развития страны, намечена перспектива развития», – продолжил Ломако развивать свою мысль о важности Госплана СССР⁶⁶. При этом, прямым текстом увязывая реформу СЭВ с планом модернизации СССР, он так же откровенно признавал, что в одиночку СССР с этим не справится. И далее витиеватым «сэвовским» языком объяснял, что такое координация планов сточки зрения интересов

советского долгосрочного планирования»⁶⁷.

Таким образом, применительно к дискуссиям о реформировании СЭВ можно говорить не только об их увязке с реформами в самом СССР, но и о конфликте интересов между представителями наиболее сильных, передовых и требовавшим больше полномочий и самостоятельности (как внутри СССР, так и на международном уровне – Комиссий в СЭВ) отраслей (по сути, продолжавшими линию Хрущева на децентрализацию управления экономикой) и представителями других отраслей, стремившимися к укреплению централизации и выстраиванию вертикали власти Госплана СССР и его аналога – Бюро по координации народнохозяйственных планов в Исполкоме СЭВ.

* * *

Анализ, предпринятый в настоящей статье, позволяет, в отличие от предыдущих исследований, говорить о том, что становится очевидным: реформы хрущевского периода в СЭВ следует рассматривать в неразрывной связи с внутриэкономическими реформами в СССР и в увязке с внешнеполитической концепцией СССР и ключевых стран СЭВ, вплоть до попыток превращения СЭВ в политико-экономический наднациональный орган всей социалистической ойкумены.

Конечно, даже советские партийно-государственные чиновники и плановики избегали употребления слова «наднациональность», особенно публично убеждая своих партнеров по СЭВ в отсутствии каких-либо посягательств на их суверенитет. Но в реальности попытка введения «супергоспланирования», придания новых полномочий Исполкому СЭВ, борьба вокруг механизма принятия решений, обязательных для исполнения всеми странами-членами СЭВ, учреждение совместных экономических комплексов и совместные капиталовложения де-факто предполагали ослабление национального контроля за этой деятельностью. Как показывают теоретические разработки советской стороны, они мыслились этапом на пути к полному сращиванию экономик в светлом коммунистическом будущем.

И в восточном варианте интеграции, в отличие от западного, именно малые страны-члены оказались главными противниками делегирования части национальных полномочий общим экономическим структурам в лице СЭВ.

Социалистический глобализм Хрущева был подвергнут критике новой командой Л.И. Брежнева, отстранившей его от власти в октябре 1964 г. Но принятие Комплексной программы социалистической интеграции в 1971 г., концепция «ограниченного суверенитета», расцвет совместных объединений СЭВ и прием в СЭВ новых неевропейских членов в 1970-е гг. означали, по сути, в той

или иной вариативной форме продолжение линии Хрущева. Хотя существенная часть новаций, особенно быстрая имплементация принятых решений, на практике не были реализованы в 1962–1963 гг., отдельные импульсы хрущевского реформизма вошли в повседневную практику СЭВ или были подняты вновь при рассмотрении уже брежневской повестки развития СЭВ в начале 1970-х гг., связанной с кремлевским видением будущего мира после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Примечания Notes

¹ Хрущев Н.С. Насущные вопросы развития мировой социалистической системы. М., 1962. С. 3, 4.

² Широков О.Н. СЭВ в мировой экономике: Современная оценка проблемы функционирования и значения: Вопросы истории, методологии и историографии. М., 2005. С. 46–61.

³ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 6.

⁴ Основные принципы международного социалистического разделения труда. М., 1964.

⁵ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 8.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2003. С. 644, 645.

⁸ Nekrasov, V. Decision-Making in the Soviet Energy Sector in the Post-Stalinist Times: The Failure of Khrushchev's Economic Modernization Strategy // Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gaz. Palgrave Macmillan, 2017. P. 165–199.

⁹ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964... Т. 1. С. 645.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 302. Оп. 2. Д. 80. Л. 23.

¹¹ Покивайлова Т.А. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску: Румыно-советские отношения: Смена вех // Москва и Восточная Европа: Непростые 60-е... Экономика, политика, культура: Сборник статей. М., 2013. С. 177–206; Гладышева А.С. Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 28–34; Мусатов В.Л. История советско-венгерских отношений в 1945 – 1989 годах // Новая и новейшая история. 2013. № 2 С. 3–22; Волокитина Т.В. Болгария – «16-я республика СССР»: Экономический расчет или политический ход: 1960-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 36–51.

¹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 80. Д. 416. Л. 36.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 36, 37.

¹⁵ Там же. Л. 36.

¹⁶ Там же. Л. 61.

¹⁷ Там же. Л. 116.

¹⁸ Там же. Л. 61.

¹⁹ Там же.

²⁰ Липкин М.А. Проблема взаимного признания СЭВ и Европейского Сообщества в 1972 году: Эволюция советской политики в области экономической, идеологической и военной безопасности в Европе в контексте СБСЕ // Обеспечение международной безопасности в условиях Холодной войны: Поиски согласованных подходов. М., 2017. С. 152–167.

²¹ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 80. Л. 8.

²² Улуян Ар. А. Балканский «щит социализма»: Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М., 2013. С. 76–80.

²³ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 80. Л. 9.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: Середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016. С. 312–318.

²⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 046. Оп. 28. П. 284. Д. 66. Л. 97–104.

²⁷ Там же. Л. 103–104.

²⁸ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 80. Л. 12.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 14.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 15.

³³ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 80. Л. 16; Ф. 4372. Оп. 80. Д. 416. Л. 63.

³⁴ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 80. Л. 24.

³⁵ Там же. Л. 105.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Там же. Л. 171.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 172.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 173.

⁴² РГАЭ. Ф. 561. Оп. 42. Д. 12. Л. 109–112.

⁴³ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.

⁴⁴ Там же. Л. 13.

⁴⁵ Там же. Л. 8.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 80. Л. 198.

⁴⁷ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964... Т. 1. С. 693.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 42. Д. 13. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Л. 105.

⁵⁰ Там же. Л. 109.

⁵¹ Там же. Л. 103–116.

⁵² Там же. Л. 132–133.

⁵³ Там же. Л. 149–163.

⁵⁴ Там же. Л. 286.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 561 Оп. 21. Д. 6. Л. 4–5.

⁵⁶ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 3. М., 2008. С. 519, 520.

⁵⁷ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964... Т. 1. С. 719.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 42. Д. 15. Л. 80.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 400. Л. 1–37.

⁶⁰ Там же. Л. 27.

- ⁶¹ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 80. Л. 12.
⁶² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 400. Л. 29.
⁶³ Там же. Л. 33.
⁶⁴ Там же. Л. 35.
⁶⁵ Там же.
⁶⁶ Там же. Л. 35–36.
⁶⁷ Там же. Л. 36–37.

Автор, аннотация, ключевые слова

Липкин Михаил Аркадьевич – докт. ист. наук, директор Института всеобщей истории РАН, профессор Московского государственного института международных отношений (университета)

mli@igh.ru

На основе неопубликованных документов Российского государственного архива экономики рассматривается инициатива советского руководителя Н.С. Хрущева по реформированию Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в 1962–1963 гг. Автор впервые раскрывает причинно-следственные связи между внутренними реформами в СССР, попыткой реформировать СЭВ и новыми политическими и идеологическими установками советского руководства. Такими установками стали: построение коммунизма в СССР к 1980 г., расширение и упрочение мировой системы социализма, победа СССР в экономической гонке с другой сверхдержавой – США. Реформирование СЭВ мыслилось советским руководством как важный этап на пути к полному сращиванию экономик социалистических стран в «светлом коммунистическом будущем». В статье детально анализируются мотивы и намерения советского руководства, которое настояло на созыве XVI внеочередной сессии СЭВ в июне 1962 г. Перед сессией и во время ее работы самую активную поддержку советским предложениям оказала Польша. С другой стороны, малые аграрные страны (Румыния, Болгария) оказали упорное сопротивление советским новациям по мере конкретизации их содержания на протяжении 1963 г. По сути, это сопротивление было попыткой защитить собственные национальные интересы, помешать советскому руководству превратить СЭВ в наднациональный политико-экономический орган всего социалистического лагеря. Автор приходит к обоснованному выводу: в отличие от западноевропейских вариантов интеграции, в социалистическом лагере малые страны стали не мотором, а тормозом интеграционных процессов. С другой стороны, как показано в статье, вопрос реформирования и усиления роли СЭВ вызвал обострение борьбы внутри высшей партийно-государственной бюрократии в СССР. «Социалистический глобализм» Хрущева был подвергнут критике Л.И. Брежневым и его сторонниками, которые использовали его как один из аргументов для смещения Хрущева с руководящих постов в октябре 1964 г., но в реальности получил вторую жизнь именно в период второй волны реформ в СЭВ в начале – первой половине 1970-х гг.

Холодная война, Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), Центральный Комитет КПСС, мировая система социализма, Совет экономической взаимопомощи, экономическая интеграция, плановая экономи-

ка, директивная экономика, Госплан СССР, Н.С. Хрущев, В.Н. Новиков, Н.М. Силуянов, А.М. Задемыдко.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Gladysheva A.S. Formirovanie “osobogo kursa” Rumynii v sotsialisticheskom lagere (seredina 1950-kh – nachalo 1960-kh gg.) [Creating a “Special Path”: Rumania in the Socialist Camp (Mid-1950s to Early 1960s)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2014, no. 2, pp. 28–34. (In Russ.).
2. Musatov V.L. Istoriya sovetsko-vengerskikh otnosheniy v 1945 – 1989 godakh [The History of Soviet-Hungarian Relations from 1945 to 1989]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2013, no. 2, pp. 3–22. (In Russ.).
3. Volokitina T.V. Bolgariya – “16-ya respublika SSSR”: Ekonomicheskiy raschet ili politicheskiy khod: 1960-e gody [Bulgaria – the “Sixteenth Republic of the USSR”: Economic Calculation or Political Maneuver: the 1960s]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2012, no. 6, pp. 36–51. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Lipkin M.A. Problema vzaimnogo priznaniya SEV i Evropeyskogo Soobshchestva v 1972 godu: Evolyutsiya sovetskoj politiki v oblasti ekonomicheskoy, ideologicheskoy i voennoy bezopasnosti v Evrope v kontekste SBSĖ [The Problem of Mutual Recognition by the CMEA and the European Community in 1972: The Evolution of Soviet Policy in the Area of Economic, Ideological and Military Security in Europe in the Context of the CSCE]. *Obespechenie mezhdunarodnoy bezopasnosti v usloviyakh Kholodnoy voyny: Poiski soglasovannykh podkhodov* [International Security in the Context of the Cold War: The Search for Consensual Approaches]. Moscow, 2017, pp. 152–167. (In Russ.).
5. Nekrasov, V. Decision-Making in the Soviet Energy Sector in the Post-Stalinist Times: The Failure of Khrushchev’s Economic Modernization Strategy. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gaz*. Palgrave Macmillan, 2017, pp. 165–199. (In Eng.).
6. Pokivaylova T.A. Ot G. Georgiu-Dezha k N. Chaushesku: Rumyno-sovetskie otnosheniya: Smena vekh [From G. Gheorghiu-Dej to N. Ceausescu: Romanian-Soviet relations: A Volte-face]. *Moskva i Vostochnaya Evropa: Neprostye 60-e... Ekonomika, politika, kultura: Sbornik statey* [Moscow and Eastern Europe: The Difficult 60s... The Economy, Politics, Culture: Articles.]. Moscow, 2013, pp. 177–206. (In Russ.).

(Monographs)

7. Lipkin M.A. Sovetskiy Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: Seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov [The Soviet Union and the Integration Processes in Europe: Mid 1940s – Late 1960s]. Moscow, 2016, pp. 312–318. (In Russ.).
8. Shirokov O.N. SEV v mirovoy ekonomike: Sovremennaya otsenka problemy funktsionirovaniya i znacheniya: Voprosy istorii, metodologii i istoriografii [CMEA in the World Economy: A Modern Assessment of the

Problems of Performance and Values: Questions of History, Methodology, and Historiography.]. Moscow, 2005, pp. 46–61. (In Russ.).

9. Ulunyan Ar. A. Balkanskiy “shchit sotsializma”: Oboronnyaya politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i Yugoslavii (seredina 50-kh gg. – 1980 g.) [The Balkan “Shield of Socialism”: The Defence Policy of Albania, Bulgaria, Romania, and Yugoslavia (Mid-50’s to 1980)]. Moscow, 2013, pp. 76–80. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Mikhail A. Lipkin – Doctor of History, Director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Institute of International Affairs (University) (Moscow, Russia)

mli@igh.ru

The article based on unpublished evidence from the Russian State Archive of Economics examines Nikita Khrushchev’s initiative to reform the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) in 1962–1963. This is the first article to reveal cause and effect relationships between domestic reforms in the Soviet Union, “the winds of change” in CMEA and the new ideological paradigm of the Khrushchev era. The latter encompassed the construction of communism by 1980, the expansion of the socialist system in the world, the USSR’s victory over the USA in an economic race between the superpowers. The Soviet government considered its reforms in CMEA as a vital step towards the complete merging of the economies of CMEA’s member states in a “brave new world” of the communist future. The article provides a detailed analysis of what the Soviet leadership aimed at as it called for the 16th extraordinary session of CMEA in June 1962. Before and during the session the most active support for the USSR’s initiatives was rendered by Poland whereas small agricultural states, such as Rumania and Bulgaria, showed staunch resistance to the Soviet innovations as they were specified throughout 1963. It was an attempt to defend their sovereignty and prevent CMEA from turning into a supranational political and economic body in the entire socialist camp. The author comes to the well-grounded conclusion that, unlike in the western integration models, small countries in the socialist camp acted as a drag on the integration process, rather than its driving force. On the other hand, the article shows that the CMEA reforms triggered an acute struggle among the USSR’s top party and state bureaucracy. Although “Khrushchev’s socialist globalism” was sharply criticized by Leonid Brezhnev and his supporters, which was one of the arguments for his dismissal in October 1964, this idea saw its rebirth during the next wave of CMEA’s reforms in the early 1970s.

The Cold War, Communist Party of the Soviet Union (CPSU), Central Committee (of the CPSU), World Socialist System, Council for Mutual Economic Assistance, economic integration, planned economy, command economy, Gosplan (State Planning Committee of the USSR), Nikita S. Khrushchev, Vladimir N. Novikov, Nikolay M. Siluyanov, Alexander M. Zademidko.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

Anti-Bolshevik Russia

В.В. Марковчин

ДВАЖДЫ ЗАСЕКРЕЧЕННАЯ: БРОШЮРА ЯПОНСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ И НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

V. Markovchin

Twice Classified: A Japanese Intelligence Brochure on Russian Emigration in Europe and the Far East

Историки Белого движения и русской антибольшевистской эмиграции не раз отмечали особую трудность в изучении их проблематики, вызванную тем обстоятельством, что многие документы погибли или были намеренно уничтожены при эвакуациях из разных портов России остатков белых войск и правительственных учреждений, в результате чего «уцелевшие документы оказались разбросанными по архивам, странам и континентам»¹. Поскольку точно так же, по разным странам и континентам, оказалась рассеяна сама русская эмиграция, то и документы ее многочисленных и разнообразных организаций в итоге были разбросаны по разным континентам, странам, архивам и библиотекам.

Это обстоятельство, помимо того, что создает большие, часто непреодолимые, трудности в создании широкой и надежной источниковой базы исследования тех или иных вопросов истории Русского зарубежья, создает и почву, условия для самых неожиданных архивных находок. И эти находки обычно сильно меняют наши, специалистов-историков и всего общества, представления о русской эмиграции, делают наши знания об антибольшевистском лагере намного более точными и конкретными. Именно поэтому тем историкам Зарубежной России, которые понимают важность введения в научный оборот новых, прежде никому не известных, архивных документов и исследуют свои темы на основе оригинальной источниковой базы, большую часть которой составили документы, выявленные ими самими в различных архивохранилищах, сопутствует удача в их работе. Именно благодаря своим упорным архивным изыскани-

ям и важным архивным находкам, совершенным в российских и зарубежных архивах, им удавалось и удается создавать оригинальные и глубокие исследования о русской антибольшевистской эмиграции, обо всех сторонах ее жизни на чужбине, о судьбах ее различных представителей – и широко известных, и дотоле безвестных.

Так, выявление неизвестных архивных документов позволили впервые раскрыть, в частности, острую и порой беспринципную борьбу в руководстве Русского общевоинского союза и вокруг него², мрачные страницы жизни последнего главнокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля на чужбине и трагическую судьбу его «Записок»³, тяжелую повседневную борьбу русских эмигрантов за физическое выживание и защиту своего человеческого достоинства в европейских странах в то время как эмигрантские предпринимательские организации вполне благополучно восстановили свое «юридическое бытие» и процветали, в том числе и на нуждах, на безысходности рядовой эмигрантской массы⁴.

Отдельно стоит сказать – и ниже читатели поймут, почему, – о богатейшем массиве архивных документов, выявленных и использованных в своих работах М.В. Кротовой, известной исследовательницей русской эмиграции в Маньчжурии⁵.

Однако среди многочисленных и многообразных архивных находок, совершенных историками Белого движения и русской антибольшевистской эмиграции за 1990-е – 2010-е годы, есть поистине уникальные. Уникальность их является многоплановой: они уникальны своим происхождением, своим авторством, своим содержанием, теми способами, которыми были сохранены своими создателями и хранителями, а также теми путями, которыми попали наконец в руки исследователей.

К таким уникальным архивным находкам относится, по нашему убеждению, брошюра, которую мы и представляем читателям журнала «Новый исторический вестник» в его традиционной рубрике «Антибольшевистская Россия».

* * *

4 июня 1946 г. из Отдела контрразведки «СМЕРШ», размещавшемся в Хабаровске, во 2-е управление (Управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата Военно-морского флота СССР) Главного управления контрразведки «СМЕРШ» (г. Москва) спецпочтой было направлено письмо. К нему были приложены две брошюры (подлинное издание на японском языке около 120 страниц и машинописный перевод на русский язык объемом около 200 страниц) под названием «Вопросы русской эмиграции в Европе и Маньчжурии».

Гриф «Совершенно секретно» украшал папку с машинописным переводом, осуществленным сотрудниками отдела «СМЕРШ»

по Краснознаменной Амурской флотилии, а подлинник имел ограничительный гриф «Конфиденциально», проставленный ее авторами – японскими разведчиками-аналитиками. Местом происхождения, точнее создания, этого аналитического труда было указано посольство Японии в Маньчжурии (то есть в марионеточном государстве Маньчжоу-Го). А датой его выхода – февраль 1945 г. (то есть всего за полгода до капитуляции Страны восходящего солнца во Второй мировой войне).

Даже беглое ознакомление с содержанием брошюры, а еще в большей степени – с источниками, на основе которых она была написана, объясняло почему японцы так боялись возможной утечки информации: в ней не только отражена история русской эмиграции еще с дореволюционных времен, приведена исключительно полная статистика ее расселения по странам мира, даны обзор и анализ ее политических пристрастий, ее организаций, специфике ее уклада жизни, ее отношения ко Второй мировой войне и по множеству иных характеристик, но и сделаны выводы о возможностях и путях ее использования в собственных, имперских, интересах.

Не останавливаясь на достигнутом, японские разведчики-аналитики наметили целый ряд мер, направленных на реализацию этих планов, и они – сразу отметим, забегая вперед, – отнюдь не всегда были цивилизованными и общепринятыми. Кроме того, в брошюре без всяких прикрас и околнностей названы достоинства и недостатки эмигрантских лидеров, вполне точно диагностировано положение возглавляемых ими организаций в самых различных частях Евразии, а также ближайшие их перспективы.

Как уже понятно читателям, содержание этой брошюры имело исключительно большое значение для советских органов разведки и контрразведки, на протяжении долгого времени, весь межвоенный период, противостоявших (и не безуспешно) разведывательно-диверсионной деятельности «активистских» сил белоэмигрантских организаций, в первую очередь Русского общевоинского союза. И вполне закономерно, что появление этих материалов стало одним из главных итогов и успехов 1945 г., которыми размещавшийся в Хабаровске Отдел контрразведки «СМЕРШ» отчитался перед вышестоящими инстанциями, хотя в его работе в том последнем военном году было немало и иных оперативных успехов.

Как и все иные органы госбезопасности, во время военных действий Красной армии и Красного флота против вооруженных сил Японии на суше и на море, Отдел контрразведки «СМЕРШ» проводил множественные операции по розыску и задержанию агентуры вражеской разведки, арестам контрреволюционных элементов в районах боевых действий флотилии в Маньчжурии, одновременно осуществляя мероприятия по розыску и изъятию представлявших интерес документов и архивов японских разведывательных органов.

«Вопросы русской эмиграции в Европе и Маньчжурии» были

получены оперативным путем, от новоприобретенного источника под псевдонимом «В». Она была обнаружена последним рядом с огромным кострищем, неподалеку от здания японской военной миссии в городе Харбине в августе 1945 г., в момент вступления десантных частей Красной армии в город. Именно тогда по приказанию начальника Главной японской миссии генерала Акикуса проводилось уничтожение всех документов и архивов, но именно этот материал уцелел.

Агент «В» найденную брошюру хранил до сентября 1945 г. у себя дома, и уже в момент вербовки передал ее сотрудникам оперативной группы. Спустя почти год, в мае 1946 г., аналитический труд японских разведчиков был направлен в Москву вместе с письмом, подписанным заместителем начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» подполковником Морицем. Столь долгий срок от обнаружения брошюры до ее отправки был обусловлен трудностями документального перевода, а также большим его объемом – около 200 страниц машинописного текста.

Несколько слов скажем об источниках, на основе которых были написаны «Вопросы русской эмиграции в Европе и Маньчжурии». Их перечень опубликован на первых страницах брошюры, и он довольно обширен и информативен – всего 18 позиций, из них с грифом «секретно» и «совершенно секретно» – 11.

Перечислим некоторые из них:

1) «Распространение эмигрировавших русских и их состояние», в двух томах, подготовлен Особым отделом Министерства госбезопасности Маньчжурской империи, с грифом «секретно», первый том отпечатан в августе 1941 г., второй – в феврале 1942 г.;

2) «Состояние российской колонии в Китае», подготовлен 1-м отделом Бюро Европы и США при Министерстве иностранных дел Японии, с грифом «секретно», отпечатан в декабре 1928 года;

3) «Русская эмиграция в Маньчжурии», подготовлен Особым отделом Министерства государственной безопасности Маньчжурской империи, с грифом «секретно», отпечатан в декабре 1939 г.;

4) «Схемы районов распространения русских жителей в Маньчжурии», подготовлены Харбинской японской военной миссией, с грифом «секретно», отпечатаны 1 октября 1939 г.;

5) «О состоянии еврейской колонии в гор. Харбине», подготовлен Генеральным консульством Японии в Харбине, с грифом «совершенно секретно», отпечатан в июне 1944 г.

Уже из этого небольшого перечня видно, что русская эмиграция интересовала практически все спецслужбы Японии и, соответственно, марионеточного государства Маньчжоу-Го, а также различные их министерства, что только подтверждает их обостренный интерес к предмету «освещения» и наводит на мысль, что этот интерес активно стимулировался и жестко направлялся из

правительственных кругов Токио.

Остается только добавить, что в связи с упразднением Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Народного комиссариата обороны СССР в 1946 г. «Вопросы российской эмиграции в Европе и Маньчжурии» были переданы в 1-е главное управление МГБ СССР (разведка), где использовались для оперативных целей. По истечении определенного времени брошюра была направлена на хранение в архив, и в 2013 г., в соответствии с установленной процедурой, она была полностью рассекречена. Так завершилась ее секретная жизнь, точнее – второй секретный период ее жизни.

* * *

Структурно брошюра «Вопросы российской эмиграции в Европе и Маньчжурии» разбита на четыре главы.

Глава 1 «Распространение российской эмиграции и рост ее численности» включает в себя два раздела. Первый – «Российская эмиграция в Европе и ее численность». Второй – «Российская эмиграция на Востоке и ее численность». Оба раздела разбиты на параграфы.

Глава 2 «Административное и политическое устройство российской эмиграции и ее общественная деятельность» включает в себя три раздела. Первый – «Административное и политическое устройство у русской эмиграции в Европе и ее общественная деятельность». Второй – «Административное и политическое устройство у российской эмиграции на Востоке и ее общественная деятельность». Третий – «Отечественно-оборонческое» движение российских эмигрантов». Каждый из разделов разбит на большое число параграфов и подразделов.

Глава 3 «Экономическая деятельность российской эмиграции» включает в себя два раздела. Первый – «Экономическая деятельность эмиграции в Европе». Второй – «Экономическая деятельность российской эмиграции в Маньчжурии», разбитый на 6 параграфов.

Глава 4 «Вопросы российской эмиграции в Маньчжурии» включает в себя десять разделов. Первый – «Вопросы, связанные с Бюро по делам российских эмигрантов». Второй – «Комитет по руководству российской эмиграцией при правительстве Маньчжоу-Ди-Го». Третий – «Вопросы русской эмиграции в связи с православием». Четвертый – «Научно-просветительная работа российской эмиграции». Пятый – «Русские воинские отряды (Воинские отряды российской эмиграции)». Шестой – «Антикоммунистические выступления». Седьмой – «Вопросы о переходе в советское подданство российской эмиграции». Восьмой – «Вопросы переселения на землю российских эмигрантов». Девятый – «О настроениях эмиграции в последнее время». Десятый – «Заключение». Каждый из разделов разбит на большое количество параграфов и подразделов.

Даже этот самый поверхностный обзор структуры говорит о тщательной продуманности и рациональной системности подхода японских разведчиков-аналитиков к описанию такого сложного явления, как русская антибольшевистская эмиграция. С другой стороны, явно прослеживается стремление сравнить русскую эмиграцию в Европе и русскую эмиграцию в Маньчжурии, досконально вскрыть многообразную специфику последней. Наконец, совершенно очевидно, что русская эмиграция в Канаде и США японцев на тот момент не интересовала.

* * *

На этом мы считаем нужным закончить первое представление аналитического труда японских разведчиков «Вопросы российской эмиграции в Европе и Маньчжурии». Также, по нашему мнению, нет необходимости занимать читателей преждевременным заключением. До заключения еще далеко. Еще предстоит глубокий исторический анализ материала, собранного и обработанного японскими разведчиками, по всем широким темам и узким (относительно, конечно) вопросам, которые они сочли необходимым включить в свой уникальный аналитический труд.

Примечания Notes

¹ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 6.

² Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996.

³ Карпенко С.В. Судьба «Записок» генерала Врангеля // Новый Журнал = The New Review. 1997. № 207. С. 213–232.

⁴ Ипполитов С.С. Русский «казенный» капитал в Европе в 1920 – 1930-х гг. // Экономический журнал. 2015. № 1 (37). С. 160–168; Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс. М., 2004.

⁵ Кротова М.В. Синдром антибольшевизма на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 71–77; Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920 – 1930-е гг.). СПб., 2014.

Автор, аннотация, ключевые слова

Марковчин Владимир Викторович – канд. ист. наук, профессор Юго-Западного государственного университета (Курск); старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба (Москва)

markovchin@yandex.ru

В 1946 г., в первый мирный год после окончания Второй мировой во-

йны, сотрудники советской военной контрразведки «СМЕРШ», которые действовали в Харбине, оперативным путем получили в свое распоряжение брошюру «Вопросы русской эмиграции в Европе и Маньчжурии». Она была издана на японском языке в феврале 1945 г. посольством Японии в Маньчжоу-Го и имела гриф «Конфиденциально». Этот аналитический труд был написан сотрудниками японской разведки на основании более ранних аналитических документов на эту тему. Попав в советскую контрразведку, эта брошюра и ее машинописный перевод на русский язык получили гриф «Совершенно секретно». Рассекречены они были только в 2013 г. Автор статьи, известный публикатор документов советской разведки и контрразведки о русской военной эмиграции, предлагает вниманию читателей краткую историю создания и секретного хранения этой брошюры. Главный сюжет статьи – общий обзор структуры и содержания брошюры. Этот обзор свидетельствует о тщательной продуманности и системности подхода японских разведчиков-аналитиков к описанию такого сложного явления, как русская антибольшевистская эмиграция. С другой стороны, в структуре брошюры явно прослеживается стремление сравнить русскую эмиграцию в Европе и русскую эмиграцию в Маньчжурии, а также раскрыть многообразную специфику последней. Наконец, совершенно очевидно, что русская эмиграция в Канаде и США японских разведчиков на тот момент не интересовала. Автор считает, что глубокий исторический анализ материала о русской эмиграции, который был собран и проанализирован японскими разведчиками, – задача ближайшего будущего.

Русская эмиграция, военная эмиграция, разведка, контрразведка, военная контрразведка «СМЕРШ», Япония, Маньчжурия, Маньчжоу-Го, Вторая мировая война.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Ippolitov S.S. Russkiy “kazennyy” kapital v Evrope v 1920 – 1930-kh gg. [Russian “Official” Capital in Europe in 1920 – 1930s.]. *Ekonomicheskii zhurnal*, 2015, no. 1 (37), pp. 160–168. (In Russ.).

2. Karpenko S.V. Sudba “Zapisok” generala Vrangelya [The Fate of the “Memoirs” of General Wrangel.]. *Novyy Zhurnal = The New Review*, 1997, no. 207, pp. 213–232. (In Russ.).

3. Krotova M.V. Sindrom antibolshevizma na Dalnem Vostoke [The Syndrome of Anti-Bolshevism in the Far East.]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2014, no. 10, pp. 71–77. (In Russ.).

(Monographs)

4. Bortnevskiy V.G. Zagadka smerti generala Vrangelya: Neizvestnye materialy po istorii russkoy emigratsii 1920-kh godov [The Mysterious Death of General Wrangel: Unknown Materials on the History of the Russian Emigration

in 1920s.]. St. Petersburg, 1996, 165 p. (In Russ.).

5. Ippolitov S.S. Rossiyskaya emigratsiya i Evropa: Nesostoyavshiysya alyans [Russian Emigration and Europe: A Failed Alliance.]. Moscow, 2004, 367 p. (In Russ.).

6. Karpenko S.V. Belye generaly i krasnaya smuta [White Generals and Red Turmoil.]. Moscow, 2009, p. 6. (In Russ.).

7. Krotova M.V. SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Manchzhurii (1920 – 1930-e gg.) [The USSR and the Russian Emigration in Manchuria (1920 – 1930s)]. St. Petersburg, 2014, 377 p. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Vladimir V. Markovchin – Candidate of History, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia); Senior Researcher, Scientific Research Institute (of Military History), Military Academy of General Staff (Moscow, Russia)

markovchin@yandex.ru

In 1946, the first peaceful year after the World War II, the USSR's "SMERSH" military counter-intelligence operating in Harbin managed to obtain the brochure titled "About Russian immigration in Europe and Manchuria". It was published in February 1945 in Manchukuo by the Embassy of Japan in the Japanese language, classified as 'confidential information'. This analytical review was written by Japanese intelligence officers who relied upon earlier analytical data concerning the same matter. When acquired by the Soviet counter-intelligence, the brochure and its typed translation copy came to be classified as 'Top secret'. The document was declassified as late as 2013. The author of the article, a well-known researcher writing about the documents of Soviet intelligence and counter-intelligence concerning Russian military emigration, presents a brief history of the origin and confidential treatment of this brochure. The article largely dwells on the structure and the contents of the brochure. The survey displays how carefully and systematically the Japanese intelligence analysts approached such complicated phenomenon as Russian anti-Bolshevik immigration. On the other hand, the brochure aims to compare the Russian immigration in Europe to that in Manchuria, featuring the specific variety of the latter. Finally, it was obvious that the Japanese intelligence was not interested in the Russian immigration in Canada and the USA at that moment. The data about Russian immigration collected and analyzed by the Japanese intelligence need a profound historical analysis in the near future, the author argues.

Russian emigration, military emigration, intelligence, counter-intelligence, military counter-intelligence "SMERSH", Japan, Manchuria, Manchukuo, World War II.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ Landmarks in Human History

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова, Р.М. Валеев

МАГИСТР ФИЛОСОФИИ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВ И ЕГО КОМАНДИРОВКА В ПЕКИН (1840 – 1850 годы)*

D. Martynov, Yu. Martynova, R. Valeev

Master of Philosophy, Vasilii Vasilyev, and his Mission to Beijing (1840 – 1850)

История отечественного китаеведения XIX в. представлена яркими именами выдающихся ученых-синологов и их бесценным наследием, посвященным истории и культуре великого соседа России – Китая. Среди них особо выделим следующие имена: о. Иакинф (в миру Н.Я. Бичурин, 1777 – 1853), архимандрит Петр (П.И. Каменский, 1765 – 1845), С.В. Липовцов (1770 – 1841), архимандрит Палладий (П.И. Кафаров, 1817 – 1878) и академик В.П. Васильев (1818 – 1900). Все они в разные годы жили и учились в Казани, а их тернистый путь в науку о Китае был связан с Русской духовной миссией в Пекине. Жизнь и наследие о. Иакинфа, архимандрита Палладия и академика В.П. Васильева составили эпоху в российском китаеведении XIX в. Их биографии и судьбы тесно сплетены и в целом раскрывают величие научного творчества и поиска первых российских ученых-китаеведов, заложивших основы классической синологии в России¹.

Масштаб личности и творческого наследия В.П. Васильева, его выдающаяся роль в развитии российского китаеведения была ярко и высоко оценена его соратниками и современными исследователями, вплоть до именованя его «корифеем русского китаеведения»². Поэтому представляются перспективными поиск, систематизация и введение в научный оборот новых архивных документов о жизни и творчестве академика В.П. Васильева.

* * *

* Исследование осуществлено в рамках научного проекта РФФИ «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев» (№ 17-01-00209).

Василий Павлович Васильев был направлен в Китай в 1840 г., став выпускником Разряда восточной словесности Императорского Казанского университета, защитившим магистерскую диссертацию «Об основаниях философии буддизма». Это было удостоверено дипломом за подписью Н.И. Лобачевского.

Его научным руководителем был заведующий кафедрой монгольской словесности и декан Разряда восточной словесности (1-е отделение) Философского факультета профессор Осип Михайлович Ковалевский (Юзеф Щепан Ковалевски; 1801 – 1878).

Защита Васильева состоялась 23 декабря 1839 г. «в присутствии членов Совета Казанского университета и посторонних посетителей». Присужденная «из уважения к трудности и новости самого предмета, а также сведениям в источниках буддизма» степень магистра была утверждена министром народного просвещения С.С. Уваровым 29 февраля 1840 г. Выданный Советом университета диплом датирован 22 марта 1840 г.³

Основной целью командирования Васильева в Пекин было «усовершенствование его в тибетском и санскритском языке», поскольку попечитель Казанского учебного округа Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795 – 1862) принял решение об открытии на Восточном разряде кафедры тибетской словесности, в дополнение к имеющимся кафедрам монгольской и китайской словесности⁴.

Тибетским языком Васильев, к тому времени изучивший монгольский и китайский языки, занялся еще в Казани. Сохранился примечательный список книг, составленный Ковалевским как «необходимо нужных для г. Васильева». Первыми в списке значатся грамматика и словарь Чома де Кереша (1784 – 1842), опубликованные в Калькутте в 1834 г., а также немецкие грамматики и словари санскрита⁵ – все эти книги были новейшими для того времени, изданными в 1830-е гг. Список был включен в прошение библиотекаря Казанского университета от 19 июня 1839 г.⁶, всего в нем значилось семь позиций. Дополненный до 10 библиографических единиц список был помещен в прошении профессора Ковалевского на адрес попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина от 23 января 1840 г.⁷ Из фонда университетской библиотеки словари и грамматики санскрита и тибетского языков должны были выдать Васильеву для использования в качестве учебного пособия в Китае. Среди прочего, в список включили и тибетскую грамматику Я.И. Шмидта, только что вышедшую в свет.

Именно Ковалевский составил «наставление» Васильеву⁸.

В нем выделяется пункт 3, гласящий: «Не один только живой язык, употребляемый в какой-либо области, будет предметом изысканий г-на Васильева, но разные наречия, равно как и книжный язык, со всеми живыми уклонениями, должны обратить на себя его внимание так, чтобы весь круг языка был вполне исследован с от-

крытием начал, от которых произошли все ветви, и с указанием пределов разных изменений. Сочинения известного венгерского миссионера Чомы Кересского и знаменитого нашего академика Шмидта должны быть приняты за основание и единственное пособие для дальнейших изысканий. Предстоит один труд г-ну Васильеву – обогащать эти сочинения своими наблюдениями над грамматическим устройством языка и определением значений слов».

Пункт 8 гласил: «Известно, что на искаженных китайцами именах народов или царственных династий основываются разные исторические теории наших ориенталистов, из коих одни почитают все народы турками, другие всех монголами. Поэтому желательно, чтобы г-н Васильев на месте собрал достоверные исторические показания, к какому именно племени принадлежал каждый из средне-азиатских народов? Каким говорит языком? Откуда пришел и куда девался? Для этого весьма полезными быть могут и изустные показания китайцев, и положения хвастливых членов хань-линя, и исторические памятники всякого рода, особенно письменные. Равным образом нельзя упускать из виду самых названий урочищ в странах, занимаемых этими народами, потому что земля, обитаемая народом, должна почитаться книгою, в которую он вписывает свое существование неизгладимыми буквами. Действовавшие в великой драме истории народы никогда не исчезают: они только уходят для перемены костюма, чтобы опять явиться в новых ролях, нередко под новыми именами. История получит важное приобретение от исследования знаменитого народа хюн-ну или сюн-ну, и от точного показания, с какими племенами он слился и куда девались остатки его в то время, когда обыкновенная официальная китайская история теряет его из виду. Можно ему рекомендовать рассмотреть вопрос, недостаточно решенный об уйгурах, о множестве племен, упоминаемых Рашид-ад-дином и Абулгази до появления страшного завоевателя Чингиса, о среднеазиатских турках, о тангутах и т.д. Вообще из истории монголов, разных племен, образовавших потом Чингисову империю, и состояние монголов в нынешнем Китае должны преимущественно обратить на себя внимание г-на Васильева».

13-й пункт предусматривал продолжение исследований философии буддизма «в продолжение университетского курса». В нем сохранилось пожелание к приобретению полного издания буддийского канона с комментариями – Ганчжура и Данчжура. Характерно, что изучение санскрита и санскритской литературы ставилось в прямую взаимосвязь с буддийскими штудиями⁹.

В свое время В.М. Алексеев обращал внимание на финальный (15-й) абзац инструкции, тесно связанный с особенностями личности Васильева¹⁰. Прочитируем этот фрагмент целиком:

«Наконец, чувство живейшего соучастия, какое принимает университетское начальство в похвальном предприятии своего воспитанника, да послужит доказательством, что и прежние его настав-

ники при начертании этой инструкции не имели другой цели в виду, кроме собственной пользы г. Васильева, и успехов науки на отечественной почве, и не сомневаются, что при непрерывном стремлении к достижению предназначенной цели, г. Васильев наполнит эти статьи правилами честного и благородного поведения и даже новыми видами ученых изысканий для славы нашего заведения»¹¹.

Помимо инструкции по историческим и филологическим дисциплинам, в деле об отправке Васильева в Пекин содержались подробные «Наставления для собирания и сушки растений»¹² и «Наставление, как собирать млекопитающих животных и птиц»¹³, причем последнее было подписано профессором Э. Эверсманом. Была прислана и инструкция Конференции Императорской Академии наук¹⁴. В инструкции Конференции говорилось, что научная часть его командировки была исчерпывающим образом распланирована Ковалевским, и в этой части не нуждается в дополнениях. Васильеву была выдана доверенность на неиспользованные суммы из бюджета Духовной миссии на сумму 2 200 руб. ассигнациями на закупку буддийской литературы на тибетском и монгольском языках, а также был прислан список имеющихся в библиотеке Академии наук изданий во избежание дублирования и ненужных трат. Кроме того, было предписано не приобретать медицинских сочинений, и настоятельно рекомендовалось найти тибетскую версию эпоса о Гэсэр-хане. Васильев предостерегался от поспешности при закупках книг, ему разрешалось не издерживать всей суммы и отправить при смене Духовной миссии в 1840 г. только часть полученных фондов, отложив доставку остального до возникающей в будущем okazji. Предписывалось также найти полный экземпляр Данчжура на тибетском или монгольском языке. Обо всех возникающих обстоятельствах В.П. Васильев должен был регулярно отчитываться¹⁵.

Методы планирования и составления научной программы, опробованные в командировке Васильева, в дальнейшем сделались стандартными в практике Императорской Академии наук и российских университетов¹⁶.

* * *

Поскольку Васильев не относился к духовному сословию, его, по договоренности между Академией наук и Азиатским департаментом Министерства иностранных дел, официально включили в состав Русской духовной миссии в Китае как «студента».

Чрезвычайно примечателен список вещей, «купленных для подарков» в Пекине на сумму 500 руб.¹⁷ В оригинале он сведен в таблицу с пометами о лицах, предоставивших те или иные предметы. Набор предметов стандартный для той эпохи: «портофело московской работы» (100 руб.), складное зеркало (12 руб.), «две пары чашек с живописью» (45 руб.) и тому подобное. Судя по пометам,

308 руб. было уплачено некой Анне Гуног, сумма в 158 руб. 50 коп. причиталась казанскому купцу Алексею Демяхину¹⁸. Из указанных сумм было выплачено 28 руб. университетскому переплетчику за комплект «Монгольской хрестоматии» О.М. Ковалевского, и еще 5 руб. 50 коп. за три ящика и их упаковку¹⁹.

В донесении попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину от 4 марта 1840 г. Васильев, именуя себя «студентом Духовной миссии», сообщил, что 20 января 1840 г. он вместе с остальными членами миссии покинул Казань и 21 февраля прибыл в Иркутск²⁰. За 9-дневное пребывание в Иркутске он успел познакомиться с собранием китайских и маньчжурских книг, имевшимся в городской гимназии и духовной семинарии, а также познакомился с методикой преподавания монгольского языка в гимназии²¹. После прибытия в Троицкосавск Васильев получил возможность разговорной практики с местными бурятами и китайскими купцами, а также познакомился с К.Г. Крымским (1796–1861) – учителем местной коммерческой школы китайского языка²².

В деле об отправке Васильева в Пекин можно найти интересные подробности, свидетельствующие о фундаментальности его подхода к решению возложенной на него задачи. Она содержится в отношении вице-канцлера графа К.В. Нессельроде министру народного просвещения Уварову от 22 августа 1841 г. Поскольку Васильев должен был изучать тибетский язык, начальник Духовной миссии архимандрит Поликарп (Тугаринов) нанял для него одного из буддийских монахов, пользующихся известностью знатока тибетского языка, однако оказалось, что монах уступал в знании языка студенту миссии, и тому было отказано²³.

Васильев продолжил самостоятельное изучение языка, однако предполагалось, что осенью в Пекин придут паломники из Монголии или из самой Лхасы, которые согласятся стать его наставниками. В противном случае начальник миссии выражал опасение, что учителя для Васильева придется выписывать из Монголии. Получил он и рукопись тибетско-монгольского словаря ламы Никитуева. Занятия его китайским языком описывались как гораздо более успешные. Для коллекции Казанского университета Васильевым было закуплено 13 сортов китайского лака и 180 видов различных семян, а также образцы шелка-сырца. В числе книжных приобретений упоминалась биография Будды Шакьямуни, собрание сочинений Зая-Пандиты (на тибетском языке) и биография Цзонхавы на монгольском языке²⁴.

От последней сохранились только три главы, прочее было подмочено при доставке из Пекина в Казань. Попытка приобрести Данчжур не увенчалась успехом: книги были неразборчиво напечатаны на бумаге низкого качества, но даже в таком виде за них просили 1 000 лянов серебра, то есть 2 000 руб. серебром. За Ганчжур пекинской придворной печати просили до 5 000 руб. серебром у

частных лиц, поскольку государственная книжная торговля не располагала ни одним экземпляром²⁵. Поведение Васильева характеризовалось начальством Духовной миссии как «отличное», и отдельно упоминалось, что он «вполне проникнут мыслью о возложенных на него обязанностях»²⁶.

В письме Ковалевского попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину от 27 января 1842 г.²⁷ сообщалось, что образцы китайского лака и шелка помещены в университетский кабинет редкостей, однако доставленные из Пекина шесть тибетских сочинений подмочены и сильно повреждены. Они были переданы в университетскую библиотеку. Список книг, заверенный библиотекарем Казанского университета К.К. Фойгтом (будущим ректором Харьковского университета), прилагался к письму²⁸.

В письме Васильева попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину от 2 июня 1842 г.²⁹ сообщалось, что «ученые занятия его идут самым медленным образом», поскольку так и не удалось найти толковых учителей тибетского и санскритского языков³⁰.

Главную трудность, впрочем, составляла обстановка, сложившаяся в Русской духовной миссии на втором году ее пребывания в столице Китая, которую описал Васильев в письме попечителю.

28 февраля 1842 г., на свои именины, Васильев получил поздравления лично от архимандрита и членов миссии. Однако 7 марта художник миссии К.И. Корсалин обвинил Васильева в том, что тот отравил его на своих именинах³¹. Врач миссии А.А. Татаринов сделал вывод о «помрачении ума» у Корсалина, однако, чтобы не возвращать его в Россию, архимандрит принял решение поселить его на Северном подворье миссии вместе с Васильевым³².

9 марта, во время визита на Северное подворье, архимандрит в присутствии студентов И. Захарова и В. Горского осведомился у Васильева, что произошло на именинах. Разговор закончился открытой ссорой, поскольку Васильев потребовал придать делу формальный вид, коль скоро его обвиняют в уголовном преступлении и доверяют словам обвинителя больше, чем его³³. Захаров и Горский также оказались под подозрением, ибо Корсалин заявил, что все трое намерены выжить его с подворья. Далее конфликт разрастался, в него был вовлечен иеродиакон Палладий (Кафаров), и другие лица. А сам архимандрит, при всей внешней индифферентности, по сути, принял решающее участие в обострении конфликта.

В заключении письма Васильев ходатайствовал перед Мусиным-Пушкиным о возвращении в Россию³⁴.

Из следующего письма Васильева из Пекина, датированного 4 октября 1843 г., попечитель узнал о новых трудностях, мешавших его работе. Письмо начинается с жалобы на отсутствие определенной суммы, которая бы позволила самому Васильеву заниматься изысканиями нужной литературы или наймом нужных ему специалистов. Из-за спартанских условий быта, особенностей климата и

конфликтов с членами миссии сильно ухудшилось состояние здоровья востоковеда, в июле открылось кровохарканье, которое было остановлено врачом миссии. К тому времени один из членов миссии скончался от туберкулеза, что усиливало подавленность Васильева. Отношения с отцом-архимандритом более или менее наладились, и тот уверил востоковеда, что если к весне 1844 г. его состояние не улучшится, тот не будет препятствовать его возвращению³⁵.

Мусин-Пушкин через Азиатский департамент МИДа запросил у начальника миссии сведения о состоянии здоровья Васильева и хода его занятий, а также осведомился о необходимости его досрочного возвращения. 9 февраля 1844 г. пришел ответ³⁶. Сообщалось, что в последнем на тот момент донесении о Поликарпа от 6 октября 1843 г. о болезненном состоянии Васильева не упоминалось. В донесениях архимандрита министру иностранных дел ученые занятия Васильева в последний раз упоминались вообще в 1842 г. и были доведены до сведения министра народного просвещения 18 марта 1842 г. Учителя тибетского языка для Васильева пришлось выписывать из Монголии: это был монгольский лама, долгое время проживший в Тибете. Возвращение Васильева досрочно не представлялось возможным, поскольку согласие на 10-летнее пребывание в Китае было первостепенным условием включения востоковеда в состав миссии. Вопрос о необходимых средствах был решен положительно: «начальник миссии не может ему отказывать в расходах действительно нужных и клонящихся к той цели, для которой он послан и для которой дарованы ему самые эти средства»³⁷.

8 марта 1844 г. Васильев отчитался перед Мусиным-Пушкиным из Пекина собственноручно, письмо прибыло в Казань 9 июля³⁸.

Из отчета Васильева следует, что в начале 1844 г. он получил каталог для книжных закупок, которыми активно занимался, в том числе на средства, сэкономленные от найма учителей восточных языков. Васильев упоминал, что занимался китайскими классическими книгами для изучения языка, но полагал их собрание в университетской библиотеке вполне достаточным для образовательных нужд. Был куплен «И-цзин», но гораздо больше сложностей составило приобретение исторических сочинений. Васильев хотел приобрести официальное 80-томное издание «23-х династических историй», а не покупать сочинения по частям в изданиях разного качества и авторитетности. Вдобавок, пользуясь редкостью издания «Истории династии Мин», торговец запросил за него 650 руб. серебром, вместо 300 руб., указанных в каталоге. Много писал Васильев о скверном качестве ксилографической печати, из-за чего на многих страницах невозможно было разобрать ни единого иероглифа. Он сетовал на несовершенство присланного ему книжного списка, в котором не были указаны три важнейшие энциклопедии династии Сун (960 – 1279 гг.) – «Тун-чжи», «Тун-дянь» и «Вэнь-сянь тун-као», которые являлись ценнейшими собраниями систематизированных ис-

точников как для образовательных, так и научных нужд. Ко времени получения каталога эти энциклопедии были им уже приобретены и даже с продолжением («Сюй-сань тун»), доведенным до конца династии Мин (1368 – 1644 гг.).

Васильев писал в отчете, что не занимался маньчжурским языком, но спрашивал у попечителя, угодно ли ему, в виду учреждения кафедры маньчжурской словесности, приобретать книги и на этом языке, указывая, что со временем они становятся реже и дороже, и изначально маньчжурский перевод стоил дороже китайского подлинника. Поскольку полный комплект Ганчжура и Данчжура так и не был приобретен, архимандрит Поликарп по просьбе Васильева в январе 1844 г. обратился в Лифаньюань (Палату внешних сношений) с просьбой отпечатать для миссии копию этих сводов по ксилографическим матрицам, хранящимся в Пекине. Ко времени написания отчета ответа на эту просьбу не поступило.

20 ноября 1844 г. Ковалевский направил в Пекин письмо, в котором выражал свое и попечителя Казанского учебного округа удовольствие от содержания мартовского отчета. Там же указывалось, что начальство не стесняет Васильева в выборе покупаемых книг, всецело полагаясь на его «познания и вкус к литературе». В письме содержалась просьба расширить ассортимент маньчжурских книг, и к нему прилагался список пособий, необходимых для занятий студентов, на китайском и маньчжурском языках. Содержалась также просьба приобрести тибетские сочинения, изданные за пределами Пекина, а также книги, касающиеся Туркестана³⁹.

Далее в переписке, сохранившейся в Казани, следует огромный провал, который напрямую «перебрасывает» нас к итогам и оценкам путешествия в Китай. XII духовная миссия в Пекине закончила свою работу в самом конце 1849 г., но в силу особенностей передвижения через пустыню Гоби, по Монголии, в Сибири и по Уралу только к сентябрю следующего, 1850-го, года Васильев вернулся в Казань.

* * *

Следующее письмо Васильева на имя Лобачевского (тогда – помощника попечителя и управляющего Казанским учебным округом) датировано 20 сентября 1850 г. В письме содержалась просьба о 28-дневном отпуске, начиная от 23 сентября, для встречи с престарелой матерью в Нижнем Новгороде. Представление отчета о научной командировке и о расходе отпущенных средств было обещано к 1 декабря. Просьба была удовлетворена⁴⁰.

Из письма Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину от 27 ноября 1850 г.⁴¹ следует, что 25 октября Васильев вернулся в Казань из Нижнего Новгорода, но так и не представил отчета о своих занятиях тибет-

ским языком и санскритом. Исходя из пожелания Азиатского департамента МИДа, было решено назначить Васильева преподавателем языка, литературы и истории Китая в том же объеме, в каком их осуществлял покойный профессор О.П. Войцеховский (1793 – 1850), а равно и маньчжурского языка.

Не дожидаясь получения отчета Васильева, 26 ноября Совет Казанского университета, по представлению Ковалевского, рекомендовал его на эту должность. И 4 декабря Васильев приступил к исполнению своих обязанностей, что следует из письма ректора университета Ивана Михайловича Симонова (1794 – 1855) попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину от 6 января 1851 г.⁴²

После изучения отчета Васильева о занятиях тибетским и санскритским языками, который от него потребовали представить к 1 декабря 1850 г., и перечня приобретенных книг было отмечено, что из отпущенных на эти цели 7 000 руб. (280 фунтов серебра по весу) ему удалось сэкономить 1 320 руб. (52 7/8 фунтов)⁴³.

4 февраля 1852 г. в Казанском университете было проведено освидетельствование привезенного из Пекина груза – 54 ящика, из которых 51 был опечатан печатью университета и 3 – личной печатью Васильева. После освидетельствования в присутствии ректора и экзекутора было объявлено, что неучтенных вещей и товаров в ящиках не оказалось, а закупленные книги доставлены в целости⁴⁴. Общий вес привезенных грузов – 312 пудов 172 фунта⁴⁵.

За этим началось дело о расчете денежных средств, недоиспользованных Васильевым в Китае.

В письме ректора Казанского университета Симонова на имя попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина от 2 февраля 1855 г., сообщались следующие сведения. В августе 1852 г. исполняющий обязанности экстраординарного профессора Васильев и бухгалтер Казанского университета титулярный советник Ставропольский выявили ошибку в расчетах при обмене серебряных лан (лянов) на медные чохи (вэни), имевшую место еще в сентябре и октябре 1846 г. По тогдашнему курсу, русский фунт серебра равнялся 1 серебряной лане и 6 чинам (цзяням). Васильевым фунт серебра разменивался на 4 000 чохов, несмотря на установленный курс в 4000 чохов за лану. За счет разницы получился излишек в 139 600 чохов. К тому же значительную часть книжных покупок в последний период пребывания в Пекине Васильев совершил за собственный счет. Общая сумма пекинских расходов Васильева составила (в пересчете на рубли серебром) 5 928 руб. 24 коп., из которых 1 180 руб. – на наем учителей, 4 407 руб. – на покупку книг. Из-за недостачи Васильев обратился к начальнику миссии, который возместил некоторые средства. В результате выяснилось, что всего Васильев издержал 297,4 фунта серебра вместо положенных 280 фунтов⁴⁶.

В Национальном архиве Республики Татарстан сохранился оригинал «Краткого отчета о занятиях во время десятилетнего пребывания в Пекине магистра Васильева»⁴⁷. Это – черновик, написанный крайне неразборчивым почерком, со многими ошибками, поправками и помарками. Тем не менее, в черновике сохранилась примечательная таблица, в которой Васильев оценил свои достижения и расходы⁴⁸. Основное место в таблице занимает роспись приобретенных в Пекине печатных и рукописных сочинений, заглавия которых не раскрыты, дана лишь классификация («буддийские», «даосские», «по части земледелия» и так далее) с разбивкой по языкам: «Книги на китайском языке», «на маньчжурском», «на маньчжурском с китайским», «на нескольких языках», и прочее. Количество их указано по «главам», то есть имелись в виду китайские книжки-бэни, из которых составлялись объемные сочинения. Больше всего оказывалось исторических сочинений на китайском языке – 445 «глав», далее – географических (272) и буддийских на том же языке (236 глав). Отдельно упоминались иллюстрированные издания (16 глав). Религиозных сочинений на тибетском языке было заявлено 304 главы. Все перечисленное было оценено в сумму 3994390 медных чохов.

Черновик отчета Васильева лег в основу представления Историко-филологического факультета, подписанного деканом К.К. Фойгтом и заслушанного в Совете университета 13 января 1851 г.⁴⁹ В представлении было прямо сказано, что «учреждение кафедры тибетского языка, для которой, собственно, предназначался г-н Васильев, может потребовать еще довольно времени, а между тем, кафедра китайского и маньчжурского языков со смертью исправляющего обязанности профессора г-на Войцеховского упразднилась...»⁵⁰. Факультету решение помощника попечителя Лобачевского и Совета университета о назначении Васильева на должность преподавателя китайского языка, литературы и истории, было представлено 4 декабря. Ранее, как ему и предписывалось, Васильев 1 декабря 1850 г. представил свой отчет «о занятиях в Пекине восточными языками, которых изучение на него было возложено, о приобретении им книг и произведений природы и искусств, и употреблении отпущенных сумм»⁵¹.

Рассмотрение отчета Васильева распоряжением декана Историко-филологического факультета Фойгта от 8 декабря было возложено на монголоведов Ковалевского и А.В. Попова. Их «мнение» настолько характерно по стилю, что имеет смысл процитировать и пересказать их обширно. Кроме того, в тексте «мнения» двух востоковедов дословно цитируются большие фрагменты отчета Васильева, что облегчает работу исследователя над трудночитаемым оригиналом.

«Магистр нашего университета г. Васильев до своего выезда с духовной миссией в китайскую столицу для усовершенствования себя в знании тибетского языка и литературы, и для изучения китай-

ского и маньчжурского языков, получил письменное наставление в руководство при своих занятиях и близком знакомстве с жизнью отдаленного края Азии. По истечении десяти лет наш питомец возвратился к нам с драгоценными познаниями, которые свидетельствуют об его трудолюбии и редких дарованиях...»⁵². Главным предметом его занятий был тибетский язык, который он изучал как в письменной, так и в разговорной форме, общаясь с носителями разных диалектов. Активно он занимался и собиранием материалов к словарю. За основу словарной работы он взял включенный в Данчжур буддийский санскрито-тибетский словарь «Махавьютпатти», причем в Пекине он смог раздобыть его рукопись с монгольскими и китайскими соответствиями и комментариями. «Это огромное сочинение, если автор успеет закончить и издать оное по продуманному им плану, образует эпоху в наших филологических, богословских и исторических изысканиях о буддизме»⁵³.

Параллельно Васильев работал над тибетской хрестоматией и переводом «Истории буддизма в Индии» Даранаты (правильнее: Таранатха), для его комментирования широко использовались китайские и тибетские источники, включая перевод раздела Данчжура о 18 буддийских школах шраваков, «биографий 84 волхвов», и прочее. На основе тибетских источников он составил материалы к написанию «Истории буддизма в Тибете» как продолжения сочинения Даранаты. Также он имел возможность на основе китайских и монгольских материалов составить аналогичные сочинения по истории буддизма в Китае и Монголии.

Далее Ковалевский и Попов описали занятия Васильева китайским языком и литературой. При этом они процитировали приведенный в «отношении» Историко-филологического факультета перечень следующих материалов:

1. Перевод «Описания Западных стран» (Си-юй-цзи) Сюань-цзана, буддийского патриарха VII века;
2. Географические карты китайских династий, необходимые для работ в области исторической географии Китая и Туркестана (некоторые образцы сохранились в деле);
3. «Сведения о киданях»;
4. «Сведения о чжурчжэнях»;
5. «Сведения о монголо-татарах»;
6. «Сведения о Нингуге», все почерпнутые из китайских источников.

«Второе поручение, данное ему университетом, состояло в приобретении печатных и рукописных сочинений на разных языках для нашей библиотеки. И это, судя по представленному им каталогу, исполнено добросовестно и с пользой для университета. <...> Собрание китайских книг самое большое; это зависит, отчасти, и от самого разнообразия [китайской] литературы. Хотя он преимущественно устремлял свое внимание на исторические и географиче-

ские сочинения, но не ускользнули от него ни классические книги, ни поэты, ни повести и романы, не говоря уже об учебниках для языкознания. Тут г-н Васильев смотрел не на одни собственные занятия, а на ряд поколений, для которых составляется библиотека»⁵⁴. Тибетские книги, привезенные им, по большей части были пекинского издания, но некоторые были выписаны из Лхасы. «...Если правительство решит учредить при нашем университете кафедру тибетского языка, будущий представитель этой кафедры найдет в нашей библиотеке драгоценные материалы для своих ученых трудов на многие годы»⁵⁵.

Наконец, два монголоведа выражали пожелание Васильеву в скорейший срок составить систематический каталог всех привезенных им сочинений на китайском, маньчжурском, монгольском, калмыцком, тибетском и санскритском языке. «Издание такого каталога может короче познакомить туземных и зарубежных ориенталистов с сокровищами нашего университета и расширить круг наших ученых сношений»⁵⁶.

В представлении Историко-филологического факультета указывались и «второстепенные» достижения Васильева. В частности, он изучил несколько диалектов монгольского языка, особенное внимание уделив буддийской терминологии, и описал «отличия туркестанского диалекта», а также изучил маньчжурский язык по переводам китайских классических, исторических и законодательных сочинений. В достаточной степени он познакомился с грамматикой и лексикой санскрита, необходимых для чтения тибетских текстов. Особо отмечалось, что «согласно данному ему наставлению», Васильев вел в Пекине дневник⁵⁷.

После перечисления всех достижений Васильева Совет университета ходатайствовал о присуждении ему пожизненной пенсии в размере 500 руб. серебром в год и включения десятилетнего пребывания в Пекине в «действительную государственную службу» с присуждением чина титулярного советника от даты утверждения его магистерской диссертации, то есть от 29 февраля 1840 г. Поскольку он не получил положенного по выслуге повышения, Совет университета ходатайствовал также о его повышении с 1 марта 1846 г. в чин коллежского асессора, и с 1 марта 1850 г. – надворного советника, с переводом его с 9 июля 1850 г. из Министерства иностранных дел в ведомство Казанского университета⁵⁸.

О кафедре тибетского языка в университетском ходатайстве было сказано следующее: «Хотя изучение тибетского языка было поставлено на первом плане при отправлении г-на Васильева в Пекин, и с возвращением его предполагалось ходатайствовать об учреждении при нашем университете кафедры сего языка; но обращая внимание на то, что такое учреждение кафедры потребует еще много времени и новых издержек, без этого уже значительных, в разряде восточных языков, и самое число слушателей, которые пожелают посвятить

себя изучению нового языка неизвестно, соображая, что кафедра китайского и маньчжурского языков, уже существующая в университете с 1837 года, числящая более слушателей, и независимо от теоретического значения, представляющих более практическое применение, – со смертью г-на исправляющего должность профессора Войцеховского, осталась вакантною...»⁵⁹.

До получения степени доктора восточной словесности, Совет университета утвердил Васильева в должности экстраординарного профессора китайской и маньчжурской словесности со всеми положенными правами, жалованьем и квартирными деньгами. Основанием для принятия такого решения стало прошение декана Историко-филологического факультета, в котором в частности говорилось: «Все такие ходатайства в пользу магистра Васильева факультет считает не более, как вполне заслуженным им вознаграждением за томительное десятилетнее пребывание в отдаленном чуждом краю, в лучшие годы жизни среди лишений и препятствий разного рода, в постоянных тяжелых трудах, поддерживаемых единственно твердою силою воли, пламенной любовью к науке и благородным стремлением оправдать ожидания и заботливость просвещенного правительства»⁶⁰.

* * *

Так важнейший период жизни Васильева представлен в целом собрании документов, которые, при всей их разнородности, интересны как четкой хронологической последовательностью, так и разнообразием освещенных сторон его научной деятельности⁶¹, в которой причудливо смешались купленные у частных лиц подарки для пекинских чиновников и труды по поиску редких буддийских сутр на тибетском языке.

Примечания Notes

¹ *Валеев Р.М.* Василий Павлович Васильев, 1818 – 1900. Казань, 2002. С. 4.

² *Васильев Л.С.* Корифей русского китаеведения // История и культура Китая: Сборник памяти академика В.П. Васильева. М., 1974. С. 7.

³ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 56–57.

⁴ *Куликова А.М.* Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб., 2001. С. 138.

⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 103.

⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 22–28об.

⁹ Там же. Л. 27об., 28.

¹⁰ *Алексеев В.М.* Академик В.П. Васильев: Замечания по поводу научного творчества и наследия (К 50-летию со дня смерти) // *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982. С. 57–59.

¹¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 28об.

¹² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 64–66.

¹³ Там же. Л. 88, 88об.

¹⁴ Там же. Л. 68, 68об., 71.

¹⁵ Там же. Л. 71.

¹⁶ *Валеев Р.М., Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Тугужекова В.Н.* Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Западный Китай в 1890 г. // *Гасырлар авазы = Эхо веков.* 2015. № 1-2. С. 149.

¹⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 114.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 114об.

²⁰ Там же. Л. 146–147об.

²¹ Там же. Л. 146.

²² Там же. Л. 147.

²³ Там же. Л. 162.

²⁴ Там же. Л. 162об.

²⁵ Там же. Л. 163.

²⁶ Там же. Л. 163об.

²⁷ Там же. Л. 172.

²⁸ Там же. Л. 182.

²⁹ Там же. Л. 189–200.

³⁰ Там же. Л. 190.

³¹ Там же. Л. 191об., 192.

³² Там же. Л. 193.

³³ Там же. Л. 194, 194об.

³⁴ Там же. Л. 195об.–200.

³⁵ Там же. Л. 207–208.

³⁶ Там же. Л. 210–212.

³⁷ Там же. Л. 211об.

³⁸ Там же. Л. 217–222об.

³⁹ Там же. Л. 225, 225об.

⁴⁰ Там же. Л. 246.

⁴¹ Там же. Л. 255–256об.

⁴² Там же. Л. 278–282об.

⁴³ Там же. Л. 312.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 322об.

⁴⁶ Там же. Л. 328–330об.

⁴⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 59–82.

⁴⁸ Там же. Л. 80об.

⁴⁹ Там же. Л. 51–58.

⁵⁰ Там жн. Л. 51об.

⁵¹ Там же. Л. 51.

⁵² Там же. Л. 51об., 52.

⁵³ Там же. Л. 52.

⁵⁴ Там же. Л. 53.

⁵⁵ Там же. Л. 53об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 54–56об.

⁵⁸ Там же. Л. 57, 57об.

⁵⁹ Там же. Л. 57об. –58.

⁶⁰ Там же. Л. 58.

⁶¹ *Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.* Методы полевой работы в дневниковом наследии востоковедов последней трети XIX в. (на материале записей Н.Н. Миклухо-Маклая и Н.Ф. Катанова) // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2016. Т. 158. № 6. С. 1499–1502, 1504–1506.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – докт. ист. наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета
dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна – канд. ист. наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета
juliemartynova82@gmail.com

Валеев Рамиль Миргасимович – докт. ист. наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета
valeev200655@mail.ru

Основные вехи жизни и научные труды российского китаеведа академика В.П. Васильева (1818 – 1900) хорошо известны. Однако поиск новых архивных документов о малоизвестных страницах сохраняет свою актуальность. Авторами впервые в отечественной историографии освещается пребывание магистра философии Васильева в 1840–1850 гг. в Пекине, куда он был направлен в качестве студента Русской духовной миссии. Ранее неизвестные документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Татарстан, впервые дали возможность осветить этот период жизни и научной деятельности Васильева. После защиты диссертации по философии монгольского буддизма в 1840 г., магистр Васильев предназначался для открываемой кафедры тибетского языка в Казанском университете. Для реализации этого начинания, по инициативе Казанского университета и по договоренности между Министерством народного просвещения и Министерством иностранных дел, он был командирован в Пекин. Помимо изучения тибетского и санскритского языков, перед ним была поставлена сложная задача закупить книги для Академии наук и Казанского университета, в том числе китайские и маньчжурские исторические и географические сочинения. Работу Васильева в Пекине осложнило немало обстоятельств, включая противостояние между церковными и светскими членами Русской духовной миссии в Пекине. В течение 1842–1844 гг. тянулся конфликт вокруг Васильева, и этот конфликт вынудил его потребовать возвращения в Россию. Подробные отчеты Васильева и другие документы, в которых оценивается его деятельность, позволяют судить о восприятии научных результатов командировки Васильева как руководящими чиновниками Министерства народного просвещения, так и его старшими кол-

легами – учеными Казанского университета. Учебные и научные планы, которые были установлены Васильеву, начинающий ученый выполнил и перевыполнил. В частности, он собрал большую коллекцию источников по истории буддизма в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

Министерство народного просвещения, Казанский учебный округ, Казанский университет, Министерство иностранных дел, Русская духовная миссия в Пекине, буддизм, востоковедение, китаеведение, В.П. Васильев, О.М. Ковалевский, М.Н. Мусин-Пушкин.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Martynov D.E., Martynova Yu.A. *Metody polevoy raboty v dnevnikovom nasledii vostokovedov posledney treti XIX v. (na materiale zapisey N.N. Miklukho-Maklaya i N.F. Katanova)* [Field Work Methods in the Diary Records of the Orientalists of the Last Third of 19th Century (from the Notes of N.N. Miklukho-Maclay and N.F. Katanov)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 158, no. 6, pp. 1495–1509. (In Russ.).

2. Valeev R.M., Martynov D.E., Martynova Yu.A., Tuguzhekova V.N. *Nauchnoe puteshestvie N.F. Katanova v Zapadnyy Kitay v 1890 g. [N.F. Katanov's Scientific Journey to Western China in 1890.]*. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*, 2015, no. 1-2, pp. 148–157. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Alekseev V.M. *Akademik V.P. Vasilyev: Zamechaniya po povodu nauchnogo tvorchestva i naslediya (K 50-letiyu so dnya smerti)* [Academician V.P. Vasilyev: Comments Regarding Scientific Creativity and Heritage (On the 50th Anniversary of His Death)]. *Alekseev V.M. Nauka o Vostoke: Stati i dokumenty* [The Science of the East: Articles and Documents.]. Moscow, 1982, pp. 56–67. (In Russ.).

4. Vasilev L.S. *Korifey russkogo kитаеведeniya [The Coryphaeus of Russian Sinology.]*. *Istoriya i kultura Kitaya: Sbornik pamyati akademika V.P. Vasilyeva* [The History and Culture of China: A Collection in Memory of Academician V.P. Vasilyev.]. Moscow, 1974, pp. 7–19. (In Russ.).

(Monographs)

5. Kulikova A.M. *Rossiyskoe vostokovedenie XIX veka v litsakh [Russian Orientalism in the 19th Century: Scholars]*. St. Petersburg, 2001, p. 138. (In Russ.).

6. Valeev R.M. *Vasilii Pavlovich Vasilyev, 1818 – 1900* [Vasilii Pavlovich Vasilyev, 1818 – 1900.]. Kazan, 2002, p. 4. (In Russ.).

Authors, abstract, keywords

Dmitry E. Martynov – Doctor of History, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

dmitrymartynov80@mail.ru

Yulia A. Martynova – Candidate of History, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)
juliemartynova82@gmail.com

Ramil M. Valeev – Doctor of History, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)
valeev200655@mail.ru

The major developments in the life of Vasilii P. Vasilyev (Wassiljew) (1818 – 1900), a Russian academician–sinologist, as well as his works are quite familiar. However, further efforts need to be taken to research new archival documents concerning obscure pages of his life. In keeping with this, the authors of the article describe, for the first time in Russian historiography, Vasilyev's stint in Beijing from 1840 to 1850. He arrived there as a scholar of the Russian Ecclesiastical Mission. This part of Vasilyev's life and scholarly work was covered due to some newly found documents in the National Archives of Tatarstan. After he defended his dissertation on the Philosophy of Mongolian Buddhism in 1840, Vasilyev, Master of Philosophy, was invited to work at an opening Chair of the Tibetan language, Kazan University. Aiming to implement its intention, the Kazan University sent him to Beijing, with the support from the Ministry of Public Education and Ministry of Foreign Affairs. Apart from studying Tibetan and Sanskrit, he was charged with the difficult task to purchase books for the Academy of Sciences and the Kazan University, including Chinese and Manchurian works in history and geography. His work in Beijing was made harder due to a number of circumstances, particularly, the opposition between the clerical and secular members of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing. The conflict involving Vasilyev lasted throughout 1842–1844, which made him insist on returning to Russia. Vasilyev's detailed reports and other documents which possess certain assessments of his activities allow to judge how differently the top officials from the Ministry of Public Education and his own senior colleagues, academics from the Kazan University, appraised the scholarly outcome of his mission. The academic and research plans set before Vasilyev were fulfilled and overfulfilled by the young researcher. Among other things, he gathered a large collection of resources on the history of Buddhism in Central Asia and Far East.

Ministry of Public Education, Kazan Educational District, Kazan University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, Buddhism, Eastern studies, Sinology, Vasilii P. Vasilyev (Wassiljew), Josef Kowalewski (Osip M. Kovalevskiy), Mikhail N. Musin-Pushkin (Moussine-Pouchkine).

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 21.12.17
Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru